Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 3

2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Медина ЭЛЬДАРОВА. *Миниатюры* 3
Наргиз БАГИРОВА. *Этюды* 7
АЙДАН. *Притчи* 13
Марина МУРСАЛОВА. **Время цветения любви.** *Рассказ* 24
МИНА. *Рассказы* 26
Хиджран ГУСЕЙНОВА. **Сны Айгюн, или имитация счастья.** *Рассказ* 28
Кенжегуль ШИРИНОВА. **Простое счастье.** *Рассказ* 37
Елена АНДРЕЕВА. **Истории, происходящие у моря** 52
Татьяна РУСТАМЛИ. **Научись слышать тишину!** 88

ПОЭЗИЯ

Татьяна МАРКОВА. **Год без любви.** *Цикл стихов* 17
Ляман БАГИРОВА. *Стихи* 30
Майя БАДАЛБЕЙЛИ. *Стихи* 45
Елизавета КАСУМОВА. *Стихи* 85

ПУБЛИЦИСТИКА

Таира ДЖАФАРОВА. **Открытое окно** 32
Беттина КАЙБАХ. **Перепалка в патриотической клоаке** 50
Ляман БАГИРОВА. *Эссе* 73

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА тел: (050) 772-09-41 (для СМС)**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,*** **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 12.02.2020 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2020 г.

СЛОВО – ЖЕНЩИНАМ

МЕДИНА ЭЛЬДАРОВА

М И Н И А Т Ю Р Ы

В непогоду

Без особой нужды никто не выходит в ненастье. Непогода ведь тоже не сама по себе. Так что лучше ей не мешать, а сидеть по домам, особенно вечерами. Убраться чистенько, приятным делом заняться. Печь пироги, кормить домочадцев, вести тихую беседу за чаем, за кофе, смотреть добрый фильм, читать хорошую книгу, рукодельничать и много еще всего, милого нашему сердцу, кому что. Помня о том, что творится снаружи, прислушиваешься к буйству стихий, то и дело поглядывая в окно. Ветер гуляет, хлещет по стенам, по стеклам дождем, что-то стучит, где-то грохочет, гудит, а ты вышиваешь, к примеру. Иголка мелькает, ложится узор, и так хорошо. Сюжет за сюжетом, цвет за цветом, аккуратным стежком отшивается в вышивке мир за окном. Лето и дворик, портрет и пейзаж, розы, дом и маяк, натюрморт или тихий сад. Год за годом, день за днем вышивается жизнь, стежок за стежком, то гладью, то крестом, мережкой, французским узелком. Черно-белый сюжет – в полкреста, многоцветный – в две нити, эпизод – монохром. Мулине, бисер, ленты, шерсть. Выбор есть в границах воли небес. Есть жизнь, есть родные, есть дом – все это счастье. Без особой нужды никто не выходит в ненастье.

Когда придет зима

Когда придет зима, я поищу для нее слова. Стынут звуки и губы, стынут пальцы и буквы. Зима. Мало света, красок и цвета. Зимний день ушел глубоко в себя. И все же, когда придет зима, я подумаю, поищу и найду для нее слова. Мягкие, теплые, добрые, любые, чтоб не грустила о том, что сурова и холодна, одета неброско, о том, что стара. Не грусти, зима, мы вместе зимуем, и впереди весна.

Колокольчик

Цветы всегда были моей неизбывной любовью. Они по-разному появлялись в моей жизни, и пусть не все ходили в фаворитах, но толикой внимания не был обделен ни один из них. Сегодня речь о колокольчике, который довольно поздно появился в моем чудесном букете. Увидев его впервые у лесной тропинки, я была просто очарована. Тонкий стебелек и несколько темно-голубых цветков. Само совершенство, милое и трогательное. Он был один, но вовсе не выглядел одиноким. Приветливо голубел на фоне зелено-коричневых красок леса. Казалось, колокольчики слегка покачиваются, разливая вокруг волшебство, рассказывая одну из лесных сказок. Наш дверной колокольчик выкован в сельской кузнице высоко в горах. У него чистый, протяжный звон, он помнит, вероятно, песни гор. Изящный фарфоровый колоколь-

чик звенит загадочно и утонченно, будто ему известны все тайны истории фарфора со времен древнего Китая до наших дней. Есть и глиняный, попроще, он расписной, и в нем – тепло рук гончара. Их много, они отовсюду и повсюду, от гостиной, в руках знатного вельможи, до сельского луга, на шее козы. У каждого своя история, которую они с удовольствием вам поведают, стоит только вслушаться в их звон. Радуйся, грусти, мечтай, желания загадывай – он всегда тебе созвучен. Позвони в колокольчик, и слетятся ангелы и феи, разделят радость, развеют грусть. Все решится, все хорошее случится, станет легче на душе. В колокольчике есть волшебство.

Май

С тех пор, как я полюбила любую погоду, стало легче и приятнее жить. Любую погоду, все времена года, все месяцы. Каждый из них достоин хвалебной песни, сольной партии в оркестре. Сейчас весна и месяц май. Что может быть прекрасней?! Кто-то скажет: май любить легко, неоригинально и избито – так же, как любить весну. Но не любить его просто невозможно. Мы щуримся от яркого майского солнца, иначе можно ослепнуть от окружающей красоты и великолепия. Это не осторожный март, не робкий апрель, это широкий, щедрый май. Здесь птицы поют упоительно, воздух волшебный, деревья – в свежей листве, изо дня в день исходят цветеньем сирень, душистые ландыши, море цветов и, конечно, розы, розы и розы. Столько красоты, столько жизни, столько счастья! Месяц праздников и дней рождений, распахнутых окон и нарядных платьев, светлых улыбок и добрых эмоций, придающих жизни свой неповторимый вкус. Май – безупречная по красоте и исполнению увертюра к летней симфонии каникул, отпусков, отдыха, пикников и путешествий. Цветущие ворота лета. Среди огромного количества подарков мая есть один особенный – это ощущение полноценности существования и радости бытия. Не мысль, не слова, а полное осознание того, что это есть и будет всегда. Славься, Май, люблю тебя!

Окна на море

Если б из окон моих было видно море, я б подолгу на него смотрела. Красоту и цвет его вбирали б глаза, дышалось бы легче, отдыхала б душа. Глубокий синий, задумчивый серый, безмятежный голубой с серебристой волной, таинственный черный под полной луной. Какого цвета море сегодня? А завтра? А вчера? Не надоест морская гамма, не устану отличать оттенки, звуки, шумы, различать цвета. Спокойно оно, бежит ли волна, может, шторм надвигается, небо в темном тянет на себя? Чайки низко, корабль вдалеке, парус под ветром, маяк на холме – все к морю привязаны, все на одной с ним волне, и я вместе с ними в распахнутом к морю окне.

Оставайся с носом

Ее длинноватый с небольшой горбинкой нос никогда ей не мешал. Она была красивой, и он ее не портил, в любом состоянии и при любых обстоятельствах смотрелся пикантно, крайне достойно и всегда к месту. В плохом настроении, бывало, правда, свисал понуро и горбился еще больше, светлые глаза над ним сковывало льдом. В хорошем – подтягивался, расправлял тонкие крылья, гордо бороздя про-

странство. Глаза лучились и сияли. Как-то вечером, будучи в плохом расположении духа, она посмотрела на себя в зеркало, чего категорически делать нельзя, и подумала, что в старости с таким носом она будет похожа на злую ведьму с выцветшими глазами. И, пока не поздно, решила сделать себе другой нос, маленький и аккуратненький. Продумать детали решила утром, которое вечера мудренее. А ночью ей приснился страшный сон, добрые ангелы, наверное, постарались. Она увидела себя с новым носиком, почти совершенным, но таким безликим и невыразительным, и лицо с чужим носом стало просто никаким. Как жить? – проплыла перед глазами фраза, извиваясь всеми буквами. – Так и жить, с носом, – плыл дальше ответ. – Как в чужом платье, чужой жизнью одинаковоносых. Впридачу получишь дисгармонию облика, диспропорцию лица, диссонанс души и тела, дисбаланс жизни и прочее. Дальше поплыли лица с одинаковыми носами, как нашлепками на лице. Это был просто сон-кошмар. Утром она его тут же выбросила из головы. Приводя себя в порядок перед зеркалом, осталась вполне довольна собою, как обычно. «Какая глупость – носиться с носом! – думала она. – Дурное расположение духа ни к чему хорошему не приводит! Больше позитива, доброты, любви и счастья, друзья мои! Тогда в старости я, скорее всего, буду похожа не на злую ведьму, а на добрую волшебницу неопределенных лет». Магия со знаком плюс, и лучики в глазах! От удовольствия затрепетали крылья носа, он подтянулся и воспрял, подтягивая кверху кончик и слегка сглаживая горбинку. Правильный выбор – великая вещь!

Сад

Есть у меня маленький сад, там земля и цветы, птицы и небо над ним. Настоящий сад, за которым я ухаживаю: рыхлю и удобряю землю, сажаю, пересаживаю, опрыскиваю и поливаю. А какие в нем цветы! Самые разные, самые прекрасные! К розам прилетают бабочки, пчелы и шмели любят герань, а в кусте гвоздики часто гостит горлинка. Она не ломает при этом цветов, аккуратно усаживается и сидит – сизо-кофейная красавица среди розовых гвоздичек. Чудесный сад! Но есть в нем какая-то зыбкость, какая-то хрупкость. Он подвешен в пространстве, он завис над землей, он далек от нее. Он парит вместе с бабочками и птицами, он ближе к небу и облакам, он открыт солнцу и всем ветрам. Он цветет и благоухает, он – сад горшечных цветов на балконе высокого этажа.

Сказки

Жизнь полна сказочных персонажей, кривых зеркал, огня, воды, медных труб, царства на царстве, королевств в королевстве и прочего сказочного добра. Есть Золушки, есть принцы и великаны, Красные шапочки, старухи у разбитых корыт на каждом шагу, злые карлики и свирепые волки то и дело встречаются, добрые волшебники, мышиные короли, мальчики-с-пальчик, феи и злые мачехи попадаются, дворцы-виллы, кареты-лимузины. Все те же сказки, те же персонажи, изо дня в день лишь меняются маски. Сказочные инсталляции – искусство манипуляции. То ли чудится мне, то ли кажется, то ли злой колдун надо мной куражится? Но все тот же сборник сказок читается из века в век. Вечные ценности или замкнутый круг? Добро и зло, приправленные волшебством, не выпускают мир из рук.

Скоро дожди

Кончилось лето. Все яркие краски, все летние сказки ушли вместе с ним. Скоро дожди освежат после зноя город, смоют пыль, напоят землю, деревья, сады. Будут лить, моросить, просто идти. Мы откроем зонты в свои маленькие миры. Все они – параллельные. Иногда из этих своих миров мы рассказываем друг другу сказки. Какие миры – такие сказки.

Спутники недолгого пути

Душа сказала: – Ухожу.
Ум сказал: – Побудь еще.
Душа в ответ: – Я не могу.
Ум возразил: – Ты можешь все!
– О нет, – говорила душа.
Ум настаивал: – О да, душа моя, мы вместе навсегда!
– Игра ума, – вздохнула душа.
– Я помню, – упорствовал ум. – Ты рядом была всегда.
– Была, – соглашалась душа, – но теперь мне пора.
– Ты бездушна! – ум заявил вне себя.
– Ты безумен! – возмутилась душа.

Они позвздорили, но это сгоряча. Ум был глубок, и трепетна душа. Они лишь спутники недолгого пути, что человеку свыше предначертан. Теперь конец пути, и оба это знали.

– Я был не прав, прости, ты никогда бездушной не была.
– Прости и ты, я тоже не права, ты был на высоте всегда.

Ум усмехнулся под занавес и угас навсегда. Душа улыбнулась печально и тихо в вечность отошла. Роли сыграны, миссия выполнена.

Тайна

Есть ли имя у души? Если есть, то какое? Как звучит оно, на что похоже? Не хочется думать, что там, откуда души приходят в наши зарождающиеся тела и куда уходят потом, они числятся под серийными номерами или обозначены сухим набором символов. Иногда мне снятся несуществующие имена. Бывает, имя звучит во сне или в тексте каком-то всплывает, а то и просто чей-то голос все зовет и зовет кого-то. Я называю ими героев рассказов или забываю, едва проснувшись. Откуда они берутся в моих снах? Может, это имена моей души в прежних воплощениях ее или в других мирах? Душа наверняка не безымянна. Имя ее, должно быть, божественно прекрасно и нам неведомо. Это одна из тайн души. Как таинственна для нас она сама, так и все, что с ней связано. Тайна тайн за семью печатями, семью замками, семью небесами.

НАРГИЗ БАГИРОВА

Э Т Ю Д Ы

Цветок

Он стоял на ветру, дрожа своими нежными розовыми лепестками – маленький и беззащитный цветок...

– Как он похорошел, – сказала календула, – не правда ли, сестрицы?

– Неправда, – вмешался одуванчик, – и вообще – непонятно, кто он и откуда появился? Без роду, без племени…

Цветки календулы решили, что в такую непогоду неплохо бы и поспорить.

– А при чем здесь происхождение, – проворчала одна из сестер, – не пойму я что-то… Он очень мил, воспитан и всегда ровно держит голову!

– Пользы от него никакой, вот что! – вмешался грязный сорняк. – Например, ромашка и календула лечат людей, да и я тоже…тоже я…

– Что «тоже»? – ехидно спросил папоротник.

– Стану я отчитываться! – рассердился сорняк.

– Конечно, не станет… – пропищала садовая мышь, – сказать ведь нечего. Сорняк – он и в оранжерее сорняк!

– Цветочек очень хорошенький и нечего тут! А кому не нравится, пусть лучше на себя посмотрит! – вступилась за малыша ромашка.

– Тихо там, – прикрикнула крапива, – хватит! Какой пример вы подаете незабудкам?!

Цветы и травинки притихли. Им стало очень неловко перед крошечными незабудками, беспородным цветком и друг перед другом.

Пришла очередь шептаться другим обитателям сада.

– Мадам улитка, а, мадам улитка, – постучал по раковине майский жук, – спите, что ли?..

Улитка лениво выползла из своего домика:

– Разве на таком холоде уснёшь? Что вам, сосед?..

– Вот вы, мадам, вхожи в главную клумбу. Не слыхали, может, этот маленький цветок в самом деле состоит в родстве с госпожами розами? Очень уж он на них похож.

– Вздор! – заявила лягушка. – Ни капельки не похож! Посмотрите, какой он маленький! Его же не видно совсем.

– И стебелёк у него тоненький, коротенький, – добавила толстая зелёная муха.

– А хотите, я отгрызу ему ножку?.. – спросила мышь. – А что, я могу!.

Улитка начала медленно заползать обратно в свой домик:

– Не надо никому отгрызать ни ножки, ни рожки… Ну что это за манера такая?.. Госпожа роза пригласила меня на утреннюю росу... Вот там я и выясню, состоит ли с ней в родстве это маленькое растение или нет.

– Спасибо, мадам, – засуетился майский жук, – за ваши хлопоты, за… За все спасибо вам…

– Не за что, – милостиво кивнула улитка, – и, пожалуйста, не беспокойте меня до рассвета. Мне надо хорошенько выспаться перед завтрашним приёмом..

Розовый цветок стоял в стороне и чуть не плакал. Ему было очень обидно... Он слышал эти разговоры каждый день.

Цветок действительно очень походил на главную садовую розу, но был намного меньше ростом.

К тому же роза была очень высокомерна, а он всегда первым со всеми здоровался. И с удовольствием прятал в своих лепестках божью коровку, когда та играла в прятки со стариком скарабеем. Бабочка-капустница прилетала к нему за тем, чтобы рассказать последние новости. Она жаловалась на тяжёлую жизнь в городских условиях и на родню, которая редко приглашает ее в гости. Потом говорила о чудовищном смоге и принимала сеанс ароматерапии. Так она называла вдыхание его благоуханного аромата.

А позавчера на рассвете сам майский жук поведал ему, что собирается перебраться на большую вишню, поближе к своей престарелой мамаше. Правда, улитка, к которой он питает нежные чувства, выразила свое недовольство, но сыновний долг превыше всего! Что тут поделаешь, не он придумал этот мир...

Тут и говорить долго нечего – цветок был очарователен и прелестен, хотя и был очень небольшого роста. Правду сказала одна из рыжих календул: он всегда очень прямо держал свою голову. А какой аромат он источал вечерами!.. Это признавали даже цветы белладонны, а им было трудно угодить.

Дело происходило в марте, в самом начале весны, все ведь знают, какое это неустойчивое для погоды время. В саду и на улице было ветрено, слякотно и очень неуютно. А тут ещё на город налетел злой и холодный ураган…

Прохожие, держа шляпы обеими руками, бежали к своим домам, собаки искали сухие подворотни, черепица слетала с крыш, а в доме старого часовщика испуганно скрипели ставни.

Маленькому цветку было очень одиноко и страшно. Его пугали завывания ветра, куда там старой мыши с ее истертыми зубами... Ураган бил по его лепесткам острыми ледяными каплями, и ветер отчаянно хлестал его тонюсенький стебелек… Это была самая неудачная ночь в его жизни.

Но к утру ураган, увидев солнце, неожиданно притих, и вдруг сам по себе улетел непонятно куда.

Сад представлял собой довольно жалкое зрелище. С большой вишни слетел весь цвет, и всем было видно, как майский жук отпаивает свою сильно немолодую мамашу каплями белладонны.

Незабудки попрятались под травинками посильнее… Старая мышь жаловалась на боль в суставах, а облысевший в одну минуту одуванчик потерянно спрашивал, где можно приобрести новый парик. Цветки календулы, желая поправить здоровье, тянулись к утреннему солнцу. Толстая зелёная муха безуспешно пыталась высушить свои крылышки. А сорняк…

Вот, пожалуй, только сорняку, одному из немногих, было довольно комфортно. Он, как известно, вышел из грязи, а такие типы с лёгкостью приспосабливаются к любым условиям.

Но самое большое разочарование ждало улитку, когда она выползла из своего домика – теперь о ее утреннем визите к госпоже розе не могло быть и речи! Владелица главной клумбы, роза, очень постарела и подурнела, и было с чего: за эту ночь бедняжка растеряла добрую половину своих лепестков... А какая знатная дама будет принимать гостей в одних колючках, да ещё и практически на голом теле?..

Зато... Как прекрасно, ко всеобщему изумлению, выглядел мой любимый маленький цветок! И это несмотря на то, что ему этой ночью тоже пришлось несладко. Его нежные розовые лепестки улыбались утру… Он по-прежнему прямо держал голову, стебелек его был таким же несгибаемым, как всегда!

И вот что ещё важно: он как ни в чем не бывало снова первым со всеми здоровался… Впрочем, как обычно…

Усталая фея

В некоем полусказочном королевстве, согласно прописке, проживала одна фея.

Это было прекрасное, процветающее королевство, и фея была горда тем, что живет в нем.

Нехорошо обсуждать возраст дамы, но фея эта была, как бы поделикатней выразиться… не очень молода. Не стара, конечно, но уже как бы…давно на пенсии…

При этом она была бодра, тьфу, тьфу – здорова, и все еще мила настолько, что старый часовщик, работавший в зеленой будке неподалеку, никогда не упускал случая, чтобы при встрече не отпустить ей очередной комплимент.

Никто из соседей и не подозревал, что фея умеет колдовать, и что она в свое время принесла немало пользы: отвлекала внимание грозной дворняги, когда та гоняла по переулку кошек, подкидывала списки диетических продуктов толстушкам, разводила по противоположным сторонам нелюбивших друг друга и сводила воедино пути-дорожки влюбленных…

Всего и не упомнить – у нашей феи был солидный стаж работы, и она была на очень хорошем счету в Главном департаменте магии.

Но вот беда, с годами она стала забывать некоторые заклинания, путать языки птиц и зверей, в ветреную погоду у нее ныли колени, и, что самое ужасное, она не могла себе помочь. У нее не получалось. Ведь, как ни крути, а она все же была сильно немолода, ее мучила мигрень, а еще…

Еще, между нами говоря, она совершенно не владела новыми технологиями колдовства.

Так что теперь она занималась волшебством исключительно бытового свойства – мирила подравшихся мальчишек, приводила к часовщику случайных клиентов, разгоняла ночные тучи над королевством...

И тогда гром не пугал припозднившихся прохожих, а дождь не заливал будку грозной дворняги…

В общем, фея вела спокойную, размеренную жизнь.

Пускай теперь колдует молодежь, – думала она, – при нынешних вспомогательных средствах это сущие пустяки, пусть себе колдуют. Они молоды, самонадеянны и прекрасно разбираются в современной технике, пускай поколдуют – на здоровье, ей-то что…

А она возьмет интересную книжку, в теплую погоду выйдет в парк и, усевшись на любимой скамеечке между двумя раскидистыми акациями, немного почитает. И, может быть, даже нечаянно вздремнет…

Ей никто не помешает – дети в школах, их родители на службах, а старый часовщик уже который месяц занят тем, что пытается починить карманные часы своего прапрапрадедушки.

Итак, старуш…то есть, фея, устроилась с книжкой на скамеечке и принялась читать. Солнышко приятно согревало ее больные колени, жасминовый куст источал сладчайший аромат, и воробьишки чирикали вполголоса… Сами понимаете, что фея просто не могла не уснуть…Возможно, она немножечко схитрила и притворилась спящей, потому что пенсия пенсией, а надо знать, что происходит в родном королевстве. И ей приснился…или подслушался разговор двух старых акаций.

– Как вам это нравится, сестрица, – сказала акация справа, – она опять заснула!

– Ну, – примирительно ответила акация с левой стороны, – пускай спит, она же никому не мешает. Помните, как она когда-то одним взмахом волшебной палочки согнала с наших веток зловредных жуков? Хорошее нельзя забывать, моя дорогая…

– Да, было дело… Профессиональная была фея, не чета нынешним.

Фея незаметно улыбнулась.

– Да куда нынешним! Хотя она здорово сдала…постарела сильно…

Левое веко феи дернулось.

– Дааа… – вздохнули обе акации и замолчали.

И тут на ветку одной из них с громким карканьем уселась ворона:

– Ши-каррр-но выглядите!

– Тихо ты, не видишь разве – человек спит!

Ворона продолжила тихонечко:

– Слыхали, в паррр-ке за два кваррр-тала отсюда вырубают деревья?

– Как же это?! И туда добрались?! – заволновались старые акации. – Ну когда же это кончится?.. Если так пойдет, то скоро люди всех нас поубивают. Где тогда они будут спасаться от дождя, под чьими ветками будут целоваться?..

– Да! – подтвердила ворона. – Страшная каррр-тина!

И улетела.

А акации продолжали махать своими ветками.

– Какое безобразие!

– Какое беззаконие!

– Ведь всего неделю назад присевшие на эту скамью два важных господина беседовали о том, что нас больше не будут вырубать, что отныне каждое дерево королевства находится под защитой власти! Как же так?

– Ах, не волнуйтесь вы так, дорогие акации…– попытался их успокоить куст волчьей ягоды, – может, все еще обойдется?

– Ну как же, обойдется! Вот и тополя на приморском бульваре были уверены, что обойдется. Приветы нам с чайками присылали… А их все равно повырубали, мы с ними даже проститься не успели… – левая акация роняла слезу за слезой.

Правая держалась стойко, но листочки ее предательски дрожали.

– А как они величаво несли вахту у берега! – вздохнула божья коровка. – И как поэтично шелестели их кроны под легкий морской бриз…

– Теперь на их месте живут пальмы и кактусы, – обеспокоенно вмешалась бабочка-капустница, – я слышала от стрекозы, что их выписывали из-за границы. Они очень заносчивы и ни с кем не желают общаться.

– А с чего им заноситься, кого они в летний полдень спасли от жары? – возмутилась старая садовая мышь. – Поражаюсь некоторым, им лишь бы пустить пыль в глаза!

Акации горестно шевелили своими ветвями. Они вспомнили своих соседей – это были два миндальных дерева, растущих рядом с ними.

Весь парк с трепетом наблюдал за их романтическими отношениями. Как нежно переплетались их ветки, как они любили ласково гладить друг друга и шептаться о своих секретах… А когда наступала ранняя весна, ароматы их цветов смешивались друг с другом и сводили с ума влюбленных…

В один злополучный день в парк пришли два веселых парня. Они взяли пилу в руки, и она омерзительно заскрежетала своими не знающими пощады зубами. Все деревья и кустарники замерли от страха, птицы с криками ужаса улетели прочь, сестры-акации безутешно рыдали. И лишь миндальные деревья мужественно приняли свою смерть. Они не кричали, не посылали проклятья людям и только из последних сил шелестели своими мертвыми ветвями: «Прощайте... Прощайте…»

Правая и левая акации, сохранив верность миндальным братьям, так и не устроили свою личную жизнь. И потому им казалось неприличным вспоминать вслух своих кавалеров… Но они все помнили…

Помнили, как постепенно привыкли к потере своих братьев и сестер. Как в парке вырубались розовые и жасминовые кусты, персиковые и оливковые деревья, дубы и ивы… Бабочки в панике трепетали своими крылышками, дикие пчелы нелегально эмигрировали из королевства, птицы не успевали эвакуировать свои гнезда…

Приходил человек обыкновенный и убивал. Убивал тех, кто дарил ему цветы и ягоды, истреблял тех, по чьим веткам лазали его дети, безжалостно уничтожал тех, кто не мог ему ответить.

Он не пощадил никого.

Даже старых эльдарских сосен не пожалел, а ведь он когда-то любил гулять в их тени и наблюдать за ежиками, ловко прятавшимися в густых коврах их опавшей хвои.

– Бедные эльдарские сосны, они были так неприхотливы и так живописны… они так украшали наше королевство, – вздохнула левая акация.

– Хватит вам ныть! – приказал новенький фонарь с тротуара, – надоели, старые зануды! На месте этих кривых горбатых сосен построили великолепные высотные дома! Они будут служить людям!

– А мы?! – задохнулась от обиды левая акация. – А мы кому служим?!

– Не нервничайте так, моя дорогая, а то у вас опять случится паралич ветки, и она перестанет цвести, – успокоила ее «правая» сестра, – а вы, молодой, человек, потрудитесь замолчать, раз не умеете себя вести в приличном обществе.

Фонарь презрительно моргнул и, решив не связываться со старухами, переключил свое внимание на неоновую рекламу, с которой безуспешно кокетничал вот уже вторую неделю.

Деревья зашептались.

– Какой хам! – сказала алыча.

– Вопиющая невоспитанность! – заявила яблоня.

Груша молча кивнула.

А слива тихонько возмутилась:

– И чего он так выпячивается? Подумаешь, какой заграничный франт выискался!

– А вы помните, уважаемая слива, – поддержал беседу китайский ясень, – нашего покойного старого фонаря? Как славно он светил своими яркими лампами и никогда, повторяю, никогда не позволил бы себе так бесцеремонно вмешаться в чужой разговор.

Все согласно закивали головами, хотя, если откровенно, обитатели парка за глаза называли китайского ясеня «вонючкой» и слегка презирали его за вульгарный запах цветов и за откровенный подхалимаж к дубу.

Деревья снова замолчали…

Из оцепенения их вывела молоденькая голубка, прилетевшая с новостями в клювике из сквера за два квартала от парка.

– Ужасно, ужасно… Не знаю, как сказать. Они просили передать вам, чтобы вы не оплакивали их и что чему быть – того не миновать…Это так страшно, – продолжала она торопливо, – их рубят, и кровь сочится из их обрубленных веток… Им очень больно. Удивительно, что люди совсем не слышат их стонов и плача.

Деревья снова расшумелись, молодые ветки испуганно всхлипывали, прижимаясь к стволам, листья беспомощно трепетали, и ласточки кричали что-то истошно.

И вдруг правая акация тихонько шепнула левой:

– Удивляюсь я этой вишне. Все беспокоятся, одной ей хоть бы хны…

– Не только ей, – мгновенно отпарировала левая, – ее сосед тутовник тоже невозмутим. У них же роман, вы разве забыли?

– Как я могла забыть, что вы, милая? Мне мышь говорила, что он даже заразил ее паутинным клещом…

Две сестрицы ехидно захихикали.

Глядя на них, улыбнулся старый дуб, потом олива с грушей и яблоней, весело заскрипел ветками «вонючка», запищала старая мышь и запели смешливые лягушки. Коренное население парка перестало плакать и потянулось к солнцу. Кто ветвями, кто лапками, кто клювом….

Чего зря убиваться, чему быть – того не миновать.

И только одна фея горько плакала.

Вы, наверное, думаете, что она снова корила себя за то, что так и не овладела современными технологиями волшебства?.. Нет, просто ей стало страшно и захотелось немедленно бежать из этого парка, бежать куда глаза глядят.

Может, ей имеет смысл пойти к старому часовщику и попросить его побыстрее наладить ход старинных прапрапрадедовских часов. Наладить так, чтобы стрелки пошли назад и вернули людей в прошлое.

Вернули в то время, когда их самих еще не было на свете, а их деды были молодыми. Они привозили тоненькие деревца и высаживали их на городских пустырях.

Вернуть в те времена, когда человек смотрел на молоденькие саженцы и представлял себе, как когда-нибудь люди будут собирать их плоды, малыши – прятать в их дуплах свои нехитрые сокровища, влюбленные – любоваться их весенними цветами…

Но получилось так, что люди перестали лечить больные деревья и начали убивать здоровые.

Они привозили из заморских стран экзотические пальмы, и это было замечательно. Но они вырубали старинные каштаны, в тени которых их бабушки когда-то читали им сказки.

Человек перестал слышать плач загубленных им деревьев и был глух к их мольбам. Он больше не видел никакого волшебства в том, что цветок своими нежными листочками пробивает толщу бетона и ярко пестреет себе на фоне серого асфальта.

Старая добрая фея вдруг поняла, что люди перестали верить в чудеса. И разучились их творить.

И тут немолодая почтенная дама почувствовала себя усталой и очень-очень старой...

Скорее всего, у нее опять заныли колени... Или случился очередной приступ мигрени. А возможно, что причина была вовсе не в этом...

АЙДАН

П Р И Т Ч И

Певица и Равнодушный Красавец

Жила на белом свете одинокая Певица. Хоть свет был белым-пребелым, как жемчужно-белые облака на мраморном небе, мысли Певицы от тоски и страшного одиночества были серые-пресерые, а долгими, сумрачными осенними и зимними вечерами и вовсе черные-пречерные. Но как удивительно и премудро устроен этот мир! Одинокая Певица обладала божественным голосом. Люди, слушающие его по радио, по телевизору, на концертах, волшебно преображались: они обретали сердечную теплоту и любовь. Под звуки ее чарующего голоса они приглашали друг друга на свидания, влюблялись, целовались, женились, дарили друг другу радости любви… Певица же каждый день возвращалась домой, где ее нетерпеливо ожидало холодное одиночество, удобно восседающее на шелковой подушке в ее любимом кресле качалке из плетеного ротанга. И кресло жалостливо скрипело под ним, словно умоляя о помощи. И вообще все в ее комнате: мебель, домашняя утварь, мальвы в горшках на подоконнике – хандрило.

Бог ведь одарил певицу чудодейственным голосом, значит, и судьба у нее должна была быть самой, что ни на есть, сказочно-неправдоподобной, и так оно и было. Просто Певица об этом еще не знала. Для каждого открытия уготовано свое время, и в нужный час человек наконец-то раскроет ту тайну, которая давно в нем жила, но он еще не был готов увидеть и познать ее. А тайна непременно раскроется, и произойдёт это очень просто и естественно. В природе все случается именно так: легко, без всяких потуг. Как говорится, идет своим чередом. И в этот день тоже все шло своим чередом.

Певица возвращалась с очередного концерта, был теплый летний вечер, воздух вокруг источал душистый аромат акаций, жимолости и соленого моря, от которого воскресали в памяти забытые грезы детства и счастливые воспоминания о первой любви.

Певица вдруг решила не возвращаться домой, а еще немного погулять, подышать свежестью моря, и свернула на прогулочный пирс. Волны ритмично бились о железные сваи пирса, и Певица тихо запела: «Без глаз и без ума она летит, не ведая сама, куда и как. Она, точь-в-точь как дети, легко попасть в свои же может сети». Но что это было – невинный стишок, загадка или простая детская песенка, она не знала. Так пела когда-то ее мать, так пели ее бабушка, прабабушка, так пела и она, когда у нее было особенно хорошо на сердце, как сегодня. Но это происходило так редко. Под звуки ее изумительного голоса пенные волны еще сильнее прижимались друг к другу, сливаясь в долгом и нежном поцелуе.

– Какие же вы счастливые, волны! А я тону в кромешном одиночестве безлюдья, вокруг меня всего лишь толпа аплодирующих, – прошептала Певица и горько заплакала от пронзительной тоски. Ее слёзы катились по щекам, срываясь вниз колючими, остроконечными льдинками, больно пронзая воды. Девственные волны, не ведавшие мук любви и одиночества, испугались и скрылись в море. Наступил полный штиль. Но через минуту море взволновалось, волны зашумели, встали на дыбы и с грохотом покрыли пирс. Певицу чуть было не снесло в море. Но она цепко держалась за перила, хотя и промокла до нитки. Она подняла голову и увидела спокойно стоя-

щего на самом краю пирса молодого мужчину, читающего газету. Волны продолжали грохотать, как пушечные выстрелы, и осыпать все вокруг неистовыми брызгами.

Певица закричала:

– Сударь, скорее отойдите или сейчас вас снесет волной.

Но он не тронулся с места и продолжал стоять, как статуя. Она подбежала к нему и увидела, что это была фигура мужчины, филигранно склеенная из газет. Да так утонченно и талантливо, что глаз не отвести. Певица влюбилась в него с первого взгляда, раз и навсегда! Удивительно, но раньше его здесь не было. Откуда он появился?! Она побоялась дотронуться до него, чтобы не повредить промокшие насквозь тонкие газетные листы. Певица прижалась губами к его губам, а потом запела: «Без глаз и без ума, она летит, не ведая сама, куда и как. Она, точь-в-точь как дети, легко попасть в свои же может сети». Ее божественный, волшебный голос проник в него, как дух божий в пустое безжизненное семя, из которого впоследствии произрастает цветущая, вечная жизнь. И случилось чудо – человеческая фигура, склеенная из газет, ожила.

– Александр, – невозмутимо сказал он. – А как величают вас?

– Все вокруг зовут меня Певицей, и в этом нет ничего необычного, я к этому привыкла. И давно уже ничьи губы не шептали мне в ласковой истоме: Адалия. Так меня зовут, – ответила она и робко спросила: – Может, вы погостите у меня?

Он ничего не ответил и сдержанно посмотрел на нее. Адалия расценила это как знак согласия. И она поняла, что давно знала его, и он всегда жил в ее квартире. Серая-пресерая комната Адалии приобрела цвет. Это мягкое и теплое свечение излучало сердце ее возлюбленного. Под его прозрачно-фарфоровой кожей она видела маленькую бьющуюся точку, льющую нежную струю света: утром и днем голубовато-зелёную, а вечерами пурпурную. Тем не менее, за все время, пока Александр жил у нее, он не проронил ни единого слова. Он все время молчал, читал газеты и засыпал под ее голос, когда Адалия рассказывала ему о своем детстве, юности, о работе в театре, о мальвах на подоконнике, о том, что музыка умеет говорить, о временах года и о многом другом, что ее интересовало и казалось ей важным. Ведь об интересах, мыслях и вкусах Александра она ничего не знала. Адалии порой казалось, что он бесконечно равнодушен к ней. Но вечерами, когда комната озарялась дивным пурпурным светом, Адалия целые часы просиживала в глубоком безмолвии, любуясь его эфемерной ангельской красотой. «Ах, мой равнодушный красавец», – вырвалось у нее однажды из груди. Это прозвище так точно определяло его, что стало его вторым именем. Но Адалия любила Равнодушного Красавца – безумно, искренне, преданно, несмотря на всю его холодность и безмолвие. Всепоглощающее счастье любви, словно бурный поток, захватило и понесло за собою Адалию. Она не расставалась со своим Равнодушным Красавцем ни на миг. А он все время молчал, слушал ее рассказы и читал газету.

Вместе с ним она не заметила, как прошли лето, осень, зима, она больше не боялась ни одиночества, ни горечи утраты; для нее не было ни прошлого, ни будущего, только настоящее, только бесконечное счастье любви!

Наступила весна и весь город упорно готовился к торжеству – в мае должен был состояться бенефис Певицы. В день бенефиса зал ломился от народа: приехали гости, поклонники, почитатели ее таланта, критики из разных стран мира, желающие послушать чарующий голос Певицы. Густая толпа до отказа заполнила театр. Распахнули окна, двери театра. Туча народа, не сумевшая попасть внутрь, стояла на площади перед театром, на прилегающих тротуарах, длинная цепь людей тянулась вдоль улиц вплоть до самого пирса. Все замерли, когда Адалия появилась на сцене. Она запела своим божественным, неизъяснимо прекрасным голосом, и театр превратился в божий храм. Как прихожане вслушиваются в речь священника, так зрители благоговейно внимали каждой ноте, каждому слову, дыханию Певицы.

Она сегодня воистину была неправдоподобно восхитительна и счастлива. Впервые за все время их знакомства в зале присутствовал ее Равнодушный Красавец. Он сидел в первом ряду и смотрел на нее. Сегодня она пела только для него, и ее голос ароматом райского сада проникал в его сердце. Адалия пела до утра – опьяненная восторгом публика устраивала бурю оваций и бесконечно вызывала ее на бис. Концерт окончился, и прошло довольно много времени, прежде чем разошлась многотысячная толпа, утихли крики публики, остались позади утомительная суета и толкотня.

Адалия и Александр стояли, обнявшись, посреди пустого зала. И неожиданно Александр пропел: «Без глаз и без ума, она летит, не ведая сама, куда и как. Она, точь-в-точь как дети, легко попасть в свои же может сети».

– Это старинная загадка, – сказал он. – А отгадка – любовь. Это любовь!

Он посмотрел в ее искрящиеся влюбленные глаза, и они слились в глубоком и страстном поцелуе. От ее пунцовых горячих губ потянулся огонь к его губам, и в этот миг в сердце Равнодушного Красавца вспыхнул пожар любви. И весь театр стал похож на алую утреннюю зарю. А рано утром, когда пришли служители театра, он оказался пуст: Адалия и Александр навсегда пропали, улетучились в небытие. И только на том месте, где случился их первый поцелуй любви, лежал крохотный драгоценный камень, который по утрам и днем светился голубовато-зелёным, а вечерами пурпурным цветом. Люди назвали этот камень александритом, и с тех пор все влюбленные дарят его друг другу, и тот, в чьем сердце пылает истинный огонь любви, непременно слышит божественный голос Певицы: «Без глаз и без ума, она летит, не ведая сама, куда и как. Она, точь-в-точь как дети, легко попасть в свои же может сети».

Человек, который споткнулся

Шел по улице Человек, споткнулся вдруг, и, упав на землю, стал корчиться в конвульсиях и вопить от боли. Время от времени он чертыхался, кричал благим матом, но это естественно, боль-то была наисильнейшая.

Первые прохожие посчитали, что он пьян, и нечего с ним связываться, с этим забулдыгой.

Вторые – что он больной, да к тому же на голову. Средь бела дня упал на землю, горланит, ругается черными словами. Лечится ему надо, дефективному, – думали они.

Третие решили, что Человек лег отдохнуть. Заснул, видит во сне кошмары. Оттого он так кричит, ворочается с одного бока на другой, ничего удивительного, с кем такого не бывало?! Главное, не испугать его, внезапно разбудив.

Четвертые думали, что если даже Человек и упал от некоего физического недомогания, то, по логике вещей, должны найтись сопереживающие или хотя бы один сопереживающий, который и поможет ему.

Пятые же проходили мимо с одной мыслью: человек – это существо свободное, где и как себя вести – это сугубо персональное дело каждого индивидуума, он может, презрев моральные принципы, искромсав всеобщие нравственные законы, размозжив этикеты, нивелировав эталоны и втоптав куда поглубже все категории этики и эстетики, наслаждаясь дикостью и необузданностью собственных чувств, жить в свое удовольствие; ляпнуть первое, что придет в голову, не утруждаясь поисками разумно-прекрасной мысли, – резюмировали они в конце.

Шестые – спешили по делам и их крайне раздражало, что кто-то так бессовестно-нагло мешается у них под ногами. Они думали по этому поводу пожаловаться в органы исполнительной власти, дабы метельщики лучше чистили улицы.

Седьмые были самоеды-зануды – опустив головы, быстрыми шажками, суетливо качая головой, они шли по улице и снимали стружку с собственной совести, думая,

почему же они такие слабовольные слюнтяи, бесхребетники ползучие, что не могут помочь никому, и этому несчастному, в частности? И шли дальше, поедая себя поедом.

Восьмые прохожие были из категории счастливчиков. Им всё нипочём, им море по колено. Это те, у которых в одно ухо влетало, из другого вылетало. Благодаря этой вентиляции их мозги сморщились до размеров горошины и не мешали им больше жить. Или, если перевести в цветовую плоскость, им все – фиолетово. «Я здесь ни при чем! Меня это не касается»! – их кредо.

Девятые просто были слепо-глухие. Они-то и представляли подавляющее большинство.

И весь этот разношерстный, разнокалиберный народ стал сходиться со всех сторон, и на улице уже была толпа. Все столпились вокруг упавшего Человека и говорили наперебой, обильно и смачно брызгая слюной.

– Он не может подняться! – восклицал один.

– Ему очень больно, смотрите, как скрючился, – вторил ему другой.

– Еще немного, и он отдаст концы от болевого шока!

– Или от воспаления легких, на улице +3 градуса, асфальт пропитан дождем.

– Смотрите, он бредит, тянет руки наверх, и что-то шепчет…

– Это он к нам обращается за помощью. Несчастный, он в самом деле в глубоком предсмертном бреду, думает, что мы боги и можем ему чем-то помочь!

– Пора бы Господу поторопиться с помощью: еще немного, и он сыграет в ящик.

– При чем тут Господь? Может, этот горемыка – язычник? Тогда поделом ему…

– Нет, господа, во всем виновата гравитация, если бы не она, этот человек не упал бы…

– Что вы говорите, всему причиной наша спешка, мы все время мельтешим, куда-то бежим, суетимся и падаем от усталости…организм, знаете ли, не железный….

– Мысли решают все, они всему виной, стоит только неправильно подумать, ап, и готово, ты упал….

– Какие мысли, надо научиться правильно с утра вставать с кровати; не правой ногой и не левой, а сразу обеими ногами, сложили их вместе, и сбросили бодро на пол…

И тут разгорелся вселенский скандал, и началось великое человеческое словоблудие. Толпа спорила дико и жестоко. Каждый доказывал свою правоту и приводил примеры, откуда только мог. Кто-то притягивал примеры за уши, некто брал их с потолка, один высасывал из пальца, другой, наоборот, тыкал пальцем в небо мировой истории и литературы, цитировали старинные манускрипты, греко-римские свитки, древнеиндийские, шумеро-аккадские трактаты, этот «смотрел в воду», а тот «гадал на кофейной гуще»… Одним словом, разразилась такая какофония, что все перестали друг друга слышать.

Человек, который лежал на земле умер, (его уже не было, он ушел в высь вместе с исчезнувшим эхо…) – так как на улице случился потоп от всеобщего наплевательства, и Человек утонул.

Составляющие толпы, подчиняясь исторически сложившемуся инстинкту стадности, покачали своими тыквообразными головами, развели руками, поцокали языками и, еще раз дружно сплюнув, сказали: «Наверное, так было угодно Богу!» – и толпа рассосалась.

ТАТЬЯНА МАРКОВА

ГОД БЕЗ ЛЮБВИ

Летела

Туда,
где предел беспредела,
туда,
где волна за волной,
душа
этой ночью
летела,
про сон позабыв
и покой.

Летела,
не зная причала,
пронзая
собой небеса...

(...металась,
стонала,
кричала...
...мгновенья,
виденья,
глаза...)

Конец связи

Связи конец...
Конец –
всем связям.

Влюбилась я, люди,
в Черного Князя
И ухожу –
навсегда, в монастырь.
Не нужен мне мир –
холодный упырь,
Я стану послушницей
Черного Князя!..

(Связи конец.
Конец всем связям...)

Год без любви

Наотмашь бьет реальность:
Одна почти что год.
Такая вот банальность
Покоя не дает.

Целует лист опавший
Холодную ладонь...
Год без любви – пропащий!
В огонь его, в огонь!..

*** * ***

Мне было плохо без тебя.
Я билась об это «плохо»,
словно рыба о лёд,
Не веруя в то,
что когда-нибудь боль пройдет...
Наконец она сжалась в комочек,
запряталась где-то глубоко-глубоко
и утихла.

Но теперь мне плохо без себя...

Диалог

– Неужто нечего сказать?..
– Нечего.
– А говорила, что любовь
вечная...
Ну, хорошо, молчишь – молчи...
Боже мой –
я так скучал, я так мечтал
быть с тобой!..

– Так значит, нечего сказать?..
– Нечего...
Сгорело все в ночи пустой
свечкою.
К чему слова, когда душа
выжжена?..

Прости. Прощай.
Я без тебя –
выжила!..

Сто лет одиночества

Без тебя мне не жить –
это факт.

А с любовью-то быть
теперь как?

Наша боль –
два прицельных огня.

Я стреляю в любовь,
ты – в меня.

В перестрелке «Ну, всё!..»
скажет кто?

Сколько лет одиночеству?
Сто?..

Сколько нервов потратим
еще?

Сколько раз ты мной будешь
прощён?

Сколько слез принесет,
сколько мук
череда наших встреч
и разлук?

После тебя

После тебя
не страшны
ни потоп,
ни предательство.
Ты –
словно смерч,
словно горе-хирурга
вмешательство.
Скальпелем сердце
взрѐзал,
ветром
о скалы
разбил...
Что есть на свете
страшнее
твоей
смертоносной
любви?..

Страшный сон

Он убегал. Он смерти не хотел.
(Наточены ножи!..)

И вот – тупик, конец, предел...
Оскалились ножи!

Он понял: некуда бежать –
Кругом ножи!

Забился в угол, переждать...
– Вяжи его, вяжи!..

Корабль мечты

От темной стороны Луны
Корабль мечты моей отчалил.
Я замостила ночь свечами
Ему –
до светлой стороны.

Пускай летит туда, где свет,
Где нет разлуки и печали.
Из окон счастье бьет ночами...

Где не было меня и нет.

SMS

Наверное, уже в десятый раз
я перечитываю эту смс-ку:
«Милая...»
Он назвал меня милой...
И вдруг я поймала себя
на непроизвольном движении пальцев:
они осторожно
поглаживали экран мобильника.
***«Милый, милый...»* –**
тихонечко нашептывали они
и улыбались.

Случай

Для веселья в сердце нет места.
Я, увы, не твоя невеста –
а точней, не невеста вовсе...
Так, случайно забредшая в гости.

Проходила –
дверь приоткрыта...
Заглянула –
сердце разбито!..

* * *

Две
недели
счастья,
море
слёз
он
своей
любовью
мне
принес...

Узел

Нам придется встречаться
и видеть друг друга –
Никуда не сбежать
из порочного круга,
Где скрестились
пути параллельные судеб,
Где душа *никогда ничего*
не забудет.

Старуха

Я – старая.
Душой давно глубокая старуха.

Устала я.
Глаза в слезах, и на́ сердце разруха.

Постыла мне
Свобода окаянная.

Вослед молве
Иду, от боли пьяная.

Я старая...
Мне двадцать семь столетий.

Упрямая,
Живу столетья эти.

Скажи, зачем?
Увы, сама не ведаю...

В холодный плен
В вагоне черном еду я...

* * *

Я знаю, всего через пару недель
Я буду жить как жила.
Уйдут эти горечь, и боль, и хмель
Пойдут другие дела.

Вот только в душе
что-то перегорело –
Навечно в золу превратилось,
истлело...

* * *

Убиваю в душе своей ростки
едва зародившейся нежности.
Они такие крохотные, яркие и свежие...
А я заливаю их кислотой,
чтобы выжечь с корнем.

Это куда легче, чем потом врачевать
глубокие рваные раны
от выкорчеванных раскидистых деревьев,
молящих о пощаде
шелестом листьев...

«Так будет лучше! Так надо...» **-**
саму себя убеждаю,
уничтожая первые ростки
не имеющей права на жизнь нежности.

* * *

Стираю из памяти строчки
Своей нелюбви.

Проставила жирные точки
Над зыбкими «и».

Забыла. Не верю. Не знаю.
Не думай!.. Не жди!..

Я больше к тебе не летаю –
Ни в зной,
ни в дожди!

Танец

Играла медленная мелодия.
Ее рука лежала на его плече.
Они танцевали,
он что-то говорил,
она, казалось, внимательно слушала –
улыбалась, отвечала на вопросы...
Но на самом деле
все ее мысли были сосредоточены на руке,
которая сквозь легкую ткань рубашки
ощущала тепло его кожи.

Закончилась сладостная мелодия,
грянуло что-то веселенькое в стиле диско.
Но волшебство продолжалось,
и они танцевали,
едва касаясь друг друга,
вели разговор
без малейшего намека на интимность,
обсуждали какие-то глобальные темы...

...Но когда отключили музыку,
и все разошлись по домам,
и закрыли пустое кафе –
они всё еще танцевали...

РАССКАЗЫ

МАРИНА МУРСАЛОВА

Время цветения любви

Они меня совсем не понимают. Эти взрослые…

Но я ведь тоже человек, сами говорят – «будущая женщина»!

Почему же тогда я не могу пользоваться косметикой, моей любимой малиновой помадой? Почему не могу так же, как мама, выкрасить в синий цвет ногти без посторонней помощи, у меня что, руки не из того же места растут? И почему от меня все всегда прячут?

«Нельзя!» «Уйди!» «Не мешай!» «Займись чем-нибудь!»

Чем заняться?! Начертить в растрепанном альбоме каракули для отвода глаз или съесть этот противный остывший пирожок? Почему-то только подобные «подвиги» вызывают неописуемый восторг у моих родственников. Все ждут от меня чего-то, обязательно хорошего, а лучше умного, но кто-то ведь должен сначала научить меня этому умному и хорошему. И когда, если взрослым всегда некогда?

У мамы слишком много дел: на работе и дома. Папа – кормилец, и это очень важный семейный статус. Бабушка, оказывается, свои лучшие годы отдала семье, и теперь имеет право жить так, как ей хочется – правда, об этом она говорит только мне, так что это наш с нею маленький секрет!

Я очень скучаю по своим маме и папе – целый день! Я думаю о них и вспоминаю все редкие, самые лучшие моменты своей жизни: как они счастливо улыбаются и переглядываются, как папа меня хвалит или просто гладит по головке, мама целует, читает мне книжку или веселится вместе с нами.

Вспоминаю и самые страшные моменты – когда они ругаются, громко, словно совершенно нас не замечая. Жаль, что они не могут знать, что творится в моем маленьком сердце: оно словно вылетает из груди, как маленькая солнечная планета, сошедшая со своей орбиты, и порой мне кажется, что она никогда не найдет дорогу назад!

Несмотря ни на что, я очень люблю своих родителей, и мне всегда их не хватает, даже когда они рядом!

А еще я очень люблю свою бабушку и старшего брата!

С братиком можно развлечься по-настоящему, особенно когда нас оставляют ненадолго вдвоем в квартире. Можно кричать во все горло, топать ногами, носиться по комнатам, пускать пузыри в гостиной, прямо на паркет, есть сахар и конфеты килограммами, прыгать на кровати до умопомрачения под оглушительную музыку «гавгав стайл» и расшвыривать игрушки. Брат понимает меня без слов, втайне от мамы выпивает мое ненавистное какао, снабжает запрещенной жвачкой, выуживает из маминой косметички и передает нужные мне предметы, а потом с затаенным восторгом наблюдает откуда-нибудь из-за шторы за реакцией взрослых. Реакция чаще неожиданная или даже просто несправедливая. Вот, например, сегодня мы с братишкой разрисовывали маркерами мою любимую книжку, которую бабушка называет «Агния Барто». Мы так старались, а взрослые нас отругали...

Моему братику часто за меня попадает, ведь он старший и должен за мной присматривать. Должен всегда: в любую погоду и независимо от настроения или желания – этого у него точно никогда не спрашивают, ведь он старший, а значит, должен! Даже когда у него самый разгар игры, он смотрит захватывающий фильм или играет с другом – он должен все бросить и заняться мной!

А я пока никому ничего не должна, во всяком случае, пока в семье не появится кто-то помладше меня! Пока я – «любимая малышка» и «сладкая», а он – «взрослый парень» и «должен понимать». Но мне кажется, он тоже часто не понимает, чего на самом деле хотят от него эти взрослые.

Кстати, если я такая «любимая», почему мне запрещают кучу вещей?

Поздно ложиться, гулять в дождь, есть копченую колбасу? При этом меня ежедневно укладывают спать под звуки гремящего телевизора, даже не проветрив детскую. И еще – они едят эту «отвратительную» колбасу с явным наслаждением прямо у меня на глазах! Это же садизм в чистом виде!

Мой папа курит и любит объяснять братику, какое это вредное занятие – курить. Чаще всего он делает это, попивая вдобавок пиво. Вот, говорит, вырастешь, окончишь школу, институт, тогда делай, что хочешь – это любимая папина фраза. Но что-то мне подсказывает, что братик не станет так долго ждать – он уже сейчас проявляет явный интерес к папиной пачке сигарет. И я его понимаю, ведь он хочет быть похожим во всем на нашего папу. Как и я – на нашу маму. Во всем!

Вот уже полгода, как они пытаются отучить меня от памперсов. Принципиально затягиваю процесс и с ужасом думаю, что когда-нибудь придется принять их условия, иначе затаскают по врачам.

Жаль… тогда, наверное, на меня вообще никто не будет обращать внимания. Я ведь не прошусь только потому, что дорожу этими моментами, когда мама или бабушка вдруг вспоминают обо мне, берут на руки, сажают на колени, меняют памперсы. В это время они ничем, кроме меня, не заняты, поэтому ласкают, сюсюкаются, гладят по головке, целуют…

Разве эти драгоценные минуты счастья не стоят того, чтобы терпеть неудобства, пребывая круглосуточно в бумажных воздухонепроницаемых штанах?

По привычке с нетерпением жду вечера, хотя…

Все вернулись с работы, как всегда, «уставшие, как собаки».

У мамы вечно «ужасно болит голова», и поэтому она после ужина хватается за вязание, «чтобы немного расслабиться». Папа «за день напахался, как вол», и ему нужно пять минут, чтобы его никто не трогал.

Поев, папа закрылся в спальне – смотрит любимый боевик, а мы с братом уже знаем, что пять минут, как обычно, протянутся до тех пор, пока мама не приведет нас к нему в комнату, чтобы я сказала перед сном его любимую фразу: «Спокочи!» Я поцелую любимую бородатую щеку, так здорово пахнущую папой, и с этим запахом усну в своей кроватке.

Бабушка у нас очень хорошая и добрая, хотя и любит поворчать. Она устала за день со мной, пьет успокоительные капли и не отводит глаз от монитора. Там пропадает высаженная нами вчера морковь на фазенде со страусами и трехэтажным особняком. Я не хочу, чтобы на «нашей» фазенде пропадала морковь, чтобы у мамы болела голова, а папа пропустил самое интересное…

Но мне надо сообщить всем что-то очень важное…

«Тика копосати по ису идеть»… – с надеждой выпаливаю я.

Мама поднимает удивленные глаза, бабушка отрывается от компьютера.

– Что она сказала?

– Подожди! – радостно кричит мама, хватает телефон и бежит за папой в спальню.

– Наша сладкая девочка заговорила?! – мне показалось, что прослезившийся от радости папа готов отказаться от дальнейшего просмотра своего боевика… Показалось…

– Наше солнышко говорит целые фразы? – говорит на камеру бабушка, приглаживая волосы.

– Наша маська стала большой девочкой! – с трепетом в голосе выдает закадровый текст мама, выбирая подходящий ракурс. – Ну-ка, солнышко, повтори еще раз, что ты сказала!

Вокруг меня ненадолго образовался солнечный оазис любви! Я почувствовала себя принцессой, звездой Олимпа, точкой планеты, к которой приковано внимание всех землян! Моих землян моей огромной Планеты Любви!

Брат с заговорщицким видом высунул голову из-за кухонной двери, я заметила, как он спрятал за спиной зажатый в руке коробок со спичками.

– Она сказала: «Мишка косолапый по лесу идет»...– с ухмылкой сообщает братишка, ведь он понимает меня с полуслова...

Кстати, в отличие от вас, взрослых, я точно знаю, что память прошлой жизни хранится в человеке до трех лет, а потом стирается, происходит перезагрузка программы – каждый раз все заново.

К сожалению, по причине неразвитости «нового» речевого аппарата я не могу поделиться с вами своей безмерной радостью, что вновь явилась в этот прекрасный мир, по которому успела соскучиться! Здесь все так мудро устроено, столько возможностей для творчества и счастья!

Я открою вам еще один секрет: человек является в этот мир с удивительным энергетическим зарядом – большой любовью! Она вкладывается в сердце зародыша и имеет вид бутона.

Со временем бутон может превратиться в прекрасный цветок – если достаточно напитается любовью своих близких, и тогда человек проживет счастливую и яркую жизнь. Но нежный росток может и зачахнуть, так и не раскрывшись – тогда будущее его обречено…

Детство – время цветения любви!

МИНА

Недостаток

Перевод Еганы ДЖАНГИРОВОЙ

Мы учились в третьем классе. С нами училась добрая и отзывчивая девочка по имени Нигяр – круглая отличница. Девочка была немного полнее остальных детей, и поэтому наш одноклассник Салим часто издевался над ней, обзывая «толстухой». Однажды он перешел все границы и довел девочку до слез. В это время раздался звонок и в кабинет вошла учительница Арзу. Будучи доброй и заботливой, она тотчас поняла состояние Нигяр.

– Почему ты плачешь? – спросила она у девочки.

Девочка вдруг сильно зарыдала.

Дети обо всем рассказали учительнице и, немного подумав, она вызвала Салима к доске.

– Салим, расскажи нам сегодняшний урок! – сказала она мальчику.

Стоя с открытом ртом, мальчик молчал, затем от волнения у него стал заплетаться язык. Дети засмеялись. Съежившись, Салим забился в угол.

– Как ты себя чувствуешь, Салим? – спросила его учительница.

– Плохо… – ответил он и заплакал.

– А как ты думаешь, как себя чувствует Нигяр, когда ты каждый раз оскорбляешь ее и смеешься над ней?

– Плохо, – покраснев, ответил мальчик и опустил голову.

– А знаешь, что считается недостатком? Это незнание тобою домашнего задания. Нельзя обижать одноклассников, смеяться над ними из-за их внешнего вида. Представь себе, что я сломала ногу и теперь хромаю, и ты тогда будешь смеяться и надо мной? Нигяр может быть и полной, и худой, но главное, она очень добрая и воспитанная девочка, к тому же еще и круглая отличница. У нее нет недостатков, и она является любимицей всего школьного коллектива. Помни, сынок, человек должен быть добрым, благородным и великодушным, и я надеюсь, что ты больше не будешь смеяться над недостатками людей и уделишь внимание себе и своим урокам.

... Прошли годы, но с той поры Салим больше никогда не позволял себе смеяться над другими людьми…

Дети войны

Перевод Еганы ДЖАНГИРОВОЙ

Однажды я возвращалась из магазина домой и по дороге встретила Камиля. Всегда улыбчивый ребенок почему-то сейчас выглядел грустным и подавленным.

– Сынок, почему ты такой грустный? – спросила его я.

– Видите ли, тетя, наш сосед Карим уехал с отцом в Шеки, мой лучший друг Умид отправился к тете в Губу. Они прекрасно проведут там время и отдохнут. Только я не могу поехать к деду в Гарабах, потому что наша деревня оккупирована врагом. Сейчас жители деревни живут в поселке, расположенном недалеко от границы, и туда часто падают снаряды. Но моя мама не пускает меня поехать туда, боится, что меня там может настигнуть пуля…

Я не знала, что сказать ему, как утешить, ведь эта боль была знакома также и мне…

Наконец я сказала:

– Давай пойдем к нам в гости. Поиграешь с моим сыном Хюнаром. Он сейчас сидит дома один и скучает.

Мальчик согласился.

– Молодец, что пришел, – обрадовался Хюнар, увидев Камиля. – Давай сыграем с тобой сначала в шахматы, а затем посмотрим какой-нибудь боевик.

Целый день они провели вместе, затем Камиль сказал:

– Интересно, сможем ли мы когда-нибудь поехать на свою родину, в Гарабах? Знаешь, как бы я расправился с нашими врагами?

– И что бы ты сделал?

– Я расстрелял бы их всех из автомата, разнес бы их в пух и прах из гранатомета.

– Но мы еще дети и нам нужно учиться, – возразил ему Хюнар.

– Ничего, ничего, еще немного, и я отправлюсь на войну. Главное – это освободить наши земли от врага. Почему, ну почему мы не можем поехать к себе на родину?..

В этом году Камиль закончил четвертый класс, и если бы ему позволили, он тут же отправился бы на фронт. Разве мало его ровесников сражалось на гарабахской войне? Ведь война не смотрит на возраст…

Я была горда за таких ребят, как Камиль… Но все матери не хотят войны… Пусть настанет время, когда не нужно будет отправлять на войну своих детей. Пусть наши земли будут возвращены мирным путем… Возможно, это было бы чудом, думаете вы. Но я почему-то верю в чудеса…

ХИДЖРАН ГУСЕЙНОВА

Сны Айгюн, или имитация счастья

Перевод Еганы ДЖАНГИРОВОЙ

В этот особенный день она надела свои красивые светлые туфли, мама заплела ей косу и перевязала ее белым шелковым бантом. На душе у нее было так весело и радостно, что мама, глядя на нее, также сияла от счастья. У двери стоял счастливый отец, чтобы отвести свою любимую дочку в школу в первый раз. Девочка радостно напевала песенку: «Мама, когда я вырасту, то стану солнышком!».

«Интересно, можно ли стать солнцем? – подумала она, едва проснувшись. – Все-таки, наверное, можно, если об этом сочинили песню… Тогда я точно днем буду солнцем, а вечером – луной. Не зря же меня зовут Айгюн! Может быть, поэтому мне и нравится эта песня…»

– Вставай ... Пошли, – крикнула ей мать, глядя на нее с ненавистью.

– Куда, мама?

– Прямо в ад!

Адом был для нее каждый день. Каждое утро она просыпалась от крика матери, и сладкий, прекрасный сон рассеивался, как легкий дым.

… Взяв свой старый велосипед, она, в потертых брюках, в выцветшей рубашке, со спутанными грязными волосами, похожая чуть ли не на цыганку, выходила из дома и целыми днями слонялась по улице. Девочка часто играла с приблудной собакой, с которой дружила. Удивительным было то, что они были чем-то похожи, эта маленькая рыжая собачка, появившаяся из ниоткуда, и несчастная маленькая девочка; их объединяла общая несчастливая судьба. Они очень привязались друг к другу. Бедная собачка всегда радовалась, когда девочка гладила ее, подпрыгивала вверх, крутилась волчком, лизала ей руки.

Айгюн также была счастлива, ведь у нее было любимое существо, которое она могла бы обнять и поцеловать. Маму же поцеловать она не осмеливалась. Та часто плакала, и Айгюн, сидя рядом, плакала вместе с ней. Почему плакала, не знала сама, однако мать не обращала внимания на ее всхлипывания, словно не видела в упор так рано повзрослевшую дочь.

Эта усталая, нервная женщина была стройной и красивой. Она плохо одевалась, и Айгюн думала, что если бы у них был отец, то мать наверняка одевалась бы так же стильно и красиво, как мамы тех детей, у которых была полная семья.

Отца своего она не помнила. У ней не было ни друзей, ни подруг. Да и светлых, красивых туфель у нее тоже не было…

Дети обходили ее стороной и не хотели дружить с ней. Имени они ее не знали и называли «девочкой, которая играет с собакой». Айгюн знала, что родители этих детей запрещают им играть с ней, девочкой, которая водится с уличной собакой. По правде сказать, и Айгюн не так уж стремилась подружиться со своими сверстниками. Однажды очкастый взбалмошный мальчишка ни с того ни с сего пригрозил ей, что пожалуется на нее отцу. Девочка ничего не ответила, но ей стало страшно – страшно оттого, что он на самом деле пожалуется на нее своему отцу. Хотя она никогда не видела его отца в лицо, он снился ей каждую ночь. И это было довольно странно …

Была еще одна причина, по которой она сторонилась людей. Это слово «сирота». Каждый раз, когда люди называли ее так, ей казалось, будто грудь ее пронзала пуля. «Неужели, когда я вырасту, меня по-прежнему будут называть сиротой?.. – думала она.

Девочка знала, что несчастье приходит в дом, когда разваливается семья. Но

почему же люди, зная об этом, делают себя несчастными, а своих детей оставляют «сиротами»?.. Она не знала, где находится ее отец, чтобы задать ему этот вопрос. А если задать этот вопрос матери, то ответа от нее она точно не получит…

Однажды я разговорилась с Айгюн. С ней было очень интересно разговаривать, ее взгляды на жизнь отличались от взглядов большинства ее сверстников.

«Я не хочу становится взрослой, – говорила она, – ребенком быть намного проще… Став взрослой, я должна буду поступить в институт, выйти замуж, вырастить детей… а затем придет смерть… все это так тяжело…»

Однажды в школе учительница предложила ребятам написать сочинение на тему «Я участвую в жизни семьи». Айгюн очень любила писать сочинения. Но что она могла написать? О какой семье могла идти речь? И тогда она выбрала ложь. Написала, что у нее есть маленькая, пухленькая сестренка, и она помогает маме ухаживать за ней.

На самом деле у нее была маленькая сестренка, но только воображаемая. И Айгюн, обрезав старую тетрадь, сделала из нее маленькую тетрадку, куда записывала для сестренки задания, а также ставила ей оценки. Она даже дала воображаемой сестренке имя – Гюнай. Айгюн часто думала, может ли у нее появится настоящая сестра, но понимала, что для этого нужна полная семья, где есть не только мама, но и папа… Это была своеобразная защита от одиночества…

«А если учительница случайно узнает, что у меня нет никакой сестры?» Она вдруг пожалела о том, что написала неправду, и ей стало противно от самой себя. Но затем девочка стала утешать себя: «Ну, написала, ну и что из того? Посмеются ли надо мной дети?.. Ну и пусть смеются, и без того я с ними не общаюсь». На переменах Айгюн одиноко прогуливалась по коридору и избегала своих одноклассников, которые, собравшись кучками, рассказывали друг другу о своих увлечениях, о том, чем они займутся после занятий. А о чем она могла бы рассказать им?.. И откуда только одноклассники находят время на танцы, музыку, плавание? И почему у нее все не так, как у них… Почему именно ей пришлось испить горькую чашу сиротства?

…Шел дождь. Все дети разошлись по домам. На улице остались лишь маленькая девочка, желтая собака и старый велосипед… Девочка, с мокрыми от дождя волосами, одной рукой обнимала собаку, а другой – старенький велосипед. Безмолвное серое небо с грустью глядело на нее.

Внезапно ей на глаза попалась надпись на каменной ограде. Остановившись, она прочитала: «Ты спокойна, Ася, я же по ночам не могу спать… Я не верю, что ты могла бросить меня…» Невольно девочка подумала: «Сколько же здесь за день проходят людей, и все они волей-неволей читают эту надпись… Может, и мне написать что-нибудь? Напишу, пусть прочитают…»

Она так радовалась от мысли, которая пришла ей в голову, будто сделала какое-то открытие. На этом заборе углем или мелом она напишет слова, исходящие из сердца, которые могут искоренить зло.

Например, так:

«Папы, мамы, прошу вас, не бросайте своих детей. Если вы не уверены в том, что станете хорошими родителями, пожалуйста, не женитесь и не выходите замуж! Вы делаете детей несчастными, ведь быть сиротой – это горькая участь!»

… Может, когда-нибудь ее родной отец пройдет здесь, прочитает эти слова и вернется к ним, как и другие родители, бросившие своих детей…

Она проделала большую работу и теперь была счастлива, ожидая результата.

… Ночью же она снова увидит во сне сон: светлые, красивые туфли, улыбающихся маму и папу, и еще себя – маленькую счастливую девочку…

ЛЯМАН БАГИРОВА

Элегическое

Постой.
На минуту, хотя б на мгновенье,
На вздох, поцелуй задержи притяженье.

Постой!
Наше время сочится сквозь пальцы,
Чем дальше, тем уже становится счастье.

Мир в рамочке бедной, в каменной нише,
Чем дальше, тем больше становится тише.

Колеблются мысли, как пламя свечи.
Прошу тебя: говори, не молчи!

Скажи, что красива,
Скажи, что любима,
Скажи, что еще я годами хранима!

Ну, что ты молчишь? Закружи, обними!
Пусть снятся нам только счастливые сны!

Пусть сбудется все, о чем мы мечтали.
Как долго, как трудно друг друга мы ждали.

Но...

В летучей судьбе
Велика воля случая.
Удастся ль прожить,
Друг друга не мучая?..

Баллада о закончившемся одиночестве и о неисповедимых тропах любви

Он был Матадор и славный малый,
Просыпался в шесть, еще чуть светало,
Ел на завтрак творог, запивал черным кофе,
Шагал на работу, что хуже Голгофы.

Служил он в банке рядовым клерком,
Конторский работник, исправный зануда.
Кто ни зайдет, тому сразу «Велком!»
И улыбка, естественно, в тридцать два зуба.

Приходил с работы он поздно, ужинал быстро,
Выходил на балкон, вдыхал свежий воздух,
Гладил кота – того звали Мурчистый,
И, если повезет, смотрел на звезды.

В детстве мечтал он быть астрономом,
Изучать движенье планет и созвездий,
Слушать Грига «Шествие гномов»
И еще, пожалуй, музыку Верди.

Мечта сбылась: он Изучал и Слушал
Не совсем, что хотел, но... оставим подколы!
Это ведь хорошо, когда из целой мечты
Сбывается что-то. Хотя бы глаголы...

Что еще? Он любил сладкое,
Теплые пледы и белые лилии,
Не любил манной каши, дождя и сырости.
Кстати, Матадор – это его фамилия.

Она была долговязой, устремленной в небо,
Сутулой, близорукой, и даже чуть старой.
Утром – работа! Зооклиника «Шеба»,
Где она трудилась ветеринаром.

Работа выматывала ее до отвала,
И Она уже ни о чем не мечтала...

Думаю, финал предугадать нетрудно.
Эти двое должны были встретиться,
И судьба их вела друг к другу.
Атрибутом судьбы выступал Мурчистый,
Догадавшийся заболеть в нужную минуту.

Мурчистого поставили на лапы в кратчайшие сроки.
А потом обнаружилось,
Что Она тоже любит музыку и звезды,
Белые лилии и теплые пледы,
Список можно продолжить, но...
Я окончательно в лирику съеду.

Эти двое стали жить вместе – у жизни свои уроки.
Неважно, как создаются семьи,
Главное, чтобы они были теплыми,
И чтоб в них были счастливы двое.

Любовь ведет нас странными тропами...
Вы не согласны со мною?..

ТАИРА ДЖАФАРОВА

ОТКРЫТОЕ ОКНО

Лирика Лейлы Алиевой

О женской поэзии всегда говорят как об особенном феномене. Почему? Потому что лирика – это сокровенный разговор о себе, это распахнутая перед всеми душа, ее исповедь, ее голос. И женская лирика всегда звучит с проникновенной искренностью, с особенной, щемящей нотой. Поэтому, наверное, к женскому поэтическому слову у читателей такое необыкновенное доверие и сочувствие.

На раннем этапе европейской поэзии прозвучал голос Сафо, говорившей о любви, чаще всего несчастной, и с тех пор эта первая поэтесса античности стала олицетворением женщины-поэта. Кого только с ней не сравнивали!

Но еще раньше – более четырех тысячелетий тому назад! – жил на свете первый известный человечеству по имени поэт из древнейшего Шумера, одной из колыбелей нашей цивилизации, и это была женщина – дочь аккадского царя, Энхедуанна. Так причудливо для нас звучит это имя, но то, что мировая литература начиналась именно с женского поэтического имени – символично.

В азербайджанской поэзии есть собственная древняя традиция женской лирики, которой мы можем гордиться. Началась она, вернее, известна нам с XII века! Первой азербайджанской поэтессой была Мехсети Гянджеви, прославившаяся своими блестящими рубаи, написанными на языке фарси. Наши женщины-ашуги, не уступавшие в таланте мужчинам, – это уникальное явление в азербайджанской и мировой поэзии! Их пример не может не вдохновлять сегодняшних азербайджанских поэтесс.

Ашуг в переводе значит влюбленный, а кто может сказать о любви лучше, чем женщина? «Богатство мира – страсть. Пою о ней», – писала легендарная Мехсети Гянджеви.

А одна из первых значительных русских поэтесс – Евдокия Ростопчина – в стихотворении, названном «Как должны писать женщины», говорила:

Делю восторг певца, дружусь с его несчастьем,
Любовию его люблю и верю ей.
Но женские стихи особенной усладой
Мне привлекательны; но каждый женский стих
Волнует сердце мне, и в море дум моих
Он отражается тоскою и отрадой.

И в тоже время Ростопчина призывала поэтесс к скромности: «…женская душа должна в тени светиться… Как в сумерки луна…».

Наше время стало более раскованным во всем, и это не могло не сказаться и в поэзии. Она, в отличие от прежних веков, стала не только более свободной, но и более разноголосой. Однако услышанным в наши дни становится только тот поэтический голос, в котором звучит настоящая искренность, подлинность, а не только умелое владение приемами стихосложения.

В женской поэзии Азербайджана таким ярким новым именем стало имя Лейлы Алиевой. Ее песенно звучащие стихи покорили читателя, прежде всего, исповедальной лирикой.

Как сказал в предисловии к ее мгновенно завоевавшей признание книге «Если б звезды ступеньками стали» (2016) Андрей Дементьев: «Лейла пишет искренне, талантливо и ярко. Поэтесса остается со своими читателями наедине, как с самыми близкими людьми, доверяет им свою душу».

Но доверяя читателям свою душу, она понимает, как трудно вложить ее в стихи, и говорит об этом в стихотворении «Тонкая душа», находя единственно верные, полные лирической энергии слова:

Чувства объяснить не в силах строчки,
Ты опережаешь их на миг.

Душа всегда опережает высказывание, она переполнена чувством, нетерпеливой и глубокой поэтической мыслью. Эта невозможность быть вровень с собственной душой, чтобы сразу и во всей полноте выразить свое переживание, всегда мучила поэтов. Лейле Алиевой должно быть очень близко сказанное Тютчевым: «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?»

Но и встречая непонимание, а то и затаенную вражду, лирическая героиня поэтессы полна высокой любви, способной преодолеть и несовершенство мира, и человеческие слабости:

Как много ненависти на себе я испытала!
Ее перешагнула, не упала,
Чтоб меньше в мире ненависти было!
Я и за ненависть вас полюбила!

Это стремление полюбить даже того, кто тебя ненавидит, говорит об особенном, не только романтическом, но и духовном строе души. О нем сказано в пронзительном стихотворении о преодолении одиночества:

Пусть ты одна на крохотной планете
Меж поворотов, тупиков дорог,
Пусть ты одна, совсем одна на свете,
Не бойся, потому что рядом Бог!

В поэзии Лейлы Алиевой много говорится не только о том чувстве одиночества, непонимания, какие переживает каждая открытая и ранимая человеческая, а в особенности женская душа, но и о жизненном пути, на котором необходимы стойкость и смелость.

«Я не боюсь, что будет больно…», – заявляет поэтесса с пониманием того, что без этой боли не может быть и подлинного счастья.

И в ее душевной грусти, которая известна и понятна каждому, много сопереживания и сострадания:

Иногда так грустно, что не хочется плакать.
Грустно, когда вижу в небе самолет,
Грустно, что кому-то рядом грустно,
Грустно от того, что грусть пройдет!

Высокие чувства добра и милосердия, а это Лейла Алиева доказала всей своей широко известной общественной и благотворительной деятельностью, стремление всегда отвечать добром даже на несправедливость, – все это рождается из понимания того, что, как она утверждает, «Лучшее лекарство на земле – добро!»

А идеал для нее – доброта, чистота и свет детской души:

…ведь все детьми когда-то были
Ангелов умели разглядеть…

В ее поэзии заметна философичность, но не рассудочная, толкающая к расхожим выводам, а лирическая, освещенная и родными традициями восточной поэзии, и веяниями европейского романтизма.

В ее стихотворении «Птица в клетке» перед нами яркая и оригинальная интерпретация вечного образа мировой поэзии.

Читателям Лейлы Алиевой сразу становится ясно, что птица здесь – душа, рвущаяся из обыденности к неведомой свободе, к полноте жизни, к счастью. Когда-то великий персидский поэт Хафиз писал: «Коль птица вырвалась из клетки, \Ей рай везде – на каждой ветке». Символика «птицы в клетке» появляется и в рубаи Месхети Гянджеви: «Ничто не в силах нас заставить разлучиться. \Какою клеткою в плену удержишь птицу?» Но современная поэтесса по-своему и глубоко философски развивает этот образ:

Каждое дерево, ветка
Значат весь мир для нее.
Может, коварная клетка
Учит любить в жизни всё?

И это понимание того, что все в непростой сегодняшней жизни может стать уроком, научить любви к тому, что раньше как бы не замечалось, главная тема этого стихотворения. «Коварная клетка» может научить нас видеть красоту мира, а увидевший ее обязательно вырвется на свободу, увидит прекрасное в жизни широко открытыми глазами.

И ей кажется, что люди, не замечающие красоты, свыклись с «клеткой» обыденности, мелких забот и корыстных страстей:

Глупые люди проходят,
Вечно куда-то спешат,
Не видя, как солнце заходит,
Не слыша, как волны шумят!

В другом стихотворении – «Открой окно» – та же мысль об очищающей красоте мира:

Открой окно, чтоб волны моря смыли
Всю зависть, глупость, пустоту и грусть!

Ее лирика широко распахивает окно в большой и прекрасный мир, в котором не только «растут деревья в голубом саду», а бабочка замирает на гвоздике, ветер, потерявший любимую, плачет, а лебединая любовь гибнет от одного беспощадного выстрела…

Или такой, оригинальный и сильный в своей метафорической выразительности образ:

Я не могу забыть твои глаза!
Как океан, наполненный печалью.

В ее стихах чувствуется настоящий художник, умеющий выразить красоту в ярком и символичном образе, безошибочно находящий нужные краски, чувствующий пластическую красоту каждой линии, каждого штриха и цветового пятна. Она умеет, говоря ее же словами, «серое небо» так раскрасить «яркими красками», что это небо становится не пестро раскрашенной декоративной картинкой, но живым пространством души, ее отражением. Поэтому она может с душевной тонкостью заметить (в стихотворении о Лондоне):

Твой густой туман, как море синий,
Странно заменяет солнца свет…

В ее философской лирике, а в ней наиболее явно, как и в стихах о любви, проявляется связь с традициями азербайджанской классики, встречаются противоречивые, но нашедшие живое и образное выражение коллизии наполненной и сложной душевной жизни.

Есть Я и Я, что вроде бы не Я,
Но так же проживает в моем теле.
Я сделана из глины, она же – из огня!
Есть я, что в жизни не предаст,
Есть я, что уничтожит всю меня!

И такое соединение разных начал она обнаруживает не только в себе, но и в каждой человеческой душе, спрашивая: «Есть Я и Я! Мы что, неразделимы?»

Такие стихи заставляют задуматься о многом.

Или ее строки, дающие емкое определение человеческого «эго»: «Эго – ты выше гор…»

Как подлинный лирик, она не отделяет себя от читателя, обращаясь к нему, как к самому близкому и дорогому человеку, и это придает ее стихам, их интонациям ту доверительность, которая не может не захватывать.

Она не рисуется перед своим читателем, а предстает перед ним с распахнутой душой, не чуждаясь прямых монологов :

Я не боюсь ночей жестоких,
Ветров холодных не боюсь.
Войду в судьбу людей, столь одиноких,
Войду и больше не вернусь.

Она верит в светлую надежду, пусть «сжатую в кулачке», которая всегда присутствует в большинстве ее даже самых грустных стихотворений.

Когда-то Александр Кушнер написал: «У счастливой любви не бывает стихов, \А несчастная их не считает…» И стихи Лейлы Алиевой о любви сосредоточены на тех драматических состояниях, когда кажется, что ты недостаточно любим, обижен, не понят, когда необходимо преодолеть разлуку или предательство любимого, ощущение одиночества, и эти тревожные состояния выражены в ее лирике с проникновенной откровенностью и высотой чувства:

Стучатся в дверь наперебой соседи,
Звонят в звонок настойчиво друзья!
Но сердце тишиной гостям ответит,
В нем место было только для тебя!

Она умеет найти слова для самых противоречивых внутренних состояний, самых неуловимых движений женской души: «Любовь, зачем ты так любви боишься…» Или: «Все имею, все в душе теряю…» Она сочувствует даже тем, кто «потерял глаза души».

В ее лирике явственно слышны, по ее определению, «Шелковые струны бурных чувств…», переданные со всеми сложными оттенками меняющихся настроений – от высокой радости понимания до отчаяния, которое требует преодоления.

И она верит:

Темный туннель отчаянья
Сменяет солнечный свет!

Все эти настроения не могут не разделяться, прежде всего, многочисленными читательницами поэтессы, потому что каждая находит в них что-то, созвучное с ее собственной душой.

Стихотворения Лейлы Алиевой, прежде всего благодаря цельности мироощущения, подлинности переживаний, естественно складываются в единый большой текст, в единое лирическое повествование. Даже, можно сказать, в лирический дневник. И этот дневник представляется «открытым окном» в большой, овеянный поэзией мир.

После выхода ее книги «Если б звезды ступеньками стали», появились другие сборники ее стихотворений, вышедшие в Москве – «366 дней любви. В четырех книгах. Осень. Зима. Лето. Весна», «Спасибо» и «Молчание».

Будут, конечно, и новые стихи, новые изданные книги. Читатели и почитатели Лейлы Алиевой ждут их.

ГОСТИ

КЕНЖЕГУЛЬ ШИРИНОВА
(Кыргызстан)

Простое счастье

Приключения городской невестки в деревне
Рассказ

Расул проснулся рано. Он любил раннее утро. В это время вокруг бывает очень тихо, безмятежно и спокойно. Дети хотят доспать последние минуты, и от этого их сон становится еще глубже. В доме полная тишина, слышно только тиканье часов. Рядом мирно посапывает жена. Ее волосы красиво рассыпались по подушке.

«Что-то она хмурится», – улыбнулся он, разглядывая лицо жены. Чем-то недовольна, и вид уставший. Трудится, как пчелка, целый день заботы, дети и дела по дому. Для нее весь мир замкнулся на семье. Тревога за детей, за все, что они делают или, наоборот, не сделали. За учебу в школе, в институте. За то, что они едят, пьют и носят. За то, что у них не получается, за возникшие проблемы, и необъятная радость за их успехи и победы. Переживает за все и за всех, такая уж она мама, жена и невестка. «Ах ты, мой милый человек, как же мне повезло с тобой. Чем же я заслужил такую жену перед Всевышним?! Мы вместе так давно, целую жизнь. Все было в ней, и радостные события, и горе, и проблемы разные. Впрочем, как и у многих, ведь это жизнь, а она не бывает всегда одинаковой. Но я всегда знал, что мы решим все наши проблемы, и ничего никогда не боялся. Всем своим существом чувствовал поддержку родных и особенно поддержку жены. Я всегда был уверен, что она за мной и в огонь, и в воду, если понадобится. Это придавало уверенность, что нет для нас неразрешимых проблем. Мы настолько стали родными, срослись за эти годы, что нам не нужно ничего говорить вслух. Мы обходимся без слов, понимаем друг друга по одному взгляду и выражению лица. Она удивительный все-таки человек. Бесконечной доброты, терпения. Не один раз я обижал ее, конечно. Сам не понимаю, почему, но именно на ней иногда срывал свое плохое настроение, неудачи. А она ни одним словом, ни одним жестом не показывала своего недовольства. Терпела и ждала, ждала и любила… Так, наверно, куется настоящее счастье», – подумал Расул, погладил жену по волосам, прижал к себе и вдохнул родной запах. «Счастье мое, милая моя, как же я тебя люблю. Но ведь я никогда тебе не говорю об этом, – усмехнулся он. – А то зазнаешься, еще перестанешь любить меня и заботиться». Он снова пристально посмотрел на спящую жену и сам же себе сказал: «Нет, не разлюбит, ни за что не разлюбит, это мой родной человек, моя душа, моя жена и мой самый преданный друг на всю мою жизнь».

Тётушка Сона с нетерпением поглядывала на старенькие часы с кукушкой, висящие на стене бог знает с каких времен. Сегодня стрелки двигались с большой неохотой, во всяком случае, медленнее, чем всегда. Она не могла усидеть на одном месте, а время не торопилось, словно ей назло, испытывая ее терпение.

Но вот послышался скрип хромовых сапог, это означало, что муж пришел с работы и поднимается по лестнице. Каждый его неторопливый, твердый шаг усиливался скрипом половиц. Хррр-хррр-хррр, – приближался скрип. Тетушка быстро перевязала голову стареньким, выцветшим от времени платком, коим хотела подчеркнуть важность момента. Хитрый прием, который действовал на мужа безотказно. Присела на деревянный скрипучий стул с изогнутой спинкой и заохала: «Ох, ох, ох»…

– Ай Аллах, что за дни настали для меня?! Что же этот чертенок надумал, видно, не пошла ему на пользу учеба в городе. Видите ли, выбрал себе невесту и хочет жениться. Ах, ах, что же теперь будет? Ведь ничего не готово, а столько всего нужно, – запричитала она, качая головой и тяжело вздыхая, всем видом придавая своим словам больше трагичности.

– Что случилось, вопишь, словно умер кто-то? – спросил Кадир, медленно приближаясь к жене, сопровождая каждый свой шаг скрипом знаменитых на всю деревню хромовых сапог.

– Ваш сын собрался жениться и, видите ли, невесту нашел в городе, – выпалила тетушка мужу и заломила руки, словно актриса на сцене, при этом закатывая глаза, словно собралась падать в обморок от этой новости. – Ты понимаешь, что городской ребенок не сможет прижиться в деревне. Она же не привыкла к деревенской жизни. Ей ведь нужна вода в кране в доме, ванна, теплые батареи, и коров она доить не умеет, да и вряд ли захочет поехать сюда. А значит, придется сыну переезжать в город, мы для этого растили его? Скажи, для этого? Кто будет за нами ухаживать в старости, кто подаст стакан чая нам? – без умолку продолжала она. – Ох, ох, ох, какое наказание нам послал Всевышний, за что, а? – Сона уставилась на мужа, ожидая его реакции, но больше надеясь услышать успокоительные слова и поддержку.

– Ну что ты так кричишь, уши заложило, успокойся, вот всегда сделаешь бурю в стакане воды. Раздуваешь огонь из ничего. Успокойся, я сказал, ничего еще не известно. Посмотрим, что хочет сказать сын. Может быть, действительно она достойная пара нашему Расулу, время покажет. Дождемся его приезда, а там видно будет. И перестань причитать на всю улицу, – буркнул он и включил телевизор на всю громкость, дабы не слышать голоса все еще охающей и причитающей жены. «Надо же, как быстро вырос сын, я и не заметил, – подумал он. – Да, незаметно летит время, вот и моему сорванцу пришла пора обзавестись семьей. Ну что же, дело хорошее. Значит, мужчиной стал, это радует. Но забот предстоит много, в этом жена права. Да и из города, говорит, невестка будет, действительно, как она здесь приживется, неизвестно. Надо дождаться сына, выслушать его, а там решение придет само, нужно дождаться». Кадир встал, повернулся к жене и, чтобы отвлечь ее от мыслей, сказал с напускной строгостью:

– Неси ужин, жена, не видишь, муж пришел с работы уставший и голодный?

– Ну да, конечно, как же, поесть мы не забываем при любых обстоятельствах, – неожиданно для себя и для мужа съязвила тетушка Сона, но, как всегда, послушно все же направилась в сторону кухни. «Что-то ты стала сдавать, походка стала тяжелой, нет былой легкости, ноги, наверно, болят опять, глаза уставшие», – пожалел жену Кадир, провожая ее взглядом. «Итак, сын решил жениться, – возвратился он к своим мыслям и вздохнул: – Мда, уж не знаю, радоваться или огорчаться»...

Кадир и Сона поженились вскоре после его возвращения из армии, а она в это время закончила школу. В деревне их уважали, да, собственно, было из-за чего. Они были весьма видной и красивой парой. Отслужив и приехав домой в деревню, Кадир закончил институт, работал сначала в колхозе бухгалтером. Вскоре в райкоме, заметив образованного, целеустремленного и способного молодого человека, решили возложить на него финансовые вопросы всего района.

Высокий стройный муж с фосфорическим блеском в глазах, который как бы просвечивал собеседника насквозь, со строгими жизненными принципами, неторопливой, содержательной речью, образованный и важный человек в районе... Казалось, все эти качества читались по его сократовскому широкому лбу. И стройная, маленькая женщина с улыбчивыми, лучистыми глазами, скромная и добродушная, вечно в заботах и делах по дому. Выйдя замуж, Сона полностью погрузилась в семейную жизнь. Благо, попала она в хорошую семью.

Благородный, воспитанный и всегда корректный свекор, отзывчивая, заботливая, мудрая и добрая свекровь. Влияние свекра и свекрови на молодую пару было огромным. Да и воспитаны они были так, что возразить или ослушаться старших считалось просто недопустимым. По неписаным законам в семье всегда царил авторитарный порядок, где слово отца означало нечто большее, чем просто слово. Наверно, Кадир перенял от отца не только внешнюю схожесть, но и самые сильные и яркие качества. Да, собственно, не он один, и все следующие поколения тоже во многом были похожи на своего весьма харизматичного предка. Вот и Кадир впоследствии, как и отец, стал в семье самой влиятельной и решающей инстанцией. С ним не спорили, не доказывали свою правоту, а все принималось беспрекословно. Сона, как и ее свекровь, научилась говорить «Мужчина должен сказать один раз, и должен быть услышан. Это мы, женщины, можем без умолку болтать, так создал нас Творец». С этими словами слабой половины этой семьи спорить было бесполезно.

Даже скрип мужниных сапог производил просто какое-то магическое воздействие на всех домочадцев. Срабатывал какой-то невидимый щелчок, словно им не хватало именно этого скрипа. Вдруг все само собой решалось, ссорившиеся и кричащие дети мгновенно замолкали. Куда-то бесследно исчезали их капризы и шалости. На столе быстро появлялся обед, и все старались помочь маме.

Подруги и близкие шутили: «Сона, на тебя волшебно воздействует скрип сапог мужа, словно завораживает или наводит ужас, а от тебя передается и на всю вашу семью». На что женщина отвечала: «Мужчина таким и должен быть. Одно его появление должно наводить страх. Он же не кот, чтоб мягко, крадучись, пробираться в дом и остаться незамеченным. Его должно быть слышно за километр». Все падали от смеха при этих словах. Вместе со всеми смеялась и она, вздрагивая всем своим телом, что придавало ситуации еще больше комичности. С годами Сона из послушной невестки превратилась, быть может, в самого необходимого, самого нужного человека в семье, без неё не решалась ни одна проблема, не делалось ни одно важное и не очень важное дело. В семье сложился определенный порядок. Авторитарный, строгий, но очень рассудительный и справедливый отец, и собравшая в себе все идеальные качества мудрая, терпеливая, никогда не теряющая трезвой рассудительности жена – добрая, учтивая, отзывчивая, работящая, самая заботливая и всем нужная. Умеющая даже самые незначительные семейные события превратить в радостные фееричные праздники. Эту удивительную свою способность впоследствии Сона привила и своим невесткам.

Узнав от дочери о желании сына жениться на городской девушке, Сона хотела первой сообщить мужу новость, а он-то уж всегда найдет верное решение, думала она. И сообщила, как только он пришел с работы. Включив всю свою артистичную натуру и как можно больше вкладывая в слова трагичности. Она не хотела, чтобы сын женился на городской девушке, надежнее было бы взять из деревни, вон сколько их, – рассуждала тетушка.

Рассказав мужу об этой новости, она немного успокоилась, подумав, что он, как всегда, найдет верное решение.

Предстояла беседа отца и сына по поводу женитьбы. Расул волновался. Надо было убедить родителей, что Минае – девушка, которую он любит и что именно с ней хочет создать семью. Да, она дитя города, ну и что, она же хорошая, нежная, образованная, тонкая и ответственная, с богатым внутренним миром. Она всему научится, не хуже мамы будет готовить и управляться с хозяйством. Он продумал, какими именно словами будет убеждать отца, но заранее приготовился к самому худшему. В коридоре послышался скрип отцовских сапог. «Помоги мне, Всевышний», – волнуясь, подумал Расул. Его нервы напряглись, словно на него через мгновение обрушится лавина, и почувствовал, как с приближением скрипа ладони и лоб покрылись потом.

Войдя в комнату, отец внимательно посмотрел на сына. По сверкающим глазам, сведенным бровям, серьезному выражения лица, по переплётённым и побелевшим пальцам рук, он понял, что сын непоколебим в своем решении, что он окончательно сделал свой выбор и насмерть будет отстаивать его.

«Характером он весь в меня, упрямый и решительный. Вряд ли стоит на него сейчас давить, – подумал Кадир, глядя на сына. А потому не стал отговаривать его и навязывать свое мнение и пришёл к выводу: – В конце концов, это его жизнь, пусть сам ее и строит».

– Мы с матерью рано или поздно уйдем в мир иной, как Бог даст, это жизнь, сынок, – начал он приглушенным строгим голосом, присаживаясь на стул. – Вы будете жить дальше, у вас будут дети, а потом и внуки и правнуки. Именно сейчас ты укладываешь первые кирпичи своего будущего дома и будущей семьи. От того, как ты это сделаешь, зависит прочность твоих стен, счастье и надежность твоей семьи. Если ты решил женится на этой девушке, обдумай все хорошенько и поступай, как ответственный мужчина. Как глава семьи. Семья создается один раз и на всю жизнь, помни об этом. Не принимай увлечения за любовь. Хороших и красивых девушек много, а та, которая нужна тебе, одна. Мы с твоей мамой не против и не собираемся разубеждать тебя. Поступай так, чтобы потом не жалеть о принятом решении, – неторопливо, но твердо и внушительно сказал он Расулу.

Отец замолчал, немного посидел, о чем-то глубоко задумавшись. В комнате повисла полная тишина. Затем встал, еще раз внимательно посмотрел в глаза сыну и, не выронив больше ни единого слова, вышел, оставив сына один на один со своими мыслями…

– Дорогой, проснись, ну проснись же, прошу тебя, – услышал Расул сквозь сон. Было раннее утро. Просыпаться совсем не хотелось, он взглянул в окно. Светало. – Ну же, помоги мне, дорогой, – дернула его Минае за рукав. Расул повернулся к жене и от испуга вздрогнул всем телом. Вместо жены перед ним стояла маленькая, худенькая, абсолютно седая женщина с растрепанными волосами, одетая в испачканную чем-то одежду. Сон как рукой сняло. Не веря тому, что увидел, он протер глаза.

– Мина, это ты? – еле выдавил Расул чужим голосом. – Что с тобой случилось?

– Я, конечно, кому же еще быть-то. Дорогой, сейчас шесть утра. Я хотела в самоваре чай вскипятить для отца, он же рано уходит на работу, и не могу разжечь огонь. Вот, испачкалась в золе.

– Ну, теперь понятно, почему ты вся обсыпалась пеплом, – еле сдерживая смех и все еще не веря, что перед ним стоит его жена, сказал он.

– Так получилось, дорогой, это пепел из трубы самовара, я просто его попыталась почистить. Помоги мне, я раньше никогда этого не делала. Прошу тебя, это важно для меня, понимаешь, – протянула нежным голоском Минае. Щекоча, заставила его встать и потянула мужа за собой. Выйдя во двор, Расул увидел, что рядом с самоваром лежит куча толстых, сухих поленьев и стоит огромная канистра с соляркой.

– Ну и как ты собиралась разжечь самовар такими толстыми дровами, дорогая, и солярку зачем-то принесла? – задыхаясь от хохота, спросил он жену.

– Зачем, зачем, откуда я знаю, взяла, чтобы разжечь самовар, что тут непонятного, – надув губки ответила Минае.

– Запоминай, самовар надо сначала почистить от собравшихся в трубе пепла и золы и разжигать тонюсенькими ветками, а уже потом можно подбрасывать ветки потолще, – щелкнул он жену по носу.

Нисколько не смутившись, Минае засучила рукава и тут же начала повторять за мужем все, что он делал. Со стороны было очень смешно наблюдать, как маленькая, с тонкими запястьями девчонка старалась вскипятить чай в большом самоваре. Расул снова залился смехом…..

Шли дни. Минае потихоньку привыкала к деревенской жизни. Она крепко запомнила слова своей мамы: «Теперь твой дом там, где живет твой муж. Ты сама нашла парня, никто тебе его не навязывал, значит, будь добра, живи. Старайся молча переносить тяготы деревенской жизни, и научиться всему у своей свекрови», – говорила мама. Но в душе они обе, конечно, переживали, как там, в другой семье, да еще в деревне сложится ее жизнь.

Минае была человеком довольно упертым, уж коль задумала чему-то научиться, непременно доводила дело до конца, никогда не сдавалась и не боялась трудностей. А главное, была всегда настолько открытой, естественной и дружелюбной, что вскоре все близкие и родственники искренне ее полюбили.

– Сходи посмотри, подошло тесто или нет. Если поднялось, перемеси его еще раз, так хлеб получится мягче. А я пока с соседкой чай на балконе попью, – сказала как-то свекровь молодой невестке.

– Ай, ай, мамочка, помоги мне, тесто не хочет меня отпускать, помоги, – вдруг услышали они крик невестки через пару минут. И свекровь, и соседка бросились на кухню. То, что они увидели там, заставило обеих присесть прямо на пол, чтобы не упасть от неудержимого хохота. Мина по локоть залезла в тесто, которое было в большом чане, и ее тонюсенькие ручки намертво застряли, словно попали в капкан. Невестка, пыхтя, старалась их вытащить из теста, но ей не хватало сил. Волосы были растрепаны, а из широко раскрытых красивых глаз капали слезы.

– Ох ты мое наказание, – вытаскивая ее руки, сказала свекровь, стараясь остановить свой хохот. – Говорила ведь сыну, не женись на городской, не послушался, вот и результат.

– Я научусь, обязательно научусь, – тихо ответила Мина, оттирая руки и виновато оглядываясь по сторонам, стыдясь, что все увидели, и теперь будут издеваться над ней. Прошло не меньше года, прежде чем она в конце концов научилась печь хлеб в тандыре, и делала это даже лучше мамы.

Из-за своего упрямства и желания научиться всему Минае почти всегда попадала в самые разные смешные ситуации, которые впоследствии становились поводом для язвительных шуток, иногда, в общем, небезобидных. Но она не обижалась, неудачи ее не пугали, наоборот, просыпалось большое желание научиться, появлялся некий неукротимый азарт, который помогал ей. У этой хрупкой, озорной, маленькой городской девушки был сильный характер.

Однажды на рассвете весь дом и даже соседи проснулись от ее истошного крика. Светало. Рано проснувшись, Минае решила, что пока все спят, она натаскает воды из арыка и заполнит все фляги. «Вот свекровь обрадуется, ведь сегодня предстоит большая стирка», – подумала она и, быстро одевшись, вышла во двор. Где-то за сараем кричал петух, коровы и буйволицы лениво жевали свою вечную жвачку в ожидании утренней порции сена. Взяв два больших ведра, Мина, тихо о чем-то напевая себе под нос, направилась в сторону недалеко протекавшего арыка. Негромко журчала вода, пели птицы, и солнце ласкало всё вокруг своими нежными теплыми лучами, и настроение было просто потрясающим. Она уже хотела зачерпнуть воды, когда услышала шорох за спиной. Какое-то черное животное, непонятно откуда взявшееся, подбежало к ней и начало облизывать и жевать ее халат. Страх сковал ее движения, и леденящий холод пробежал по телу. «Волк или злая собака? – промелькнуло в сознании. – Вот он, мой последний час, как же я мало успела пожить на этом свете!» – подумала она и, от ужаса зажмурив глаза, прошептала:

– О Аллах, защити меня.

Тем временем животное ощутимо боднуло девушку и с силой потянуло за подол.

«Это все, это конец», – снова мелькнула мысль в голове. Минае показалось, что животное вот-вот загрызет ее насмерть, и она закричала во весь голос:

– Мамочкаааааа, не дай собаке меня съесть

– Откуда собаки, мы не держим собак, – вздрогнув от крика, вскочила свекровь. От крика проснулись все, кто находился в это время в доме. Они наперегонки выбежали на улицу, а через мгновение все повалились от неудержимого хохота. Возле арыка стояла насмерть перепуганная, совсем бледная Минаш с двумя пустыми ведрами в руках, которые держала высоко над головой, а родившийся два дня назад теленок буйволицы облизывал и жевал подол ее халата. Вероятно, малыш был просто сильно голоден и искал маму, а яркий халат невестки привлек его внимание. Увиденная картина была настолько смешной, что даже суровый отец не смог удержаться от смеха, не говоря уже о других. Все смеялись, держась за животы, хохотали до слез.

– Пустые ведра-то зачем подняла, ой, не могу, – не в силах остановить свой смех, еле промолвила свекровь. – Надо было бросить их и бежать домой. О Всевышний, сколько еще времени нужно будет моей невестке, чтобы привыкнуть к деревенской жизни? – хохоча, добавила она. Однако подойдя к невестке, приобняла ее за плечи, нежно погладила по голове и спросила: – Ты сильно напугалась, дочка?

Тетушка Сона была человеком мудрым, тактичным и безгранично терпеливым.

Минае полюбила домашний гатыг. Каждый день она снимала жирную верхушку с гатыга и отправляла её в большую пиалу. Добавляла немного сахара, брала в руки кусок тандырной лепешки и с большим аппетитом съедала. Свекровь, увидев это, ничего никому не сказала, догадываясь, что, видимо, есть вполне объяснимые причины, что, вероятно, у невестки токсикоз. Ни одним намеком не дала ей понять, что гатыг предназначен совсем для другой цели. Гатыг всю неделю собирался и в конце недели из него сбивали масло. Домашнее, вкусное сливочное масло.

Бабушка никому не доверяла процесс сбивания. Ей казалось, что никто так не сделает, как она. А потому, залив все ингредиенты в *нехре* (специальный кувшин для сбивания масла), бабушка присела на пол, и процесс начался. Час сбивает, два прошло, вышло все положенное время, а масла совсем чуть-чуть. – Что такое, масла совсем мало, – недоумевала она. – Наверно, у буйволиц портится молоко, совсем нежирное стало, никогда такого не было. Свекровь промолчала, зная, что как только токсикоз у невестки пройдет, то и с молоком, и с маслом все будет хорошо. Но вскоре Минаш все же попалась и бабушке, когда снимала очередную порцию жирного верхнего слоя гатыга.

– Доченька, наверно, ты хочешь вкусный гатыг, давай для тебя отдельно заквашу в банке, – заботливо сказала она, подойдя к невестке.

– Нет, бабушка, не хочу, в банке горлышко узкое, значит, будет меньше и жирности, и брать его неудобно, а я хочу очень жирный, он такой вкусный, – заулыбалась в ответ Минаш. Бабушка засмеялась:

– Так это ты съедаешь всю жирную верхушку с гатыга, а я грешила на наших буйволиц. Думала – вот, молоко испортилось совсем, нежирное стало. Хотела продавать их. А они тут и ни при чем, – сказала она, заливаясь смехом. – Ну ладно, ничего, период у тебя сейчас такой, скоро пройдет, у всех проходит.....

На Минаш никто не мог злиться или обижаться. Она всегда была такой отзывчивой, наивной, веселой и непосредственной. Говорила, что думала, охотно училась разным делам по хозяйству. Никогда не сдавалась, а потому была любимицей у всех домочадцев. Кроме того, она была источником хорошего настроения для всех с самого первого дня своего появления в этой семье. И это совсем не из-за того, что она часто попадала в смешные истории, вовсе нет. Просто она всегда была человеком ярким, искренним, светлым и добрым. А поводов для смеха действительно находилось очень много.

– Солнце село, уже не так жарко, пойду в огород полоть грядки. Травой зарастет все, а рассада еще молодая, надо поухаживать за ней, – сказала однажды свекровь.

– Можно и я пойду с вами? – тут же откликнулась Мина.

– Нет, дочка, ты не сможешь, ты же никогда не работала на земле, занимайся домашними делами, а я сама все сделаю быстро и приду.

– Мамочка, я тоже хочу с вами пойти, должна же я когда нибудь научиться. Я быстро научусь, вот увидите, – умоляюще, как-то по-детски протянула тоненьким голоском Минаш.

– Ну ладно, идем, смотри, как я работаю, действительно, ты права, когда-то ты должна научиться и этому, – согласилась тетушка Сона. Она дала невестке тяпку, сама взяла в руки кетмень и стала показывать, как нужно полоть грядки. – Надо немного смягчить почву вокруг рассады, весь сорняк тогда очень легко вытащить вместе с корнями. Смотри, как это делается, – сопровождала комментариями свои действия свекровь. – Вообще это работа нетрудная, нужно только стараться.

«Хм, и правда не трудно. Кетменем раз-раз, а потом травку дергаешь. Смогу, конечно», – подумала Минаш, внимательно наблюдая за свекровью. Тут же встала на следующую грядку с капустой и начала работать тяпкой. «Раз, два, три, четыре, – неслышно считала она в такт каждому своему движению, – раз, два, три и четыре»…

– Да, да, правильно, моя милая, вот видишь, уже и научилась, молодец. Главное ничего не бояться, – радовалась тетушка Сона.

А Минае уже более уверенно держала орудие труда и забыла об осторожности. Что-то громко начала рассказывать свекрови, и сама же смеялась своим словам. И вдруг, потеряв осторожность, хрясь, хрясь, срубила тяпкой сразу две капусты.

«Ох, этого только мне не хватало, – испуганно вздрогнула Минаш. – Что же теперь скажет мама? А если всем расскажет, опять будут надо мной смеяться, ох, ох». Минае почувствовала, как начали гореть щеки. Она осторожненько, исподлобья глянула на свекровь. «Нет, не увидела, – с облегчением вздохнула она, – далеко ушла вперёд. Уф, надо их снова закопать, – быстро сообразила невестка. – Раз, раз, вот и все, ничего не видно, так все и было. Слава Всевышнему, – подумала Минае, радуясь и удивляясь своей находчивости. – Так, идем дальше, я сильно отстала от мамы, стыдно, надо догонять. – Раз, два, три, хрясь…, ох, еще один срубила. Что же это такое?!», – и опять быстро закопала срубленную капусту, и так повторялось несколько раз. Дойдя до конца грядки, Минаш с огорчением посмотрела на результат своей работы… Из тридцати стебельков капустной рассады она срубила десять. Но этого не было видно, так как она умело скрыла свое маленькое «преступление» и ни словом не обмолвилась об этом, надеясь, что все останется незамеченным.

Наутро тетушка Сона, придя на огород, увидела завядшую рассаду.

– Что такое, вчера они выглядели очень даже хорошо, думала, что все приняслись. – С этими мыслями тетушка дернула их за стебелек. – А, ну все теперь ясно, Минаш срубила их и снова закопала, чтобы я не заметила, ох, наказание ты мое, – улыбнулась она...

Порассуждав, свекровь решила никому об этом говорить, и невестке в том числе. Она попросту заменила срубленные стебельки на новую рассаду и, чтобы солнце сильно не припекало и они легче принялись, укрыла их листьями лопуха.

Минае, увидев, что свекровь ходит по вчерашним грядкам и вспомнив о своей тайне, тут же прибежала.

– Почему вы накрыли некоторые из стеблей рассады лопухами? – неумело скрывая свое беспокойство, спросила она.

Тетушка еле сдержалась, чтобы не рассмеяться невестке в лицо.

– Понимаешь, под землей есть такие черви, они питаются молодой рассадой. Вот, наверно, они приползли и повредили у нас несколько стебельков, – хмыкнула она. – Я заменила их новыми и накрыла листьями лопуха, чтобы отпугнуть червей, и тогда с капустой ничего не будет, – свекровь посмотрела на невестку улыбающимися глазами…

«Ой, как здорово получилось, мама ничего не узнала, как хорошо», – подумала Минае про себя, радуясь, что очередной ее конфуз остался незамеченным.

«Ну надо же, она даже не задумалась, почему черви напали на капусту только с ее грядки», – долго удивлялась наивности своей невестки тетушка Сона, в свою очередь еле сдерживая хохот.

Об этом случае со срезанной рассадой свекровь обмолвилась только по истечении нескольких лет, введя невестку в краску, когда, смеясь, рассказала всем о том случае на огороде, как всегда, вызвав у всех присутствующих неудержимый смех.

Расул чувствовал, что с годами они с женой стали еще ближе и роднее, одним целым. Они действительно были предназначены друг для друга. Мина всегда была любящей, доброй, заботливой, с тонким чутьем и глубокой интуицией. Она могла с одного взгляда понять, что у мужа на душе, ненавязчиво предложить решение или совет и угадать его настроение.

Однажды их пригласили на свадьбу. Расул позвонил жене, чтобы она ехала с друзьями, а он приедет с работы, быстро переоденется и тоже присоединится к ним уже в ресторане. Приехав домой, он увидел, что жена, как всегда, заботливо приготовила ему рубашку и костюм, который выгладила и повесила на вешалку. Он умылся, переоделся и начал искать галстук. Вообще-то галстук тоже должен был быть где-то здесь. Не могла же она приготовить костюм без галстука, все-таки в ресторан идем. В шкафу галстука не было, на вешалке тоже, на стуле, на кровати. Нет, галстука нигде не было. «А, ладно, пойду так, без галстука, – подумал Расул. – Может быть, Мина забыла».

Весело прошла свадьба. Встретившись с друзьями, хорошо посидели, повеселились, пообщались. На обратном пути Мина вдруг спрашивает:

– Ты почему не надел галстук? Друзья твои все были в галстуках, как и положено, а ты нет. Почему?

– А потому, что ты его не приготовила, поэтому и не надел, – с ухмылкой ответил Расул.

– Я его приготовила, – возмутилась Мина.

– Даааааа, неужели, и куда же он делся? Я все там обыскал, нигде не было, – произнес он ехидным тоном.

Минае с ловкостью фокусника залезла в карман пиджака мужа и с криком: «А вот он!», залилась безудержным смехом. Расул тоже засмеялся.

– Что же ты в ресторане мне не сказала этого?

– Откуда же я знала, что ты не нашел. Я думала, что ты не захотел надеть его.

– Ах ты, шутница, все такая же, как в молодости. С годами не утеряла ни своего веселого нрава, ни детской наивности и непосредственности, ни красоты. Мой ангел-хранитель. Ты знаешь, я всегда прошу Всевышнего, чтобы он забрал меня первым. Да будет так.

– Ну что ты говоришь, дорогой, – прервала его Минае. – Не дай Бог, если ты. Я не смогу без тебя жить.

– А ты не расслабляйся, посиди, поплачь, прими соболезнования от пришедших людей. А после сорока дней я сам, лично, приду за тобой, – засмеялся Расул и обнял жену.

«Пусть немного поспит еще, отдохнет. Милая моя, ты нужна всем – и мне, и детям, и всем родственникам. Как же мы тебя любим. Спи, родная, спи, ничего никогда не бойся. Я буду охранять твой сон, твою жизнь, пока хватит сил».

Расул поцеловал жену и подумал, что это и есть счастье. Его необъятное, радужное, переполняющее его простое счастье.

МАЙЯ БАДАЛБЕЙЛИ

Азербайджан - Россия

Майя Бадалбейли родилась в Баку, но в настоящее время живет и работает в Москве. Филолог, социолог, член Союза писателей и Союза художников Азербайджана, член Российского Союза писателей. В качестве художника неоднократно выставлялась на персональных выставках в Азербайджане и России. Действительный член Академии Информатизации и Института неоэтических наук (США).

Что наша жизнь?

О, как торопим мы года,
Когда к мечте своей стремимся!..
В конечном счете, в никуда
Несет нас жизни колесница.

И в этой гонке мчусь и я...
Куда? Зачем? И что там после?..
Что наша жизнь?
Она – лишь остров
Средь океана Бытия.

Сегодня ты... а завтра я...
И все мы в эту вечность канем.
И лишь заветная мечта
Опять кого-нибудь обманет.

Пополам

Я разделю все пополам:
Луну и звезды, ночь в тиши,
И солнца луч, что по утрам
Своим теплом согреть спешит.

Я разделю все пополам:
Весенний день, дыханье ветра.
Чтоб поровну достался нам
Весь этот мир –
до миллиметра.

...Но если вдруг придет беда,
Нам не делить ее с тобою.
И пусть твоя беда тогда
Моей окажется бедою.

* * *

Я не люблю стихов пустых,
Бездушных и лишенных смысла.
Люблю, когда стихи –
под дых!..
Читаешь, крепко зубы стиснув

От жалости и доброты,
От правоты и от восторга...
И от душевной красоты,
Где стих берет свои истоки.

Наш мир

Весь этот мир –
ничтожный и великий,
Весь этот мир,
тревожный, многоликий,
Где плоти торжество
и разум одинок,
Уродство красоты
и бестолковый слог!..

Разве ты виноват?..

Я тебя ни в чем не виню...
Разве ты виноват, что осень
В опустевшую душу мою
Проливными дождями просится.

И не ставлю тебе в вину,
Что, барахтаясь в суете,
Без тебя я пойду ко дну,
Сомневаясь в своей правоте.

Сны

Опять одна я в замкнутом пространстве.
Глухая дверь в невидимой стене –
За нею жизнь в торжественном убранстве,
Которая так часто снится мне.

И я кричу, но голос мой не слышен
Для тех, кто прославляет суету.
Невидимые стены равнодушья,
Распахнутые двери –
в пустоту...

За чертой

Там, за чертой мгновенья – Бог!..
И страшен слог, безумен слог
Узревшего Его порог!

Там, за чертой мгновенья – Бог!
Там жизнь и смерть! Печаль, восторг
Узревшего Его порог!

Там, за чертой мгновенья – Бог!
И за строкой, и между строк
Дается жизненный урок
Узревшему Его порог!

Там, за чертой мгновенья – Бог!
Тот мир прекрасен и жесток.
Всё рассказал бы, если б смог,
Узревший миг тот и порог!

Там, за чертой и до черты,
Там, за тобой, и там, где ты,
Где слезы, грозы и мечты,
Узреешь ты Его следы!..

За ту черту, туда, где Бог,
Спешим в назначенный мы срок –
Он подведет всему итог.
И в Вечности войдя поток,
Начнем мы заново урок!..

Ухожу из осени

Ухожу из дождливой осени,
И яснее кажется день.
Очертанья далекой просини
Мне видны сквозь тяжелую тень.

Это тяжесть моих раздумий,
Это тяжесть моих невзгод –
Облака, что на небе вздулись
От осенних моих непогод.

Мне ж не хочется грусти этой,
Мне не хочется этих тревог.
Я хочу –
счастливых рассветов,
Озаряющих сотни дорог!

Боль

Я закрою глаза
И представлю на миг,
Что чужая – слеза,
И чужой – этот крик.

Что чужая беда
В мое сердце стучит.
Чья-то гаснет звезда,
В бездну ночи летит.

Что случилось со мной?
Я бегу сам не свой...
Нет дороги домой,
Черный дым над землей.

Мне бы только понять
Кто мне друг, а кто враг?
Жизнь чужую отнять,
Ни за что, просто так?!..

Сколько горя, потерь
В этом мире страстей...
Боль моя все сильней –
Здесь стреляют в детей!..

Погружаюсь во мрак –
Всё темней и темней...
Не утихнет никак
Боль, что стала моей.

Я глаза вдруг открыл:
Стал чужим этот мир.
Я забыл, кем я был,
Кто здесь правил свой пир...

Ухожу, не спеша,
Замерзает душа...
На бессонных глазах
Застывает слеза...

Безрассудство

Безрассудство, страсть и печаль,
Захлестнув, унесут меня вдаль.
Я раскрою объятья судьбе –
Словно всадник на резвом коне
Я помчусь навстречу заре...
Удержаться бы только в седле!..

Математический каламбур

Один плюс одна – это ты и я,
Или кто-то другой:
не ты и не я,
А кто-то третий
и кто-то второй...
А есть еще один и одна,
Но знак вычитанья –
меж ними стена!
А были когда-то один плюс одна...

Кто?..

Кто, скажи, с небес спускаясь,
Ищет звезды на Земле?
Своего коня теряя,
Кто жалеет о седле?

Кто, испив из чаши горе,
Подает ее другим?
Будучи с собой в раздоре,
Кто назвал себя святым?..

БЕТТИНА КАЙБАХ

Профессор славистики и американистики. Преподаватель Гейдельбергского славянского института. Защитила диссертацию по творчеству Александра Блока и Владимира Соловьева. Переводчик русской и чешской литературы на немецкий язык. В 2014-ом году в издательсте «Карл Хансер» вышел ее перевод прозы Исаака Бабеля.
Автор литературно-критических статей.

ПЕРЕПАЛКА В ПАТРИОТИЧЕСКОЙ КЛОАКЕ

Статья опубликована в немецкой газете «Frankfurter Allgemeine»

В ноябре в Кремле прошло заседание Совета при Президенте РФ по русскому языку. Тон задал президент Путин: по его словам, разного рода «пещерные русофобы» и целые государства объявили войну русскому слову. Сбережение и распространение русского языка как в стране, так и за рубежом является, по его мнению, задачей государственной важности. Так называемые «патриоты», казалось, только и ждали этого сигнала.

Даже предстоящий юбилей Пушкина превратился в оружие для общей мобилизации против угрозы русскому языку. По словам «патриотов», во времена религиозной дезориентации и гендерного смешения, только русская литература верна традициям и «дает абсолютно универсальные формулы» морали и истины.

Заявления Путина об объявленной русскому языку войне совпали со скандалом, который нескольких недель сотрясал российские СМИ и соцсети. 29 октября филолог и профессор московской Высшей школы экономики (ВШЭ) Гасан Гусейнов опубликовал пост в Facebook: «В Москве, с сотнями тысяч украинцев и татар, кыргызов и узбеков, китайцев и немцев, невозможно днем с огнем найти ничего на других языках, кроме того убогого клоачного русского, на котором сейчас говорит и пишет эта страна». После этого в российском интернете поднялась волна возмущения, кульминацией которой стали угрозы убийства в адрес Гусейнова.

Патриотическая пресса верно поняла «намек» президента страны: ведь он защищает русский язык от таких непремиримых очернителей русского языка, как Гусейнов.

Критика Гусейнова действительно задела за живое. Швейцарский славист Ульрих Шмидт считает, что в последние годы Кремль стремится «объединить российский многонациональный народ в конгломерат с русским культурным ядром». Русский язык при этом должен стать не только «ресурсом власти, который служит общественным связующим звеном внутри страны, но и стабилизировать отношения с близлежащими иностранными государствами. Соответственно, политическое руководство раздраженно реагирует на высказывания, в которых связующее и патриотическое значение языка ставится под сомнение».

Эта истерия оказывает влияние на все слои населения, свидетельством тому является то, как реагирует на слова «клоачный русский язык» писатель-националист Захар Прилепин и анонимные блогеры, так называемые «кремлеботы». Хотя Гусейнов объяснил, что он критикует не русский язык как таковой, а язык российской политики, СМИ и соцсетей, наполненный враждебностью и ненавистью.

Владимир Соловьев, ведущий пропагандистского политического ток-шоу на государственном Первом телеканале, назвал Гусейнова русофобом. Многочисленные агрессивные посты на эту тему заставляют задуматься о том, не является ли основной проблемой в действительности именно ксенофобия. Лексика возмущенных постов уходит корнями в антисемитизм и эпоху сталинизма. Гусейнова то презрительно называют

евреем, то турком. Речь идет практически о «враге народа», проникшем в Высшую школу экономики и подрывающем вуз, который среди так называемых «патриотов» и без того считается кузницей русофобских сил.

Руководство ВШЭ, забеспокоившись о своей репутации, попросило Г.Гусейнова публично извиниться за свой пост. Людмила Улицкая, член Ассоциации «Свободное слово», и целая группа знаменитых писателей, журналистов выступили с открытым письмом против советской практики, принуждающей к публичному покаянию. Между тем, Гусейнов отказался извиняться.

Скандал стал отражением всеобщей политической ситуации в стране. Особо подчеркивалась роль университетов в прошедших митингах. Среди участников в летних московских протестах за честные выборы в местные органы власти были и студенты ВШЭ. Российские высшие учебные заведения вообще испытывают на себе все более возрастающее давление.

Осенью в немецких университетах недоумение вызвало распоряжение российского министерства образования, согласно которому российские ученые обязаны не позднее, чем за пять дней до встречи с иностранными коллегами уведомлять об этом министерство. А после встречи предоставлять ведомству отчет. Союз ректоров немецких университетов был об этом официально уведомлен Российским министерством образования и науки.

Историк и эксперт по Восточной Европе Мартин Шульце Вессель говорит о серьезных последствиях для российских ученых «из-за новых правил, направленных на запугивание»: «Новые правила регистрации и обязательной отчетности могут серьезно навредить российским ученым. И это на фоне того, что министерство образования хочет развивать связи российских и зарубежных университетов, чтобы поднять их рейтинг в мире. Вряд ли это возможно, если издаются законы, восходящие к советским методам контроля за внешними контактами».

В течение многих лет Г.Гусейнов анализирует русский язык постсоветского периода, он также изучает процесс «фашизации антифашизма», с помощью которой официальная риторика узаконивает конфликт в Украине. Почему его пост в Facebook о «клоачном русском языке» вызвал такую бурю? Писательница Алиса Ганиева видит в этом ужесточение политики в отношении других национальных языков кореных народов России. С критикой этой политики выступал и Г.Гусейнов. По мнению писателя Дмитрия Быкова, ажиотаж вокруг поста Гусейнова является частью кампании против интеллигенции, в которой нынешние власти России видят опасность.

При этом некоторые националистические СМИ умонепостижимым образом связали «клоачный скандал» со скандалом вокруг убийства университетским преподавателем Олегом Соколовым своей аспирантки и сожительницы. «Имперско-монархический телеканал «Царьград ТВ», финансируемый Константином Малофеевым, который также поддерживает пророссийских ополченцев на востоке Украины, констатировал, что тому, кто сегодня захочет изучать в России гуманитарные науки, придется выбирать между профессорами-русофобами и профессорами-психопатами. Этот канал считает преступление Гусейнова непростительным, при этом выдвигает версию о том, что преступление Соколова возможно вызвано якобы угрожающей реорганизацией его университета в соответствии с западными образцами?! Тут так сказать, уже без комментариев. В любом случае эта криминальная история не может иметь ничего общего с историей и нападками на Г.Гусейнова.

Едва ли кто из защитников русского языка не процитировал в клоачном споре гимн «западника» Ивана Тургенева «великому, могучему, правдивому и свободному русскому языку». «Не будь тебя, языка, – говорится далее у Тургенева, – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?».

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

ИСТОРИИ, ПРОИСХОДЯЩИЕ У МОРЯ

История первая.
РОМАНИСТКА

Чем бы ты ни занималась…

Чем бы ты не занималась, а взор твой почему-то все время устремлен в яркую голубизну небосвода. Отыскивает там темную точку самолета, выныривающего из-за молочных облаков и оставляющего за собой след в виде белой полоски. Ревностно наблюдает за его передвижением.

…Но настанет час, и ты поднимешься в воздух. Ты будешь сидеть в удобном кресле, листать мятый журнал и посмеиваться над нерасторопным стюардами: «Где же вы? Когда, наконец, принесете шашлык и яблочную запеканку? Да, и не забудьте про кофе с ликером!»

Время от времени ты ласкаешь взором свой зелененький чемоданчик, в который уже с весны уложены яркие, в ромашках шлепанцы и новый купальник. Купальник ждет не дождется того момента, когда ты напялишь его и испытаешь на прочность в соленых пенистых волнах или в чистейшей голубой воде бассейна, в который, благодаря очень раннему времени, еще не успели упасть тела соседей по отелю…

…И вот долгожданный час отлета наступает…

Далеко внизу раскинулось сверкающее море! Оно настоящее! Оно волнует и пугает одновременно. Кажется, оно никогда не закончится, и уставший самолет недотянет до берега и в конце концов клюнет носом воду. Но все в порядке. И вот уже внизу проплывают яркие разноцветные крыши миниатюрных гостеприимных домишек. И машут тебе своими ветвями пальмы…

И наплевать, что точно такие же пальмы высажены у тебя на родине. ***Эти*** пальмы выглядят более высокими и величественными. Словно колонны в храме Антонио Гауди.

…Облом начинается, когда ты ступаешь на здешний пляж, густо заставленный шезлонгами и разноцветными зонтами. А под ногами – черный клейкий песок, вернее, нечто, напоминающее песок.

Это не ***твое*** море, манящее тебя шелковым на ощупь ребристым дном, в которое входишь постепенно, а вокруг снуют стайки рыбешек, деликатно огибая твое тело. ***Твое*** море ласковое, но не настоящее.

…А ***это*** – настоящее море. И ты погружаешься в него, переставая видеть свои конечности в сгущающейся синеве, и чувствуешь, как постепенно становишься жертвой чего-то (или кого-то) изголодавшегося…

Кто-нибудь, вытащите меня отсюда!!!

…Она не зря выбрала этот столик рядом с бассейном на открытом воздухе. Сюда никто и никогда не подсаживался. Это был тот момент, когда ее одиночество носило романтический характер.

Она аккуратно расставила тарелки с едой. Упс… Внезапно налетевший ветерок сдул со столика бумажную салфетку. Белый треугольник поплыл по голубоватой глади бассейна, быстро намок и пошел ко дну.

«Вот так же и я когда-нибудь здесь кану, если не научусь сражаться с волнами», – подумала она.

Ее размышления прервало появление двух взбалмошных теток не первой молодости, непонятно откуда взявшихся. Они обе шлепнулись на свободные стулья, вперив в нее восторженные взгляды. У одной тетки сквозь полупрозрачный халатик проглядывали дряблый живот и вислые титьки. Лицо ее покрывал толстый слой косметики. Вторая, чуть помоложе и поподтянутей, облачена была в мини– бикини. По ней видно было, что она всячески пытается вернуть себе молодость в массажных салонах. Именно она и заговорила первой:

– Мы долго гадали: вы это или не вы…

– И к какому выводу пришли? – досаду удалось скрыть, хотя и с трудом.

– Это ***вы****!* – закричали обе тетки. – Мы нашли в стеклянном шкафу ваш роман. Это ***вы*** его туда положили?

Стеклянный шкаф стоял в холле отеля и был набит разными книгами на нескольких языках. Это были книги, прочитанные постояльцами отеля и великодушно выставленные для всех желающих.

– Определенно не я, – решительно сказала она. – Наверное, тот, кому я до смерти надоела.

Тетки дружно замахали руками:

– Что вы, что вы! У вас такой чудесный стиль, вы не можете надоесть! – закричала тетка в полупрозрачном халате.

– Вот только мы с Тамарочкой как-то не совсем поняли конец последнего романа, – заявила тетка в мини-бикини. – Ваша героиня, ведь она так влюблена! А в результате хочет убить…

– Все мы жертвы чьих-то чувств, – она пожала плечами, в тщетной надежде отделаться от навязчивой парочки. Но не тут-то было. Теток понесло дальше:

– У нас завтра в планах «Троя». Не хотите ли присоединиться?

– Нет, не хочу, – решительно отказалась она.

– Вы не любите оперу?

– Нет, не люблю.

– А джаз? А рок-музыку? А какой кинорежиссер вам больше всего нравится?

– ***Ларс фон Триер***, – бухнула она первое, что пришло в голову.

– Кто-кто?! – тетки чуть не подскочили на стульях. – А вы забавная. Тамарочка вот неравнодушна к Никите Михалкову.

– Сочувствую ему, – немножко иронии не повредит.

– Ха-ха-ха! – зашлись смехом тетки. И тут же, без перехода: – У вас очень оригинальный купальник. Вы его тут брали?

– Михалков подарил, – уже с легким раздражением ответила она.

– Надеюсь, его не ждет участь вашего героя? – съязвила та, которую звали Тамарой.

– Тома, у тебя слишком развязный юмор, – тетка в мини-бикини легонько ткнула подругу локтем в бок. И тут же добавила: – Есть такая чудесная маска, подходит для тела и лица. Горчица с топленым молоком…

– Тетеньки, – не выдержала она. – Я что, так плохо выгляжу?

– Да что вы! – тетки вновь дружно замахали руками. – Наоборот, вы нам очень нравитесь! Вы просто потрясающе выглядите! И мы хотим знать секрет вашей изумительной кожи, лица и фигуры.

– Суп из акульих плавников, – полушепотом сказала она. И уже громче: – И ежедневно натощак стакан крови, взятой из таких зануд, как вы…

Тетки заржали и смылись так же молниеносно, как и возникли.

…Пожалуй, самое лучшее, что сейчас можно сделать – это заказать в номер бокал шампанского и запереться. А вечером усесться на балконе и наблюдать, как время от времени прямо над головой пролетают огромные пассажирские «Боинги» с горящими бортовыми огнями. Захватывающее, просто фантастическое зрелище. Также можно незаметно выскочить из отеля и помчаться в парк с водопадом. Там – кафешки под открытым небом, с мягкой мебелью, и трогательные теремки для уличных кошек…

Она очень любит пешие прогулки. Прогулки вдохновляют ее на творческий процесс. Она сама себе уже пообещала, что следующую книгу напишет исключительно о любви и дружбе! И никаких убийств! И – кто его знает – именно сейчас ей повезет, и произойдет в парке романтическая встреча!..

Мужчина средних лет и приятной наружности – он не заставляет себя долго ждать. Он возникает словно бы из ниоткуда и приближается. Видимо, он пока не догадывается, что моложе нее.

– Любите кошек? – интересуется мужчина.

– Да. Как и все живое. Как это море и это небо.

– Я могу составить вам компанию?

– Пока еще не знаю…

Она смущена.

Сквозь темные стекла очков мужчина видится ей импозантным.

– Ясно. Наверняка вы думаете, что перед вами маньяк.

– Вы догадливы, – улыбается она и позволяет взять себя под руку.

Она снова заперлась у себя в номере с балконом и видом на соседний отель. Там во дворе точно такой же бассейн – длинный, в обрамлении зеленой лужайки; в голубой воде плещется влюбленная парочка. Ей нет до влюбленных никакого дела. Впрочем, влюбленным до нее – тоже. Она возвращается в комнату и валится на широкую кровать, застеленную свежими простынями. Хохочет в подушку.

Маньяк и маньячка.

Завтра они встретятся вновь. На нейтральной территории.

В дверь постучали. Сначала негромко, потом все сильней и настойчивей. Вставать страшно не хотелось, но все же пришлось.

Уф!!!

– Уж вы нас извините! Мы тут случайно разузнали, в каком вы номере!

На пороге стояли Тамарочка и ее подруга. На сей раз обе в невыносимо пестрых сарафанах на бретельках.

– Во-первых, просим извинения за вчерашнее, – затараторила та, что вчера была в мини-бикини. – А во-вторых, не подпишете нам вашу книжку?

– У меня нет ручки, – она пожала плечами.

– А мы вам принесем, через пять минут! Просто Тамарочка завтра уезжает…

– Счастливого пути.

– Какая вы, однако, – сказала Тамарочка с легкой завистью. – Мы думали, что вы недотрога. А вы вчера с таким ***мачо*** тут прощались….

Утром в ее голове сами собой сложились первые строчки нового романа. Начинался он так: «На берег Атлантического океана вынесло два обнаженных женских трупа…»

История вторая.
«ВСЕ ПРОХОДИТ»

Жизнь заканчивается в последнюю очередь. Потому что сначала проходит детство. Затем – юность… и т д. А вместе с ними проходят разные мелкие бедки – царапинки и порезы. Их не нужно уговаривать. И заговаривать тоже без толку. Они сами решают, когда им тебя покинуть. А вот ***беды*** порой остаются. И живут вместе с тобой до скончания твоего века.

…Ко всем этим выводам она придет значительно позднее. А пока что Танька сидит на влажном песке и пытается вылепить что-то вроде замка или, на худой конец, башенки. Но набегающие волны все смывают. Башенки получаются с глубокими трещинками, а потом и вовсе разваливаются. Может, надо как-то передвинуть свою детскую задницу и сесть на другое место, подальше от воды? Но Танька – существо упрямое. Краем глаза она наблюдает за дремлющими родителями, которые закрылись от солнца панамками. И не только от солнца, но и от Таньки тоже. Так, по крайне мере, ей кажется. И чем больше ей это кажется, тем сильнее ненависть к родителям. Особенно к матери.

Говорят, Танька, когда родилась, даже сиську брезговала в рот брать. Словно она совсем другая и на свет появилась необычным, ведомым только дьяволу путем. Ведь Бог и дьявол – это, в сущности, одно и тоже. Просто одно превращается в другое, когда это удобно и выгодно.

Когда Танька подросла и ей наконец перестали совать в рот всякую гадость (жидкие кашки, супчики, кисели), она предпочла всему обычную воду из-под крана. Прозрачную, прохладную, абсолютно безвкусную, но чистую – без малейшей примеси чего-то ядовитого, людского. Имеющую право бурлить в водопадах кухонных кранов и мало кому доступных родниках, где-то в глубинах лесных чащ, – там, где блуждали Танькины фантазии. И там, куда она сама не всегда могла отправиться по своей воле.

Водохлеб! Так называли Таньку. А потом уже и грубиянкой окрестили. Водохлеб и Грубиянка. А все потому, что она на все вопросы предпочитала либо молчать, либо отвечать кивком головы. «Скажи что-нибудь тете…. Хотя бы поздоровайся... Опять в рот воды набрала?.. Ты просто маленький крысеныш… Ты нас позоришь….»

Родители всегда оказывались за ее спиной в подходящий только для ***них*** момент, чтобы подсказать нужные ***им*** слова. Танькой руководили. Контролировали каждое ее нечаянно оброненное слово, не по адресу отпущенные вслух мысли. Танька чувствовала себя куклой-бибабо, которую надели на руку и кивали ее головкой, сгибая палец. Танька путалась в этих смутных полусонных лабиринтах взрослого воспитания. Спотыкалась о пороги чужого мнения. Она пыталась нащупать себя. Но ее было так мало всегда и везде, во всех ситуациях, что она ощущала себя просто липким маленьким лягушонком…

….А ведь так хотелось плыть самостоятельно, без всяких поддержек и направляющих пинков! Словно жизнь была морем – прохладным, соленым, с тугими накатывающими волнами, не знающими границ!

И она тоже не знала бы границ. Плыть, плыть, без помощи чужих рук. А не скрести пальцами ног по дну, судорожно вытянув подбородок, чтобы не захлебнуться. И не наглотаться песчинок с солеными водорослями.

Танька лепит зыбкий песочный ком и смотрит в сторону безграничной морской глади. Все ждет, когда, наконец, появится корабль, которой заберет ее туда, где бы все получалось…

… и где у нее были бы совсем другие родители – все понимающие. А не лежащие пластом под солнцем, изредка подымающие голову, чтобы сказать:

«А ну, надень панамку и живо под навес!»

Порой Танька ждет не только корабль, но и полусказочную рыбу-кита, огромную, как гора. Умную и дружелюбно настроенную по отношению к ней, к Таньке. Рыба-кит подплывет близко к берегу, окатит Таньку приветственным фонтаном и даст дельный совет…

Но рыба-кит все не приплывает. Как не появляется и корабль на горизонте. Словно это море слишком мелкое для таких чудес. И Танька продолжает лепить песочные замки на абсолютно пустынном – если не считать родителей – берегу. Одинокий лягушонок, поджимающий пальцы ног от колючих ракушечных обломков, с ног до головы покрытый солеными брызгами… и еще каким-то, похоже, мазутом, от которого потом придется отмываться целую неделю. К тому же и спина уже шипит от солнечных ожогов… Но все это не страшно.

Страшно будет, когда вечером соберутся гости. А саму Таньку поставят в угол за несносное поведение, точнее – за молчаливость, оскорбляющую чувства вежливых и добрых взрослых.

«Попроси прощения. Ну, пожалуйста, что тебе стоит. Ты уже третий час торчишь в углу, неужели это тебе нравится? Или тебе нравится показывать людям язык?»

Упрямая Танька не просто ведь стоит между кроватью и шифоньером. Она нащупывает босой ногой огрызок карандаша, который когда-то закатился в щель между плинтусом и стенкой. Опускается на корточки, извлекает карандаш, затем принимается чертить на выцветших фиолетовых обоях какие-то иероглифы. А может, это планы сказочных городов или карты волшебных островов, в ее воображении плывущих по светло-фиолетовому морю; они медленно уплывают вдаль, за горизонт (горизонтом служит стенка шифоньера). На островах растут серо-зеленые пальмы, а под пальмами весело скачут черненькие человечки…

«Выходи-ка, грубиянка»

Таньку за руку выдергивают из угла. Карандаш падает, закатывается в ту же самую щель. А Таньку, неумытую, оставленную без ужина и без шоколадного пломбира, запирают в спальне. Туда беспрепятственно может проникнуть только ее рыжий кот Барсик. Он укладывается полумесяцем у Таньки в ногах; она чувствует стопами его шерсть, шелковую и прохладную, словно пляжный песок; она легонько поглаживает шерсть подушечками пальцев… и тотчас в ее стопу впиваются двадцать острейших коготков. Но это не больно, если только не выдергивать резко ногу. Это даже приятно. Словно естественное, природное иглоукалывание в биологически активные точки. Коготки вскоре втягиваются обратно, кот принимается громко мурлыкать. Постепенно мурлыканье переходит в сладкое посапывание.

«Спи, котик, спи. Одни мы с тобой остались на этом свете», – шепчет Танька и тоже засыпает.

…Родители уже битый час, как неподвижно лежат под навесом – верхней частью тела в тени, ногами – на солнце. Навес представляет собой низенький полог, натянутый между автомобилем и короткими деревянными колышками, вбитыми в песок. И Таньке кажется, что они уже умерли…

…Спокойно, говорит себе она. Возьми себя в руки. И в воображении рисует себе жуткую до обморока картину: она распахивает дверцы «Тойоты», потом берет под мышки папу, напрягаясь изо всех сил, волочит бездыханное тело в машину, потом то же самое проделывает с мамой. А дальше что? Ведь она совсем не умеет водить. Нет, она сумеет, конечно, вставить и повернуть ключ зажигания… но ведь перед этим надо будет залезть пальцами во внутренний кармашек папиных непромокаемых плавок и извлечь круглый красный брелок, в середине которого выдолблен белый вислоухий зайчик размером со спичечную головку… Таньку всю аж передергивает, стоит ей лишь представить, что она прикасается к мертвому телу, пусть это даже и родное тело.

А дальше… Дальше она жмет на газ и срывается с места, попутно сбрасывая с себя всю неуверенность, все сомнения, все опасения, все комплексы. И мчит, слегка покручивая руль, по гладкой и узкой дороге, идущей вдоль моря. А потом – поворот направо, и море останется за спиной, а впереди покажутся зыбкие в знойном мареве очертания города…

А дальше все происходит как в голливудском триллере. За ней гонятся полицейские машины с мигалками на крыше, вопя сиренами, а Танька не может остановиться – ее ноги не достают до педали тормоза…

… – Ты чего тут расселась и сидишь, и сидишь? Ждешь, когда твою панамку сдует в море? А кто за ней поплывет, за твоей панамкой?

Танькины фантазии прервал странный мальчик, подошедший неслышно и нависший над ней. С «усами» от шоколада. В ярко-красных трусах. Он придерживал их одной рукой (резинка, что ли, ослабла?), а в другой руке держал пластмассовую машинку с одним колесом.

– Летом шоколад не едят. Это очень вредно, – нравоучительно сказала Танька.

– А у меня нет шоколада.

– А это что? – Танька провела пальцем у себя под носом.

– Это родимое пятно, – сухо ответил мальчик, уже поняв, что общаться с новой знакомой будет не так-то просто.

– Родимое пятно? – удивилась Танька. – А ты случайно не с другой планеты?

– Я не с планеты, – обиженно ответил мальчик. – Я здесь живу.

– Где «здесь»? Прямо на пляже? – поддразнивает Танька, воодушевленная тем, что хоть кто-то попал в ее силки. – А ты хоть машину водить умеешь?

– Маленькую?

– Зачем маленькую? Большую, настоящую, вон как моя, – Танька обернулась к «Тойоте», возле которой, слава Богу, топтались «ожившие» родители.

– Пе-е-тя-я-аа! – донеслось вдруг откуда-то издалека.

– Ах, тебя еще и Петей зовут, – Танька улыбнулась странной улыбкой.

– А что в этом плохого? – ощетинился мальчик.

– Да ни-че-го. Просто я ненавижу имена, которые кончаются на «-тя», или «-ля», особенно «-ся». И еще ненавижу дурацкие вопросы.

– Танюш, айда в водичку, окунемся, поплаваем, – позвал отец, стоя наполовину в море.

– Танюш-манюш-ванюш, – не без удовольствия отомстил мальчик Петя.

Танька выпрямилась, возвысившись над Петей на целую голову, и вылила ему на макушку всю воду из ведерка, воду с мокрым песком на дне. И отступила, ожидая, что ее новый знакомый начнет распускать руки.

Но Петя остолбенел, не произнося ни слова. Он лишь опустил голову, разглядывая свой живот. Не только живот – весь мальчик был покрыт тонким слоем шоколадных песчинок.

…Я ожидала появления кита – большого, отважного, с влажной и крепкой спиной. Грозу морей и защитника всего живого на земле. Но увидала лишь смешные красные трусы и странное родимое пятно под носом. Мир по-прежнему несправедлив. Живя в нем, не следует рассчитывать на чудеса. Их в нем попросту не бывает.

…Я обязательно встречу тебя, чтобы доказать… неважно что. Но доказать, что я достоин большего, что я могу совершать чудеса, несмотря на твой надменный взгляд. Я растоплю твое сердце. И мы еще прогуляемся по пляжу, рука в руке. Молча. Встречая закат…

История третья.
ЧАЙКИ, УТКИ, ПСЫ

(Чайки) Вид влюбленных парочек, сидящих в обнимку на берегу, вызывал у Ольги умиление, смешанное с чувством легкой зависти. Их хотелось защитить от порывистого ветра, расставив руки, сложив ладони ковшиком. Где-то над головой слышался хохот чаек…

Она выудила из сумки кусок батона и стала крошить его и бросать в воду. Но глупые чайки почему-то оказывались либо далеко позади – сидели, мирно покачиваясь на морской ряби, наслаждаясь теплым деньком, либо кружились, хохоча, где-то далеко впереди. На плавающие куски хлеба они не обращали никакого внимания.

– Зажрались, – прокомментировал проходящий мимо пожилой мужчина в кепке.

– Серьезно? – отреагировала Ольга. – А я-то думала – во мне что-то не так…

Мужчина остановился.

– Да ладно, что в вас может быть не так? – сказал он. – Вы просто бросать не умеете. Ну-ка, дайте-ка мне.

Взяв из Ольгиных рук батон, мужчина стал отщипывать и высоко подбрасывать куски хлеба. Чайки ловили их на лету, постепенно скапливаясь в центре маленькой бухточки, но большая часть размокшего хлеба все еще плавала на поверхности моря.

– Здорово. Как вы это делаете?

– Их тут до вас уже накормили, – бросил мужчина, не ответив на вопрос, и зашагал своей дорогой.

Батон кончился. Последний кусок она кинула догадливой вороне, расхаживающей взад-вперед неподалеку.

Покинув побережье, Ольга медленно пошла по аллее Бульвара. На ходу она подбирала ярко-желтые листья с ровными и целыми краями. Почему бы не принести их домой и не соорудить икебану, вставив листья в расписной глиняный кувшинчик?..

– …Скажите, вы верите в Бога?

Ольга подняла голову. Вопрошающая тетка выглядела ее ровесницей, небогато и безвкусно одетая, как часто бывает в таких случаях.

– А почему вы подошли именно ко мне? – Ольга выпрямилась. – Людей, что ли, мало гуляет в этих краях?

– Разве я вас как-то оскорбила? – нисколько не смутилась тетка.

– Да как вам сказать…

– Вот вы, наверное, заметили, что по всей Земле участились стихийные бедствия… – тетка решила пойти, что называется, «ва-банк».

– Каждое новое тысячелетие несет изменения в климате, – ответила Ольга, пожав плечами (вместо того, чтобы отвернуться и с гордым видом уйти!). – Отсюда все катаклизмы. А еще, говорят, полюса меняются местами.

– Это не совсем так, – живо возразила тетка. – Вы, должно быть, Библию не читали…

– Представьте себе, читала. И пришла к выводу, что человек кое в чем превосходит вашего Господа Бога. Я вижу, на что способны человеческий разум и человеческие руки. Поверьте, Всевышнему такие чудеса и не снились. Да и вообще, муж у меня – ученый-физик. А сын – кандидат исторических наук. Так что меня вам голыми руками не взять. Я даже не буду спрашивать, с какой целью вы подошли ко мне и задали вопрос…

Неудачливая проповедница укоризненно покачала головой – не стыдно, мол, про взрослого сына врать-то? Молодая еще… Она вздохнула и удалилась, всем своим

видом как бы говоря: «Ладно-ладно, мы еще пересечемся в этой жизни, посмотрим, кто из нас прав».

«Прямо булгаковский персонаж какой-то», – подумала Ольга. Все таки кормить чаек оказалось куда приятнее, чем просто слоняться по аллеям, в поисках сомнительных приключений.

– …Ну как, нагулялась? – спросил муж, не отрываясь от газеты.

– Нет, не нагулялась, – ответила Ольга, переодеваясь в домашнее. – Ты же знаешь, как я обожаю это время года. Так бы гуляла и гуляла. Наверное, в прошлой жизни я была свободным человеком и много путешествовала.

– Кстати, ты вовремя вернулась, – сказал муж из-за газеты.

– У нас будут гости? – всполошилась Ольга. – Что ж ты не звякнул мне? Я бы хоть тортик к чаю купила.

– Да какие, к черту, гости! У нас будет конец света. Ну, не только у нас, а вообще. Вот тут в одной из колонок мелким шрифтом написано, что это произойдет седьмого октября в семнадцать ноль-ноль по местному. На часы глянь – осталось с гулькин…

(Море, только что искрившееся на солнце, покрылось бронзой. Поднялся ветер.)

– …Я видела в бутике за углом белые кроссовки. Они стоят двести манатов, – неожиданно вспомнила Ольга событие двухнедельной давности.

– О, Аллах!.. – недовольно поморщился муж, опустив газету. – Я куплю тебе точно такие же, но в другом бутике и гораздо дешевле.

– Дешевая обувь унижает женское достоинство.

– А ты никому не говори, что носишь дешевую обувь.

– Скажи мне, о, самый начитанный в мире мужчина, – вкрадчиво начала Ольга, – правда ли, что твой прадед был обыкновенным чабаном и пас овец в горах?

– Ну да, – спокойно ответил муж. – И я не вижу в этом ничего позорного. Ни для него, ни для себя.

– Зато я вижу. Вот если б твой прадед был кандидатом…

– …в депутаты? О, тогда бы ты щеголяла в сапогах от Дольче-Габбана. Но, видишь ли, дорогая, не все так просто было в судьбе моего прадеда, и деда, впрочем, тоже.

– Ты никогда не видел во мне женщину, – на глазах у Ольги вдруг выступили слезы. – Ты никогда не прислушивался к моим сокровенным желаниям…

– Что-нибудь стряслось? – посерьезнел муж. – Давненько я не выслушивал от тебя подобных вещей.

– Ну конечно, ведь ты думаешь, что если мне тридцать пять, то мне уже ничего не нужно на этом свете! Я могу ходить в чем попало и как попало выглядеть. Не потому ли ко мне липнут, как банный лист, всякие персонажи из сказок? В лохмотьях и с дурацкими вопросами…

– И кто там к тебе прилип, черт подери? – муж встал из-за стола.

(Ветер разгулялся не на шутку. Он дул изо всех щелей. Море почернело. Обезумевшие чайки подлетали к самым окнам.)

– А помнишь, – продолжала она, глядя в окно, – мы с тобой как-то прогуливались по Торговой…

– Мы с тобой часто гуляли по всяким людным местам, – поддержал муж, пытаясь предупредить приближающуюся грозу, которую опытным ухом уловил в словах жены.

– Так вот, я остановилась на полпути, чтобы проверить твою реакцию. А ты пошел дальше, как ни в чем не бывало…

– Должно быть, я просто задумался…

– Ты запросто мог потерять меня и вернуться домой один…

– Так, все, хватит! – вспылил муж. – Я тоже живой человек, и мне тоже есть что предъявить. Ты думаешь, мне нравятся твои прогулки в одиночку? Я и понятия не имею, где ты бродишь часами!

– А ты поразмысли, – зло бросила Ольга. – Нетрудно догадаться.

– Меня останавливают соседи, – продолжал он, не слыша слов жены, – и спрашивают: «Что случилось с твоей женой, Мурад? Она ни на кого внимания не обращает. Она бродит по улицам, как неприкаянная, в обнимку с каким-то чемоданчиком…»

– А с кем же мне еще бродить? – усмехнулась Ольга.

– Сколько раз я приходил с работы, а тебя нет дома! Ты снова где-то бродишь! Даже чай не заварила!

– Зато тебе, по-моему, рады все чайханщики города, – парировала она. – Сидишь себе в чайхане до позднего вечера и в ус не дуешь…

(За окнами юго-западный ветер гнул деревья, волны выплескивались на берег. Чайки садились на карнизы и стучали в стекла клювами, словно моля о помощи.)

Газета отлетела в сторону. Мурад поднялся с кресла, подошел к Ольге и осторожно обнял ее за плечи.

– Возможно, ты права, – сказал он. – Мы мало уделяем внимания друг другу. Мы с тобой – два одиночества, все пытаемся слиться воедино, да никак не получается…

– Да, – согласилась она. – Возможно, ты и прав.

– Я дам тебе денег на кроссовки.

(Ветер стал утихать. Чайки успокоились, разбрелись по карнизам, стали причепуриваться.)

– Уговорил! – обрадовалась она. – Тогда я сейчас побегу на кухню и заварю тебе свеженький чаек!

– Об этом я сам позабочусь. Чай заваривать – мужское дело.

– Ты на что намекаешь? – без перехода взвилась она. – Что я неспособна даже на такую мелочь, как приготовление чая?!

– Я ни на что не намекаю, черт тебя подери, – ощетинился муж.

(Небо заволокло тяжелыми тучами. Сквозь два близко лежащих разрыва в тучах проглядывал свет, и это напоминало пару глаз, внимательно глядящих с неба. Чайка, сидевшая за окном, пронзительно вскрикнула, и этот вскрик уже мало напоминал голос птицы.)

– Этого не может быть, – загадочно изрекла Ольга.

– Что там у тебя еще не может быть? – хмуро спросил Мурад.

– Я встретила на прогулке дьявола в женском обличье. Он спросил у меня, верю ли я в Бога.

– Подходящий вопрос для дьявола, – хмыкнул муж. – Представляю, каков был твой ответ.

– Я просто дала понять, что не готова к подобным дискуссиям. За это мне пообещали конец света.

– Как видишь, все сходится, – Мурад взглянул в окно.

– Мне не до шуток, Мурад. Мы вступили в поединок с самим дьяволом.

– Лично я не вступал, – отрезал муж. – Говори за себя.

– Подойди ко мне и скажи, что ты меня любишь, – заговорщицки прошептала Ольга.

– Я, конечно, люблю тебя…

– Нет, не так. Ты должен подойти и обнять меня искренне.

– Ладно. Обниму тебя. Давненько я тебя не обнимал, кстати.

Мурад стиснул Ольгу в объятиях и почти искренне поцеловал в щеку.

(По стеклу забарабанили капли. Намокшие чайки с любопытством заглядывали в окно.)

– Вот и долгожданный осенний дождь, – промолвила Ольга.

– За полдня погода сменилась трижды. Солнце, ураган, дождь…

– Ты тоже это заметил? – встрепенулась Ольга.

– А как же? Только это еще не конец света. К тому же газета – ц! – прошлогодняя. Я тебя просто разыграл.

– Ну, в таком случае признаюсь – и я тебя разыграла. Мне повстречался не дьявол, а просто сумасшедшая женщина. Такие часто ходят по улицам и пристают к прохожим с дурацкими вопросами. И вообще, кончай меня тискать и иди, ставь чайник на огонь…

Следующее утро выдалось ясным и чистым. Вдоль берега все так же бродили в обнимку и сидели, воркуя, мальчики и девочки. Все так же кружили над водой чайки, покачивались на волнах, ходили по каменному пирсу, нисколько не боясь людей, ожидая подачки.

Сегодня булки у Ольги не было. Зато на дне сумки лежало большое сочное яблоко. Ольга достала его, с наслаждением откусила от него. Она все так же наблюдала за парочками со смешанным чувством любопытства и нежности.

– Сегодня никто и ничто не испортит мне настроение, – пообещала Ольга самой себе. – В этот чудесный утренний час я буду всецело принадлежать лишь своим чувствам и своему воображению. И, может быть, даже набросаю что-нибудь.

Она раскрыла этюдник, установила его, вооружилась кистями и палитрой. Взглянула в морскую даль. Приготовилась нанести первый мазок…

…И тут, как гром среди ясного неба… За спиной у нее произнесли вкрадчиво:

– Дорогая, а как вы относитесь ко второму пришествию?..

(Утки) Ступенька оказалась слишком высокой. В прежние времена такая ерунда мало волновала. А все потому, что в прежние времена Ольга редко совмещала походы в продуктовые магазины к променадами по Приморскому бульвару.

– Эй, молодой человек! Вы не могли бы мне помочь? Я, между прочим, к вам обращаюсь!

Высокий парень в модном пальто гордо шагал метрах в двух впереди, глядя перед собой. Иностранный турист, скорее всего. А может, и не турист, а свой, законопативший себе уши беспроводными наушничками. Такой, пожалуй, и через труп перешагнет, не заметив.

– Молодые люди-и! Парни-и-и!

Что за фигня такая? Еще немного, и она сама себя возненавидит.

И тут кто-то, подойдя сзади, осторожно потянул у нее из руки пакет с продуктами. Ольга обернулась. Не парень, нет. Седовласый мужчина лет пятидесяти. Улыбчивый.

Ольга отдала ему пакет, затем другой. Седовласый, придерживая женщину за руку, помог ей спуститься.

– Угадайте, в чем ваша ошибка, – весело сказал он.

– Ошибка?.. – от растерянности Ольга даже забыла поблагодарить мужчину.

– Вы ведь точно не преподаватель русского языка и литературы?

– Нет, да и слава Богу. Хотя иногда даю частные уроки живописи.

– Живопись – это великолепно.

– Ну, так в чем же моя ошибка? – напомнила Ольга, которой не хотелось так скоро расставаться с седовласым, да и любопытство взяло верх.

– Вы просили о помощи, не объясняя при этом, в чем она заключается. И все наверняка подумали, что вы просите подаяние.

– Какое еще подаяние? – возмутилась Ольга.

– Такой нынче пошел народец, – сокрушенно вздохнул собеседник. – Первым делом хватается за свой кошелек, а уж потом решает, помочь или нет.

Ольга посмотрела седовласому в глаза и неожиданно рассмеялась.

– Я рад, что развеселил вас, – галантно поклонился мужчина.

– Но вы же каким-то образом догадались, что мне надо просто преодолеть эту гнусную ступеньку и не расшибить себе лоб!

– Естественно, – улыбнулся мужчина. – Я же профессиональный спасатель.

– Серьезно? И многих вы спасли?

– Не верите? Давайте подойдем к краю, к самой воде, и полюбуемся на уток. Вы ведь этого хотели?

– Вообще-то… – замялась Ольга. – Да. У меня еще и булка имеется.

– Поберегите вашу булку! – внушительно сказал седовласый. – Это не те утки, что путаются под ногами. Это – благородные ***кашкалдаки***, они же лысухи. Они вообще не утки.

– А кто?

– Они из семейства ***пастушковых***. Гурманы – не только всякую зелень едят, но и моллюсков, и рыбешку, и яйца других птиц. Бывает, что отнимают пищу у уток и лебедей.

– Как интересно! – решила подыграть Ольга (расставаться с новым знакомым по– прежнему не хотелось) – Они такие милые. И совершенно не боятся что-нибудь себе отморозить. Плавают и плавают в холодной воде.

– Такой у них организм! – с пафосом сказал мужчина.

– А вы, должно быть, орнитолог?

– Я спасатель – вы забыли? И, – мужчина торжественно поднял указательный палец, – я посланник небес!

– …Ну как, всех уток покормила? – иронически спросил муж.

– Нет, не всех, – печально ответила Ольга, пристраивая молоко в холодильник.

– Что-нибудь стряслось? – забеспокоился муж, уловив настроение Ольги.

– Да так, ничего особенного. Просто я встретила посланника небес.

– Спасателя? – как-то легко догадался муж. – Так это, должно быть, сосед, из пятого блока. Его недавно из психушки выписали.

– Странно.

– Ничего странного. Мир потихоньку сходит с ума. Вот тут, в газете, опять пугают концом света.

– Странно, что теперь только сумасшедший может протянуть руку помощи, – печально сказала Ольга.

– Тебе понадобилась помощь? – вновь забеспокоился муж.

– Ступенька была высокая, самой не спуститься.

– Позвала бы меня.

– Побоялась не докричаться.
– А ты по мобильнику.
– А дома забыла.
– Ну, знаешь! Вот украдут тебя – что я буду делать?!
– Украдут, – задумчиво повторила Ольга. – Забавно. И так заманчиво!

Над морем поднялось темное облако. Это были лысухи. Затем они выстроились ломким клином и полетели в сторону юга.

Ольга помахала рукой им вслед:

«Счастливого пути вам, качкалда-аки!»

(Псы) Их было шестеро. Один, почти щенок, не давал никому покоя, всех трепал за уши. Трое были ничем не примечательны – грязновато-желтого окраса и все, как один, шустрые. Постоянно заваливались на спину и подставляли пузо, предлагая немедленно почесать.

Пятый был здоровенным, с красивой темно-коричневой мордой и умными глазами. Свою огромную лапу он всем клал на колени, словно приветствуя, и как бы при этом спрашивая – не найдется ли чего вкусненького?

Но был в этой стае, освоившейся на побережье, еще один экземпляр… пес по кличке Мавр – целиком черный, если не считать коричневых бровей и кончиков лап. К людям он приближался с опаской, словно понимая, что им могут и побрезговать – пес был одноглазым. Не потому ли он всегда выглядел более одиноким, более неприкаянным, чем другие псы?..

«В чем же твоя вина?» – думала Ольга, касаясь шерсти Мавра кончиками пальцев, и от этого прикосновения пес благодарно замирал у ее ног, прикрывая единственный глаз. Другой глаз он потерял, по словам дворничих, в поединке с крупной вороной, когда пытался отстоять кусок кем-то выброшенной колбасы. Ворон на побережье развелось – пропасть, все наглые, и клювы у них будь здоров.

«Надо будет в следующий раз прихватить пакетик «Чаппи» с собой», – подумала Ольга далее. С костями и прочими остатками ужинов как-то неудобно прогуливаться по побережью. Да и остатков с каждым разом набирается все меньше и меньше. С тех пор, как Ольга овдовела, она твердо решила вести скромный и здоровый образ жизни. Не переедать и побольше двигаться, чаще гулять по побережью и дышать морским воздухом. А тут этот пес… привязался. Подышишь тут, как же.

И потом, что все-таки покупать – «Чаппи» или еще один моток цветных ниток?

…Вязание и плетение макраме стало для нее едва ли не единственным развлечением. Мужа не стало. Дом опустел. В нем теперь царила стерильная чистота. Кружевные занавески. И еще – полный шкаф связанных вручную свитеров. Ольга уже всех знакомых одела. Всех, у кого имелись дети и внуки.

А свитера все не кончались. Бордовые… розовые… цвета беж…

Для загородных походов. Для выхода в свет.

…Но, если подумать, – кто ее теперь выведет или вывезет? И куда?

Пожалуй, лучше об этом не думать. Какая разница, сколько тебе на днях стукнуло, если многие и многие завидуют твоему оптимизму?

Вот только спина и шея ноют оттого, что она вяжет и вяжет, не переставая, эти несносные – и в прямом и в переносном смысле – свитера…

Может, связать что-нибудь для Мавра?..

Неплохая идея. Ему, поди, сейчас несладко приходится на побережье. Холодно, слякотно. Небось, свернулись все собаки калачиками на газоне и не знают, куда девать мерзнущие носы.

А ведь она пообещала Мавру, что досыта его накормит.

Интересно, был ли когда-нибудь у этой псины хозяин? Энергичный, стройный. С бородкой. Капитан дальнего плавания.

Что-то она совершенно по-глупому размечталась.

Клубок покатился по полу, разматываясь на ходу. Спицы выпали из петель.

Берег как вымер. Ни людей, ни собак.

Ольга несколько раз прошлась туда-сюда, окликая четвероногих по именам. Собственно, обладателем настоящего имени был лишь одноглазый Мавр. Остальных кликали кого как – Белянка, Лопоухий и так далее.

Неужели их всех снесло в море мощным порывом ветра…

…вот как ее сейчас?!

…на какое-то мгновение Ольга перестала принадлежать самой себе. Перед глазами все завертелось. Потом небо слилось с морем, и горизонт стал тонуть вместе с Ольгой…

…Первым беду учуял черный пес Мавр. Он поднял морду и завыл. Потом трусцой пустился по кромке берега. Потом разбежался, прыгнул в волны и поплыл целеустремленно, по-собачьи перебирая лапами…

– Неплохой способ избавиться от одиночества, – ткнулся Ольге в шею мокрый собачий нос. – Но крайне неразумный.

И это было сказано человеческим языком!

– …Молоток, Мавр! Отличный водолаз! Не забыл свою работу.

Человек с бородкой стоял на палубе – крепкий мужик с мускулистыми ручищами, которыми только кочергу узлом завязывать. Сейчас одной ручищей он трепал черного пса за ухом.

Мавр выглядел довольным. Он успел подставить свою шерсть тонущей женщине, и она ухватилась за нее и не пошла ко дну… а тут еще подоспели сильные мужские руки, подхватили ее, вытащили из воды…

– Ну что, романтическая попрыгунья, будем знакомы. С моим псом, как я понял, вы уже давно на «ты». Бережно он с вами обошелся…

Морской волк осторожно дотронулся до Ольгиной руки, выпростанной из-под пледа.

– А вот на моем плече до сих пор видны следы от его зубов… Разминулись мы с Мавром, – продолжал морской волк. – Я – в море, а он берег облюбовал. Друзей завел среди дворняжек. Но меня, как видно, ждал…

…да вот еще и хозяйку себе нашел…

История четвертая.

ЧЕРТИК С МОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

САБИНА

…Итак, она собирается написать роман. Она решила высказаться, ВЫПИСАТЬСЯ.

Ей просто необходимо вспомнить всё, что происходило тогда с ней, девятилетней...

…Сабина летит в самолете вместе с родителями в город на берегу Черного моря. Она прижимает к себе самую любимую куклу. Потом Сабина поднимается по очень широкой, нескончаемой лестнице. Она все время спотыкается, почти не видя ступенек из-за слез, застилающих ей глаза. Но ее крепко держат за руку, приговаривая:

– Не плачь, чего ты так расстроилась? Это всего на три месяца. Ты даже не заметишь, как они пролетят. А когда тебя подлечат, тут же домой уедем… Зато здесь очень много ребят. Ты обязательно с кем-нибудь из них подружишься.

При словах «много ребят» Сабина начинает рыдать в голос. Ведь она одна у мамы с папой. Даже в детский сад никогда не ходила, в школу и то редко, и все из-за своей болезни. А тут – целое скопище детей, которых она уже заранее ненавидит.

Потом ее повели в душ незнакомые, не очень-то ласковые тётеньки в белых халатах – помыться с дороги. «На всех чужих тепла не напасёшься» – эта фраза, вскользь брошенная одной из тетенек, надолго врезалась Сабине в память.

Во время ужина Сабина выбрала столик у окна. В окно можно было видеть деревья, которые были чужими, и небо, которое тоже было чужим…и где-то там, за поворотом, скрылись родители. И тут перед ней поставили тарелку с полуостывшим пюре и бледной паровой котлетой. Бр-р-р, какая гадость! Дома-то все поджаривалось до золотистой хрустящей корочки.

Пышная блондинка с родинкой на скуле подошла к Сабине, на ходу запахивая белый халат, из-под которого виднелось обычное платье:

– Ты что ж это, золотко, ничего не ешь? Тетя Маня, наша повариха, старалась, готовила для вас, а вы, неблагодарные… Вон, гляди, как мой Олежка уплетает!

Сабина поглядела на мальчугана, которого почему-то кормили с ложки. А он добросовестно ел и при этом ухитрялся веселить окружающих детскими анекдотами. Сабина перевела взгляд на руки мальчугана…и ее чуть не стошнило.

…Тебя все любили. Ты был особенный. Ты знал много анекдотов, страшилок, интересных историй… Без помощи рук ты запрыгивал с пола на парту и даже на подоконник. Тебя никогда не наказывали. И рядом с тобой всегда была мама. А рядом со мной не было никого. Мне могли плюнуть в кружку с чаем, толкнуть сзади. Лишь ты один не дразнил меня. Своих обидчиков ты пинал ногами или кусал до крови… Как я боялась твоих недоразвитых рук! Мне казалось, что если ты прикоснешься ко мне, то на меня неминуемо перейдет твое уродство. Ты во всем добивался справедливости. Я и сейчас готова кричать на весь белый свет, что не совершала того гнусного поступка, за который ты пытался тогда меня наказать…Слышишь?! Как могла я, глупая, напуганная до смерти, объяснить тебе всё тогда?! Как?..

ВУГАР

– О, Господи! Что же ты так кричишь?! – в дверях появился Вугар с подносом.

– Я не кричу, я пою, – Сабина потянулась. – Я опять вся в прозу ушла.

– Лишь бы проза в тебя не ушла. Слышала, надеюсь, что сказал один умный человек: «Если долго заглядывать в бездну, то рано или поздно бездна заглянет в тебя». И вообще, дорогая моя романистка, тебе пора перекусить. Уже четвертый час. Вот бутерброд с колбасой и твой любимый кофе…или твое любимое кофе, уж не знаю теперь, как и правильно.

– Правильно всё-таки будет «твой любимый», – Сабина приняла поднос. – Между прочим, колбаса с кофием – очень вредное сочетание.

– Вредно – это если подлить в кофе цианистый калий, – Вугар ткнулся носом жене в затылок, поцеловал ее в шею. Она полуобернулась, взглянула в его бархатисто-карие глаза:

– Шутки у тебя грубые, любезный мой супруг.

– Да и ты не всегда ласкова, пупсик мой.

– Разве? Твоя мама, например, считает, что я – сама кротость и добродетель.

«Она принимает за кротость остатки моей закомплексованности, – мысленно договорила Сабина. – А во мне скачут чертики... вроде тех «морских чертиков» – пухлых квадратных пакетиков чёрного цвета с рожками по углам…откуда они брались и что из себя представляли – для меня до сих пор загадка. Их много было рассыпано по черноморскому побережью, и детвора любила собирать их. А я почему-то жутко их брезговала…»

Я обязательно должна написать то, что задумала…Ты это прочтешь, и ты обязательно откликнешься. ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ НЕ ОТКЛИКНУТЬСЯ.

– Кстати, – прервал ее размышления Вугар, – ты не забыла, что сегодня вечером мы с тобой идём в ресторан? Наденешь своё платье, оно просто великолепно, ты в нем такая…все обзавидуются. Ты у меня будешь древнегреческая богиня. Нефертити. Ева!

– Не слишком ли много для меня одной?

…Это маленькое черное платье с гипюровой вставкой – подарок свекрови – Сабина недолюбливала. Может, оттого, что свекровь всё время повторяла одно и то же: «Ну и когда же ты нас внуком порадуешь? Хотя бы прибавь в весе для начала. И не сиди так много за компьютером». Ну уж нет! Она такая, какая есть. И никогда не растолстеет до безобразия. А с компьютером она расстанется тогда, когда закончит свой единственный шедевр.

САБИНА (ДЕТСТВО, САНАТОРИЙ)

Старшая медсестра и воспитательница спорили с главврачом.

– Вы хоть отдаете себе отчёт в том, что произошло? – прошипела воспитательница. – Вы хоть представляете, что поднимется, если эта пигалица кому-нибудь пожалуется?

– А вы от нее хоть одно внятное слово слыхали? – парировала главврач.

– Нет, – вмешалась медсестра. – Она совершенно ни с кем не дружит. Сядет в угол со своей куклой и смотрит на всех бурундуком. Их у нас много, каждый со своей неврастенией… На то они и здесь. Чтобы учиться стоять за себя, а не падать в обморок. Подумаешь, мальчики стащили с девочки штанишки…так ведь они ее наказывали за воровство!

– В обморок эта пигалица упала от голода, – хмуро сказала воспитательница. – Она отказывается есть. Уже и манную кашу заменили гоголь-моголем – нос воротит…

– Мы пытались накормить её насильно, – осторожно призналась медсестра. – Не получается. Так и брызжет слезами.

– Значит, будем писать родителям, – решительно сказала главврач. – В Баку. У них там, наверное, все такие закомплексованные. Кавказское воспитание, ничего не поделаешь.

…С чего всё началось?

Сабина полезла в тумбочку и не обнаружила там своей куклы. В это время в палате никого не было, кроме одной «неходячей» девочки, все остальные смотрели телевизор в зале. «Неходячая» молча наблюдала со своей койки, как Сабина открывает все подряд тумбочки, переворачивает подушки, заглядывает под кровати…

– И чего так переживать из-за какого-то пупсика? – сказала, наконец, девочка. – Напиши письмо маме, она тебе нового купит.

– Ты не видела, кто взял? – спросила отчаявшаяся Сабина.

– Я не видела. Спроси у тёти Дуси.

Тётя Дуся, ночная нянечка, была добрая, иногда приносила из дома конфеты для девочек. Зачем бы ей понадобилось забирать с собой чужую куклу?

– Тогда у мальчишек поищи, – посоветовала «неходячая».

И как Сабина сама до этого не додумалась? Мальчишки несколько раз, дразнясь, вырывали у неё куклу. Жаловаться взрослым не имело смысла. Воспитательница всего лишь погрозит пальцем и всё. Мальчиковая палата находилась по соседству, за стенкой. Но как туда войти? Она же просто от стыда сгорит.

– Да смелее ты, – напутствовала «неходячая» – Не стесняйся. Принесёшь мне вафлю из пацанской палаты, а я тебе скажу, у кого твой пупсик.

И Сабина решилась…

…– Я поймал вора! Тарлан, быстрее, сюда! Полюбуйся, кто тырит твои посылки, – за спиной у Сабины вырос Олежка, кривя рот в не по-детски жестокой ухмылке. – Пока я здесь, эта мелюзга никуда не убежит. Давай научим её уважать старших.

Тарлан – черноволосый мальчик, крупный, но слишком добрый, он никогда ни с кем не дрался… Сабина легко могла его оттолкнуть и выскочить из палаты, но… у двери стоял Олежка.

Мне стало страшно, как никогда. Я не знала, какое наказание ты придумал мне за поступок, которого я не совершала. ВЕДЬ Я НИКОГДА НЕ БЫЛА ВОРОВКОЙ!

…А тем временем в палату ворвались другие мальчишки, и ты мог повелевать ими, ведь ты был авторитетом для всех.

ЧТО Я ТЕБЕ СДЕЛАЛА?..

Я не собиралась тебе мстить. Ни до этого случая, ни после. Я понимала, что это такое – МСТИТЬ, тем более, ТЕБЕ. Но так уж получилось. ТЫ ПРОСТИЛ МЕНЯ?

…Был солнечный летний день. Всю ребятню перевели в летний корпус санатория. А ты, сопя и пыхтя, строил песочный замок, усердно поливая его водой. Тебе это давалось нелегко. Твой кропотливый труд оберегала твоя мама. Она очень тебя любила. Впрочем, тебя любили все.

Я прошлась своими сандалиями по твоим башенкам и крепостным стенам, потом ещё раз и ещё, вдоль и поперёк, бросая тебе в лицо комья песка. А потом я стояла в стороне, равнодушно наблюдая, как ты бьешься в истерике, плачешь, кричишь, что я тебе всё разрушила…Внешне я была равнодушной, но внутри – ликовала!

МЯТАНАТ

Ветер развевал её густые чёрные волосы без малейшего признака седины. Глаза её блестели при мысли о предстоящей гастрольной поездке. Она – АКТРИСА. Очень талантливая. Об этом беспрестанно твердил ей главный режиссёр драматического театра. Он смотрел на неё как кот на сметану, только что не облизывался. Но ведь ради главных ролей приходится иногда и жертвовать собой… Погружённая в свои мысли, Мятанат свернула в какой-то пустынный переулок и наткнулась на цыганку, сидящую прямо на асфальте. Рядом крутилась маленькая чумазая девочка.

– Не пожалей мелочи, милая, – сказала цыганка. – Ребёнку на хлеб будет.

– Не пожалею, – Мятанат вложила цыганке в руку целый манат. – Я сегодня счастливая.

Неожиданно цыганка поднялась с земли и пошла следом:

– Постой, милая, не торопись. У меня есть, что сказать тебе…

– Погадать хочешь? – улыбнулась Мятанат, протягивая руку ладонью кверху.

– Не нужна мне твоя рука. Я всё читаю в твоих безумных глазах.

– Вот как? И что же ты в них углядела? Вот интересно!

– Было время, когда ты собиралась в дальнюю дорогу, – серьёзно сказала цыганка. – Твои родные отговаривали тебя от легкомысленного поступка. Будущая свекровь чуть было не прокляла тебя.

Мятанат опешила. Непостижимо, но цыганка сказала правду!

– Откуда ты всё это знаешь? – вырвалось у Мятанат.

– Я же сказала – всё это написано в твоих глазах…

– А что там насчёт будущего, в моих глазах?

– Ждёт тебя ещё одна дорога к успеху, ты предчувствуешь её, но… Не садись в машину к безрукому блондину, не поддавайся его обольщению! Вот, смотри, я взяла нитку с твоего чёрного пальто…Видишь, как она крутится в моей руке, словно дорожка, которая обрывается прямо в кювет?

Мятанат нервно расхохоталась:

– Тебе бы ведьму в нашем спектакле сыграть!.. Слушай, я девушка порядочная, ни в какие машины ни к кому не сажусь… Надо же – безрукий блондин....

Мятанат оторвалась от цыганки и вошла в первое же подвернувшееся помещение. Это оказался книжный магазин.

– Девушка, вы что-то хотели? – обратилась к Мятанат продавщица.

– Что я хотела?... – задумчиво произнесла Мятанат. – А, ну да, я хотела какой-нибудь психологический роман…

– Посмотрите вот на этой полке. Здесь у нас новинки.

– Спасибо.

Мятанат пошла вдоль полки, перебирая корешки книг. Наугад вытянула «покетбук», взглянула на обложку. ***Сабина Ахвердиева. ЧЁРТИК С МОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ.*** Надо же, какое совпадение! Их драмтеатр как раз собирался ехать на гастроли в город на берегу Чёрного моря. Будет, что почитать в самолёте...

САБИНА

«Сабина!» – позвал её чей-то голос. Она обернулась. Никого. Только доносилась откуда-то едва слышная музыка. Легкий морозец забирался под модную дублёнку, холодил ноги сквозь сапожки. Сабина пошла дальше. И вновь услышала, как кто-то невидимый назвал её по имени, словно стараясь взять на испуг. Тогда она побежала, минуя автобусную остановку. Споткнулась, но не упала – чьи-то руки подхватили её, помогая сохранить равновесие. Сабина не сразу и поняла, что это – её муж.

– Что с тобой происходит, мой пупсик? – спросил он после того, как они уселись в тёплое нутро машины.

– Мне показалось, что за мной кто-то гонится…

Вугар поморщился, трогая с места:

– Слушай, по-моему, ты достаточно насмотрелась в бездну. Ты нагоняешь на себя страх своими же собственными произведениями!

– Ты предлагаешь мне перестать писать?

– Вовсе нет. Если ты без этого уже не можешь – пиши. Но если тебя что-то мучает – давай обратимся к хорошему психотерапевту. У меня есть один на примете.

– Ах, у тебя уже есть…И давно ты считаешь свою жену сумасшедшей?

– Не придирайся к словам, – сердито сказал Вугар и замолчал.

Разговор продолжился дома.

– Знаешь, – сказал Вугар, – я читал где-то про одного американского психиатра,

который лечил страхи у своих пациентов, предлагая им рисовать. Одни рисовали взорванные дома, другие – гробы на колёсиках… Это я так, к примеру, – поспешно сказал он, поймав взгляд жены. – Да, и потом каждый пациент рвал свой рисунок в клочки под общее веселье. И таким образом избавлялся от своего страха…

– Я не умею рисовать, – холодно ответила Сабина. – И мне это, думаю, не поможет. Просто во мне погибла…

– …великая поэтесса и великая актриса, – докончил за неё муж. – Песня не нова. Знаешь, и ты ведь пока что ничем особенным меня не осчастливила. И, возможно, во мне тоже погиб великий философ и мыслитель. Кто я сейчас? Средней руки бизнесмен, на которого даже пули жалко…

– Я тебя предупреждала – я не из тех жён, которые со всех ног бросаются заваривать чай, стоит лишь на пороге показаться друзьям мужа или его родне…

– Да кто тебя об этом просит! – неожиданно взорвался Вугар (Сабина испуганно отшатнулась – никогда до этого муж не повышал голоса). – Я прихожу домой уставший, голодный, и застаю свою жену в обнимку с компьютером…

– Ты чем недоволен – что это компьютер, а не кто-то другой? – попыталась пошутить Сабина.

– Я недоволен тем, – не принял шутки муж, – что я, вместо долгожданного ужина и ласки, ещё и сам вынужден заваривать тебе кофе и сооружать бутерброды! При этом я должен угадать, сколько ложек сахара тебе по вкусу…

– Ты абсолютно свободен от меня… – Сабина справилась с испугом и начала злиться.

– Знаешь, – Вугар успокоился так же внезапно, как и вспылил, – ты бойся этих своих слов. А то я ведь могу и воспользоваться возможностью…

– И что? – горько улыбнулась она. – Хочешь напугать меня одиночеством? Скажешь, что просто пожалел меня семь лет назад?

Вугар молча вышел из комнаты и больше не появлялся.

…Ну, всё. Теперь ты точно догонишь меня, взбешённый тем, что я разрушила твой замок. И запинаешь меня ногами…

…но ничего этого не случилось. Ты повёл себя совершенно иначе. Я словно бы перестала для тебя существовать. Тогда я начала из кожи вон лезть, чтобы установить с тобой контакт, но ты В УПОР МЕНЯ НЕ ЗАМЕЧАЛ. Преодолев брезгливость, я гладила бездомных котят, которых ты прижимал к своей груди, перетаскивая их с места на место. Я срывала наклейку с твоего шкафчика. Завязывала узлом твоё полотенце. Это продолжалось до тех пор, пока твоя мама не объяснила мне, что ты меня ЖАЛЕЕШЬ. Иначе всё обстояло бы намного трагичнее.

Но как-то раз я откинула своё одеяло и увидела на своей подушке «морского чёртика». Он произвёл на меня такое же впечатление, как и твои руки. Хотя я не была полностью уверена, что эту ДЖАДУ, порчу, подложил мне именно ты. Ты всегда поступал открыто. Я заорала так, словно меня резали…

ЭЛЯ

И в детском саду, и в школе, и во дворе – стоило кому-нибудь из ребят назвать Олежку уродом или сказать что-либо оскорбительное о его руках – Эля тут же бросалась в драку. За это вызывали в школу маму. Папы у них давно уже не было. Вместо него был старший брат – Олежка. Постепенно к Эле перестали приставать с дурацкими расспросами. С ней и на обычные-то темы заговаривать не решались, отчего Эле становилось одиноко и тоскливо.

«Зато у меня есть брат, – утешала себя девочка. – самый умный, самый сильный, самый красивый! А у них у всех такого брата и не будет никогда!» В старших классах Эля часто сбегала с уроков и мчалась в университет, чтобы накормить Олежку бутербродами. После школы она кем только ни работала – от санитарки до швеи на дому – лишь бы оплатить любимому Олежке курсы иностранных языков, к которым он имел большие способности. И чтобы он был стильно одет. И чтобы у него был специальный радиотелефон, сделанный на заказ, – на всякий пожарный случай. В гостях Эля сидела рядом с Олежкой, подкладывала ему еду в тарелку, своими руками поила из фужера. Пусть окружающие думают, что хотят. Эля и не заметила, как сделалась служанкой, даже рабой своего брата. О своей личной жизни она задумывалась изредка, проснувшись среди глубокой ночи. А всё остальное время она думала о брате и действовала для брата. Эля сопровождала Олежку на все его свидания и сильно ревновала его к девушкам – правда, знакомства Олежки с ними всегда быстро заканчивались. Уж больно он был напорист и агрессивен. Правда, это помогало ему делать успешную карьеру.

По малолетству Эля не могла знать, что произошло тогда, на берегу Чёрного моря, между Олежкой и Сабиной. Сейчас Эле казалось странным, что её брат всегда выбирает себе темноволосых подружек, с тёмными и обязательно миндалевидными глазами, в глубине которых мерцает отблеск пережитой жизненной трагедии… особенно это касалось его последней девушки, которую звали Мятанат – какое необычное имя!

Недавно Эля стала невольной свидетельницей того, как её брат вместе с девушкой садится в свои вишнёвые «Жигули». Он прекрасно справлялся с управлением, помогая себе грудью и подбородком, и имел специальное разрешение на вождение автомобиля. Правда, сейчас, после победы на муниципальных выборах, Олегу полагалась новая, более солидная машина и личный шофёр впридачу.

«Что-то странное творится с моим братцем», – думала Эля, вытирая пыль в рабочем кабинете Олега. Она нечаянно столкнула кейс, стоявший на краю стола. Кейс раскрылся, разлетелись по полу бумаги, вывалилась какая-то пухлая книжка… Эля подняла её. ***«ЧЁРТИК С МОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ.» Психологический детектив.*** Вот фото автора... такая же темноволосая и миндалевоглазая, как и все Олеговы подружки. Эля собрала бумаги, положила их в кейс, и рука её наткнулась на какой-то предмет. Это был длинный нож, завёрнутый в бумагу.

– Чего ты роешься в моих вещах! – заорал внезапно появившийся Олег. Эля вскочила и испуганно попятилась. – Опять машешь салфеткой в моём кабинете!

Олег был в бешенстве. Таким его Эля ещё никогда не видела. Имей он нормальные руки, наверняка бы влепил сестре пощёчину. Но он лишь наклонился, ловко схватил нож зубами и выдернул его из рук сестры.

МЯТАНАТ

…Она пришла в себя, лёжа на больничной койке с перевязанной головой, с трубками, торчащими из носа. Рядом на стуле сидел её жених и держал её за руку.

– Это ты? – прошептала Мятанат. – Как ты?...

– Молчи, – сказал жених. – После обо всём поговорим. Самое главное – как выглядел этот подонок?

ОЛЕГ

– Не нужно ли господину чем-нибудь помочь? – молоденькая стюардесса деликатно поглядела на руки странного пассажира.

– Господину нужно, чтобы его оставили в покое, – последовал холодный ответ. Стюардесса обиженно пожала плечами и отошла.

Он летел в командировку. В Баку. Странная командировка. Даже себе самому он не решался признаться в истинной причине этой поездки.

…Надо же, эта маленькая дрянь стала писательницей! И героем своих бездарных романов сделала именно его! То он, по воле автора, танцует стриптиз в каком-то дешёвом баре. То совершает убийство, расчленяет женский труп и зарывает его в песок…Потом за ним приходит, видите ли, субмарина и утягивает его на дно морское. А в субмарине невесть откуда взявшиеся черти гоняются за ним по всем отсекам… Полная бредятина! Он подозревал, что у крошки не всё в порядке с психикой, причём, наверное, с самого детства.

«А может, – мелькнула вдруг мысль, – а может, она настолько влюблена в меня, что желает быть униженной и вконец растерзанной мною? Ведь у таких психопаток часто не разберёшь, где любовь, а где ненависть. Что ж, раз она напрашивается... Я сделаю с ней то, что не смог сделать с ней тогда, в детстве, на морском берегу…Иначе…» Иначе – что? Он так и будет расправляться со всеми, кто хоть сколько-нибудь похож на эту маленькую сучку? А после…после он покончит с собой.

ЗНАЧИТ, ТЫ – ТРУС? ВЕДЬ ТОЛЬКО ТРУС СТРЕМИТСЯ РАСПРАВИТЬСЯ С ЖЕНЩИНОЙ, ЗА КОТОРОЙ ПО ПЯТАМ ГОНИТСЯ ЕЁ СОБСТВЕННОЕ ПРОШЛОЕ…

ОЛЕГ

ОН настиг Сабину у входа в офис, когда она возилась с замком. Сабина узнала его сразу. Хищная улыбка тонких губ, прищуренный взгляд серых глаз, почти белые вьющиеся волосы. Высокий, широкоплечий, он показался Сабине сногсшибательно красивым. Вообще-то блондины никогда ей не нравились – из-за характерного цвета кожи. Но вот ЕГО это нисколько не портило. Сабина не удержалась и глянула на ЕГО руки в кожаных, наверняка сшитых на заказ перчатках...

– Ну что, так и будем торчать у всех на виду? Или всё-таки пригласишь войти? – он, как всегда, был решителен и напорист.

– Да-да, входи, конечно, – растерянно сказала она и вошла в офис. Он проследовал за нею.

– Ты не бойся, я ненадолго. У меня кое-какие дела в вашем городишке. Неожиданно увидел тебя. Решил задержаться. Ты мне не рада?

– Рада, – неуверенно ответила Сабина. – Осторожно, тут порог…Погоди, сейчас я свет включу…

Под потолком загорелись лампы, освещая комнату с двумя столами, компьютерами и разбросанными папками. У Сабины напрочь вылетело из головы, с какой целью она заглянула в офис своего мужа в воскресный день. Взять какие-то бумаги? Скопировать какой-то файл? Или покормить хомячка? Поссорившись с женой, Вугар уехал на три дня и даже не сказал, куда. Однако оставил ей поручение, которое она сейчас тщетно пыталась вспомнить. Поручение, скорее всего, должно было отвлечь жёнушку от всяких пагубных мыслей.

– Присаживайся, где тебе удобно. Чай, кофе? – Сабина улыбалась, но в душе у неё царило смятение. ЕГО молчание... И плотная чёрная куртка с капюшоном... И то, как он уселся на один из столов, ловким движением бедра отодвинув папки… Всё это вызывало какое-то смутное беспокойство.

– Не парься, – сказал Олег. – Тогда всё было намного проще, не так ли?

Совершенно неожиданно он резко развернул Сабину лицом к себе и крепко зажал её между коленями.

– Но кто виноват в том, что всё это время мы только и делали, что думали друг о друге? – свистящим шёпотом спросил он. – Тогда, разрушив мой песчаный замок, ты меня кое-чему научила. Ты научила меня строить и созидать, несмотря ни на что. Несмотря на то, что другие пытаются разрушить всё, что ты построил. Тогда это был всего лишь-навсего замок из песка. Потом всё стало намного сложнее…

– Пусти, мне больно, – прошептала она, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание. «Теперь-то уж точно он сделает со мной всё, что захочет», – подумала она. Но Олег ничего не делал. Пока ОН просто говорил.

– Ты не знаешь, что такое настоящая боль. А я знаю. Если тебе, как и прежде, противны мои руки, то я исчезну из твоей жизни. Но перед этим тебе придётся выслушать меня. Наверное, ты примерная жена. Вот только детей у вас нет. Я знаю, на Востоке это считается трагедией. Как видишь, я навёл о тебе кое-какие справки. Я даже могу предположить, почему у вас нет детей. Потому что, ложась в постель с ***ним***, ты думаешь только обо ***мне***. Я прав?

– Да. Нет! Ты доволен? Отпусти меня! – от такого хамства Сабина не только пришла в себя, но и порядком рассвирепела.

Олег усмехнулся, разжал железную хватку коленей.

– Извини, – сказал он. – Но тебе всё же придётся выслушать меня до конца. Дело даже не в твоих романах. В них ты измываешься надо мной, как тебе вздумается. А я с самого детства привык доказывать, что я не хуже других, а лучше. Я доказывал это, когда от нас ушёл отец. Я не сломался, когда умерла моя мама…

– Но я ведь ничего этого не знала! – попыталась защититься Сабина. Он досадливо дёрнул щекой и продолжал:

– Меня бросали все, кого я любил. И все боялись, что в нашу интимную жизнь станет вмешиваться моя сестра. Однажды я увидел тебя. Ты шла по набережной моего города. Нашего ***с тобой*** города. Я предложил тебе сесть в мою машину. Ты согласилась, хоть и не сразу.

– Это была не я… – прошептала Сабина, слабея.

– Да, это была не ты. Но в сумочке у той, которая так напомнила мне тебя, оказалась твоя книжонка. Эта дура начала хвастать – вот, мол, как у нас про вас написали…И тут на шоссе что-то промелькнуло. Я так и не понял, что это было – животное или ребёнок… Впервые в жизни я не справился с управлением. Машина резко вильнула, к тому же дверь с твоей стороны…то есть, с её стороны – оказалась плохо запертой… Это был несчастный случай. Тогда я решил, что все мои беды – из-за тебя.

– И чего же ты от меня хочешь? – она не в силах была оторвать взгляда от ЕГО глаз.

Ответить ОН не успел. В «предбаннике» послышался какой-то шум. В следующее мгновение в комнату ворвалось несколько мужчин. Сабина ахнула. Чьи-то руки стремительно отодвинули её в сторону. А Олега схватили сразу двое, стащили со стола. Он не сопротивлялся. Когда его выводили, он улыбнулся ей на прощание и сказал: «Продолжай писать»

Потом в комнату вошёл Вугар. Стал перед женой.

– Это был он? – негромко спросил Вугар.

Сабина молча кивнула. Сказать что-либо не было никаких сил. По её щекам текли слёзы.

– Что ж, пошли домой, романистка ты моя, – муж обнял её за плечи. – На сегодня рабочий день закончен. Тебе ещё показания давать…Не плачь. Можешь на своём персонаже поставить точку. Всё у нас с тобой будет хорошо…

ЛЯМАН БАГИРОВА

Э С С Е

Нежность для Людмилы

…Со страшным ускорением уходят в небытие соученики, сослуживцы, друзья. Похороны одного совпадают с сороковым днем предыдущего. Не хватает ни сил, ни слов, ни слез. Нечем заполнить вакуум единственной питательной среды – дружбы.

Из книги Александра Ширвиндта
"Shirwindt, стертый с лица земли.
Книга воспоминаний"

9-е июля 2019 года. Мы с дочерью и подругой в Питере, поглощенные единственной мечтой – взять штурмом Академию Художеств и пополнить именем дочери списки студентов этого достославного учебного заведения. Все иное: красоты города, переливающаяся то бирюзовым, то стальным блеском Нева, задумчивые красавцы-корабли воспринимаются нами по какому-то остаточному принципу. Вначале экзамены, а потом уж можно гулять со спокойной душой. И все же… Питер есть Питер. Он манит, зовет. Волны плещутся о набережную, невесомые брызги долетают до нас, спешащих, бегущих, стремящихся запечатлеть в своей памяти как можно больше. Мы летим по этому городу на кураже, еще во власти ожидания неизвестного, и верим, что Судьба будет к нам благосклонна. Баку остался далеко, родной жаркий город, в который мы должны вернуться только с победой, и, Боже мой, как бесконечно далеко от нас все то, что сейчас происходит в нем…

В ночь на 9-е июля Вас не стало. Я узнаю об этом только 18 августа, уже по приезде, когда мне позвонит наша общая знакомая и, словно извиняясь, скажет:

– Простите, Ляман, я беспокою Вас по печальному поводу. Дело в том, что Людмилы Николаевны Хохловой 9-го июля не стало. Я звонила Вам, но звонки не доходили. Завтра 40 дней. Вы пойдете?

Конечно, я пошла. Что-то говорила, кому-то выражала соболезнования, сокрушалась о жестокости инсульта, вырвавшем из жизни моложавую, яркую женщину, сидела за поминальным столом, слушала проповедь батюшки, скорбно потупляла глаза и ловила себя на мысли, что все эти действия были уже не так важны. Я просто Вас вспоминала, и воспоминания сжимали мне сердце.

Небольшого роста, пухленькая, с большими голубыми глазами и неизменной сигаретой в руках – Вы внушали уважение и умиляли одновременно. Заместитель шеф-редактора газеты «Мир литературы», Вы скрупулезно, даже яростно вчитывались в любой присланный материал, тщательно выверяя каждую фразу, и в то же время так трогательно по-женски причитали: «Боже мой, этот цвет волос совсем не идет мне! Срочно бегу перекрашиваться! Ой, торжество на носу, а у меня еще нет платья. Ой, ну, как это?! Кошмар! Сумочка у меня есть, а туфель под нее нет!»

Ваш голос, хрипловатый, чуть задыхающийся:

– Мой родной! – почему-то Вы обращались ко мне только так. – Что у вас есть для нашего следующего номера? Давайте, давайте!

– Людмила Николаевна, я еще не начинала, вот думаю только подступиться к статье.

– Вздор! Пустое, мой родной! Чтобы через два дня была статья! Я вас жду! – и потом, чуть понизив голос, как-то даже заговорщицки: – Вы же знаете, я вас не правлю. Сразу даю в печать.

«Я вас жду» – в Ваших устах это было наивысшей формой признания.

А наши ночные телефонные разговоры… Это была целая поэма!

– Ляман, – раздается в трубке воркующий голос с характерными раскатистыми «р». – Вы не спите? Я буквально на минуточку.

«Минуточка» растягивается до 3-4 часов ночи. Сон накатывает волнами, иногда голос Ваш доносится словно из тумана. Но прервать вдохновенный литературный монолог мне и в голову не приходит. И открывается второе дыхание, сон отступает, поддавшись магии Вашей речи.

Бог мой, чего и кого только нет в этих монологах! И отрешенность Блока, и музыкальность пушкинской строки и воющее одиночество Цветаевой, и царственность Ахматовой, и величие Низами, и древнегреческие трагедии. Вы молниеносно перемещаетесь из одной исторической эпохи в другую, распахиваете двери своего воображения перед литераторами прошлого, сыплете цитатами, стихотворными строчками. И поэты воскресают из небытия, предстают ярко и зримо перед моим внутренним взором. Наверно, они были бы бесконечно благодарны Вам за такие феерические литературные портреты. «Единым росчерком пера» очертить образ... В данном случае лучше сказать: единым монологом, на одном дыхании, сделать литературу близкой, понятной и живой.

Порой роскошь литературных откровений сменяется рассказами об актерах, у которых Вы брали интервью.

– Вот Ульянов, – журчит в трубке Ваш восторженный голос, – прелесть-человек был, царство небесное ему. – Бездна обаяния и остроумия. Но хитрован, ой, какой хитрован! На вопросы отвечал вроде прямо, а вроде как с подковырочкой!

Иногда Вы устаете. Я могу лишь догадываться об этом по учащающимся паузам в разговоре. Вы закуриваете, задумываетесь и вдруг вопрошаете:

– А вы, мой родной, не курите?

– Нет.

– И правильно делаете. Но если решите закурить, то рекомендую только ванильные. От женщины всегда должно приятно пахнуть.

По-моему, запах табака неприятен, особенно от женщины, как его не забивай, ванилью ли, ментолом. Но возражать мне не хочется. Слишком уж интересно следить за развитием Вашей мысли.

– А вы любите собак? Ах, да-да, вы же кошатница, я забыла. Но собаки – это особый мир. Вот у меня...

И дальше звучит новый блестящий монолог о самом преданном друге человека. И снова пауза.

– А знаете, мой родной, какое у меня любимое произведение? Ни за что не догадаетесь. – Вы выдерживаете уже театральную паузу и детски-торжественно провозглашаете: – «Нежность» Анри Барбюса.

При словосочетании «Анри Барбюс» память выдает мне нечто смутное. Французский писатель-коммунист, друг Советского Союза, автор знаменитого романа «Огонь» и биографий Сталина. Умер в Москве в 1935 году, похоронен в Париже, на его могиле установлен памятник из уральского камня и выгравированы слова Сталина о писателе. О «Нежности» я не слышала.

– Ну как же? – выдыхаете Вы, и кажется, что телефонная трубка доносит запах ванильных сигарет, – это же одно из потрясающих произведений о любви. Все его по-

литизированные романы забылись, а этот маленький рассказ из четырех писем бессмертен, ставится на всех сценах мира, да и наш Кара Караев написал по нему моноопер. Неужели не слышали?

Мне стыдно. Я поспешно заверяю, мол, конечно, слышала, просто запамятовала. В мозгу же моментально вспыхивает красная лампочка: «Запомнить: «Нежность» Барбюса! Прочесть немедленно!»

– Ну вот, – удовлетворенно выдыхаете Вы в трубку, – а говорите, не помните. – И вдруг Вас осеняет: – А напишите, мой родной, о Барбюсе! Давайте, давайте! Для следующего номера газеты. Тем более, он тоже родился в мае, как и я. Нет, вы представляете, я родилась в один день с Булгаковым – 15 мая, а Барбюс – 17 мая! Нет, вы представляете, они тоже Тельцы, как и я!

– Но...

– Никаких «но». Все у вас получится. Я вас жду! Ну, все-все. Давайте заканчивать, а то мы с вами до утра проговорим.

В трубке раздаются гудки. В окно насмешливо подмигивает звезда: «Ну что же? Поняла? Она ждет! Пиши!»

* * *

Эссе о Барбюсе я так и не написала. Как-то закрутили дела и меня, и Вас, видно, белки нашей жизни вертели свои колеса исправно и молниеносно. В последний год и общались редко, все бежали и бежали в беспрерывной рутине дней. До Барбюса ли с его неведомой «Нежностью»? Потом мы уехали, а Вас не стало.

Но «время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии», и я сейчас пишу для Вас статью о Барбюсе, и знаю, что Вы никогда ее не прочтете. И все же...

Итак, Анри Барбюс (1874–1935), французский писатель. Родился 17 мая 1873 в маленьком городке Аньер под Парижем, отец француз, мать англичанка. Учился в Сорбонне, публиковался в парижских газетах, но заметки его популярностью не пользовались. В 1895 напечатал маленькую книгу стихов «Плакальщицы», имевшую успех, в 1908 выпустил первый роман «Ад». С началом Первой мировой войны ушел на фронт рядовым-добровольцем, был дважды награжден, написал роман «Огонь», за который получил Гонкуровскую премию в 1917 году, и который стал одним из лучших романов о войне. Константин Паустовский так писал об этом романе: «Одной из неожиданных для здешнего края примет недавней войны была книга Анри Барбюса «Огонь», попавшая каким-то чудом в Сухум.

Я читал эту крепкую, как солдатский шаг, мужественную и человечную повесть Барбюса у себя в саду, в тени банана. Изредка я подымал глаза. Мне нужно было какое-то время, чтобы сообразить, что я нахожусь не на полях Шампани или в Арденнах, где в залитых ливнем окопах тесно смешались обе армии – и французская и немецкая – и солдаты тонут в грязи. Мне нужно было время, чтобы перенестись с полей Франции в этот нарядный от света и опьяняюще пахнущий край.

В такие минуты он казался мне особенно чуждым – лакированным и одновременно тоскливым».

За ним последовал роман на ту же тему – «Ясность». Барбюс был одним из первых, кто начал описывать войну, ни в коем случае не поэтизируя ее, а беспощадно и сурово. Он стал лидером международного движения «Кларте», пропагандирующего пацифизм, социальное равенство и интернациональную солидарность. Барбюс основал также и Всемирный комитет против войны и фашизма.

Поборник мирового коммунизма, он после поездки в СССР написал книгу «Россия», мечтал написать полную биографию Ленина, но не успел. Зато написал книгу «Сталин», пользовавшуюся в СССР невероятным успехом. В ней он восторженно провозгласил «Сталин – это Ленин сегодня».

Приезжал в Москву 4 раза, всегда был почетным гостем. В последний раз Барбюс приехал в Москву в 1935 году и умер там же 30 августа 1935 года.

А в памяти читателей и в истории литературы он остался вовсе не этими громыхающими военными романами и пафосными речами на антивоенных конгрессах, а крохотным рассказом «Нежность», потрясающе пронзительным и щемящим. По силе воздействия его можно сравнить, пожалуй, только с «Письмом незнакомки» Цвейга. В рассказе нет ни слова о политике, однако именно он принес Барбюсу огромную славу и успех. Сюжет его незамысловат. Герой рассказа получает в течение двадцати лет пять писем от своей любимой, жениться на которой ему не разрешили родители.

«Вот уже двадцать лет, как мы расстались... И вот уже двадцать лет, как меня нет в живых, дорогой мой. Если ты жив и прочтешь это письмо, которое перешлют тебе верные и почтительные руки, – те, что в течение многих лет пересылали тебе мои предыдущие письма, ты простишь мне, – если ты еще не забыл меня, – простишь, что я покончила с собой на другой же день после нашей разлуки. Я не могла, я не умела жить без тебя.

Сегодня мы говорим очень тихо, почти неслышно, – уж очень мы далеки друг от друга, ведь я существую только в тебе, а ты уже забыл меня. Сегодня значение слова **сейчас** *для той, которая его пишет и шепчет, совсем иное, чем для того, кто будет читать это.*

Сейчас, преодолев такое громадное расстояние во времени, преодолев вечность, – пусть это покажется нелепым, – сейчас я целую тебя, как прежде.

Вот и все... Больше я ничего не прибавлю, потому что боюсь стать печальной, а значит, злой и потому, что не решаюсь признаться тебе в тех сумасшедших мечтах, которые неизбежны, когда любишь и когда любовь огромна, а нежность беспредельна.»

Да не обвинят меня в излишней экзальтированности, но у меня перехватило дыхание после чтения этих строк. Обжигающие нежностью, а в сущности, очень простые слова, обладали невероятной силой. Наверно, только так и можно говорить, когда обращаешься от сердца к сердцу.

Как пела великая соотечественница Барбюса Эдит Пиаф: *«Слова, обычные слова/ Их все друг другу повторяют/ От них кружится голова/ Дыханье замирает»*.

Слова любви всегда одинаковы, сила лишь в устах, произносящих их.

Неудивительно, что именно этот малюсенький рассказ пережил все идеологические романы своего автора. Война войной, прогресс прогрессом, а человек за тысячи веков своего существования изменился мало – так же любит и негодует, ненавидит и радуется, страдает и верит в лучшее: в счастье, в нежность, в чудо. Верит и надеется, несмотря ни на что. Потому что если не верить, то вроде бы и жить можно, но уж больно скучно. А от скуки до жестокости всего один шаг. И лучше этого шага не делать.

Не знаю, смогла ли я написать эссе об Анри Барбюсе. Скорее всего, нет. Творчество пышноусого, с суровыми и острыми чертами лица, французского писателя-коммуниста слишком далеко от меня. Кроме, пожалуй «Нежности» – маленькой бессмертной песни во славу неумирающей любви.

Но я написала его, как смогла, – это ни на что не похожее эссе-воспоминание.

И пусть Вашей душе, «мой родной», будет светло и нежно.

Я люблю тебя.
Это значит – я желаю тебе добра.

Любовь по природе своей трагична.
Н.Бердяев

Наша улица недаром носила название Хребтовой. Словно Атлант, она держала на своем хребте-позвоночнике первые новости, сплетни, слухи. Где игрались самые веселые свадьбы? На Хребтовой! Где устраивались самые пышные поминки? Конечно, на Хребтовой! Где происходили самые темпераментные ссоры, скандалы и выяснения отношений? Опять же на ней, родной нашей Хребтовой, вырастившей-взлелеявшей не одно поколение своих жителей. Жизнь на улице не замирала ни на секунду! Все решалось сообща, бурно и ярко! Конечно, не так шумно, как на Советской, но и не так незаметно, как интеллигентной Коммунистической! Кажется, мы с няней знали каждый уголок нашей улицы. Еще бы! Каждый день отправлялись с ней на прогулку и степенно здоровались со всеми знакомыми!

На углу Хребтовой, около овощной будки, «стоял» «самовар». Так называли калек, лишившихся рук и ног. Встречались они редко, и каждое их появление было памятным. Обычно они просили подаяния. Тулово их было накрепко привязано к небольшой деревянной платформе на колесиках. Рядом с ними непременно должен был быть поводырь. Лишившимся только ног было легче. Они отталкивались от земли особыми колодками – «утюжками», развивали большую скорость, и руки их от этого становились сильными и мускулистыми. «Самовары» были лишены этой радости. Они держались прямо и молча, прикрученные ремнями к своим деревяшкам, а поводырь тянул тонким голосом: «Подайте защитнику Отечества, подайте на хлеб увечному»...

Поводырями большей частью были пожилые женщины или иногда мальчики лет восьми-десяти, все как на подбор гнусавые, бледные, с покрытыми цыпками руками. Прохожие жалели: деньги, хлеб и фрукты так и летели в шапки. Особо сердобольные приносили горячую еду в мисках и смотрели, вздыхая, как поводырь торопливо ел сам и кормил «самовара». Некоторые подносили и рюмочку. «Самовар» хрипло благодарил, и они с поводырем снимались с места. До завтра. А может, и до послезавтра. Как получится. Насколько хватит денег, чтобы забыться на дне стакана. В сне они были молоды и сильны, их любили женщины, и улыбалась жизнь. Потом наступало жуткое опамятование, когда все надо было делать с чужой помощью: одеваться, пить, есть, умываться... Многим «самоварам» удавалось свести счеты с жизнью, и может быть, смерть была к ним более милосердной...

У «самовара», несшего вахту на углу Хребтовой, было улыбчивое лицо. Маленькие карие глазки его приветливо глядели на каждого прохожего, подавшему ему. Казалось, он не чувствовал своего положения, не видел в нем ничего тягостного. Просто радовался тому, что живет. Рядом с ним стояла худощавая женщина средних лет с некрасивым, рябеньким, но очень милым лицом. И глаза ее тоже улыбались. Няня всунула мне в руку железный рубль.

– Положи, детка, в шляпу дяде.

– Нет, – остановил ее «самовар». – Вы лучше моей жене отдайте.

Я протянула деньги женщине. Она аккуратно, даже как-то изысканно взяла их и спрятала в карман.

– Дай Бог вам здоровья, – поклонилась она.

– А вы – молодец, – похвалила ее няня. – Не бросили мужа. Многие-то жены и не выдерживали такого.

– Да я не жена, – просто ответила женщина. – Так, полюбовка. – Жена от него ушла сразу, как он вернулся. А я по соседству жила, мужа на войне убило, сынок тоже не выжил. Ну, вот как-то и сошлись потом. Так и живем.

– Ага, – подмигнул «самовар». – Хорошо живем, не жалуемся!

Женщина застенчиво засмеялась и поправила плед, которым он был укутан по плечи.

Няня смотрела на них во все глаза. Потом положила руку мне на затылок и резко нагнула голову.

– Поклонись, детка, – тихо сказала она, и голос ее дрогнул. Сама она поклонилась в пояс, и затем мы быстро зашагали по тротуару.

Няня шла молча. Так же тихо прошел весь день. Няня больше не возвращалась к увиденному.

И лишь однажды, много лет спустя – я была уже на втором курсе института, – зазвала меня к себе (мы жили по соседству). Я не знала тогда, что вижу ее в последний раз. Через десять дней ее не стало, и ушла она тихо, как птица. Просто остановилось сердце. Но, может быть, уходящему ве́дом Его час?..

– Возьми, Лямаша, на память, – протянула она мне небольшой томик в выцветшей обложке.

Я взглянула. «Вероника Тушнова. Лирика.». Об этой поэтессе я слышала, но ничего, кроме ее стихотворения «Сто часов счастья», не читала.

– Помнишь, как однажды мы встретили нищего калеку на улице, и рядом с ним была женщина? Ты маленькая была, я не хотела, чтобы ты вспоминала об этом, а сама несколько дней проплакала. Лямашенька, я когда эту книгу читала, то сразу женщину ту вспоминала. «Чтобы не было сердце лениво, спесиво,\Чтоб за каждую малость оно говорило «спасибо». Вот и та женщина такая же. И эта поэтесса несчастная. Сердцем дышали. Возьми книгу, ты литературу изучаешь, тебе пригодится, только не теряй.

Я, конечно, стала отнекиваться – няня была ни в какую:

– Возьми, и все!

Поблагодарила, взяла, ушла. И, спускаясь по шести ступенькам няниного дома, не знала тогда, что шагаю во взрослый мир потерь.

И сейчас, когда я раскрываю уже потерявший первоначальный цвет томик, то вспоминаю тихое нянино «Сердцем дышали» и понимаю, что лучше и не выразить лирику Тушновой, как этими словами.

Я не задаюсь целью пересказывать всю биографию Вероники Михайловны. Это можно сделать с помощью книг и интернета. Нет, в первый месяц весны, месяц женского праздника, мне хотелось бы вспомнить о ней не только как об именинице марта, но в первую очередь как о человеке, чье «сердце трепетало на ладони» в «крайнем страдании и острейшем счастье».

Беззащитно сердце человека,
если без любви …
Любовь – река.
Ты швырнул в сердцах булыжник в реку,
канул камень в реку
на века …

Чем больше читала о Тушновой, тем более крепла во мне уверенность, что любовь, ставшая главной темой ее творчества, наполняла собой все ее существо. И увы, обычно это удел всех внутренне одиноких людей. Вероника выросла в семье ученого, профессора Казанского ветеринарного института Михаила Тушнова – человека разносторонне образованного, но необыкновенно властного и деспотичного. Все в доме до мелочей подчинялось и согласовывалось с ним, вплоть до того, из какой материи шить маленькой Веронике платья, какие продукты закупать и в какой час подавать обед или ужин. Вероника, с детства прекрасно говорившая на английском и фран-

цузском языках (впоследствии знание языков пригодилось ей в работе над переводами), мечтавшая о литературе и живописи, вынуждена была подчиниться воле отца и поступила на медицинский факультет Казанского университета. Потом продолжала учиться уже в Москве, куда по работе был переведен отец. Затем – аспирантура. Выходит замуж за врача-психиатра Ю.Розинского. И продолжает писать стихи. К 1938 году относится ее первая публикация. И, вроде, мечта начинает сбываться – она поступает в Литературный Институт. Но учиться не довелось. Начинается война – Вероника с матерью и маленькой дочерью эвакуируется в Казань, где работает врачом нейрохирургического госпиталя. В 1943 году возвращается в Москву, работает ординатором в госпитале. Тогда же распадается первый брак.

И тогда же ее лирика начинает завоевывать признание. Говорят, знаменитый актер Качалов плакал над ее стихами и даже устраивал домашние вечера чтения.

Постепенно ее произведения становятся широко известными. Выходят сборники стихов. Она много путешествует по стране, переводит с разных языков.

Но я дала себе слово, что не буду пересказывать биографию поэта. Остановлюсь лишь на последних годах. Именно в это время были написаны самые знаменитые стихи, обессмертившие ее имя – «Не отрекаются любя» (а потом родилась и знаменитая песня композитора Марка Минкова, исполненная А.Пугачевой), «Сто часов счастья» и мн. др. Некоторые стихи ее, написанные в этот период, звучали почти как молитва окровавленного сердца:

Пускай лучше ты не впустишь меня,
чем я не открою двери.
Пускай лучше ты обманешь меня,
чем я тебе не поверю.
Пускай лучше я в тебе ошибусь,
чем ты ошибешься во мне.
Пускай лучше я на дне окажусь,
чем ты по моей вине.
Пока я жива,
пока ты живой,
последнего счастья во имя,
быть солнцем хочу
над твоей головой,
землей –
под ногами твоими.

И вся эта несравненная лирика (ее действительно не с чем сравнить) рождена чувством к одному человеку, писателю Александру Яшину. Если можно применить булгаковское определение о том, что «любовь выскакивает из-за угла и поражает как финский нож», то наверно это сказано о них… Сейчас этого писателя мало кто вспомнит. А между тем именно о его рассказе «Рычаги» о подавлении личности партийным аппаратом Солженицын сказал, что «автор «Рычагов» навсегда останется в мировой литературе, ибо те рычаги кое-что повернули»…

Но все же его имя по сей день больше вспоминается, когда говорят о Тушновой. Это была беззаветная и несчастная любовь. Но, возможно, именно обреченность этой любви дала неслыханный взлет лирике поэтессы. Лирике женской, очень камерной, тихой, но такой, от которой вздрагивает и откликается ахнувшим звоном сердце.

Яшин был женат, у него было четверо детей. Роман был мучительным. Тушнова рассталась со вторым мужем, писателем Юрием Тимофеевым, главным редактором издательства «Детский мир», расставание было очень тяжелым.

Яшин не смог уйти из семьи. Я не буду давать оценки этому поступку, у меня на это нет никакого права. Этого права нет ни у кого, никто не был в шкуре этих людей, не знал, как они страдали и мучились…Просто как свидетельства этого горького счастья одно за другим появляются стихотворения – жемчужины… «А знаешь, всё ещё будет!» «Вспоминай меня», «Сто часов счастья», «Без обещаний жизнь печальней», «И никто не знает», «Не отрекаются, любя»…

Можно понять жену, мать четырех детей, на ее стороне и мораль, и закон. И, Бог его знает, сколько еще слез, нервов, страданий…

Но нельзя понять, когда добивают более слабого. А Тушнова в этой ситуации была наиболее слабым звеном.

Когда появилось стихотворение «Сто часов счастья», жена Яшина ответила стихотворением «Сто часов счастья взяла и украла».

Возможно, это окончательно подкосило и без того издерганную Веронику. Весной 1965 года 54-летняя поэтесса тяжело заболела. Но даже тогда нашла в себе силы ответить. Тихо, достойно, пронзительно, как могла только она, Тушнова.

А я с годами думаю все чаще,
Что краденое счастье – тоже счастье,
Что ситник краденый – все тот же хлеб насущный,
Спасенье жизни неблагополучной,
А может, несравненно слаще даже.
Поверьте, это не в защиту кражи,
Но просто я убеждена, что сытый
Не представляет, сколько стоит ситный.

Вероника Михайловна сгорела от рака за несколько месяцев. 7 июля 1965 года ее не стало. За день до смерти произошло ее последнее свидание с Яшиным. Ровно через три года, 11 июля 1968 года, от той же болезни скончался Александр Яшин. Судьба, словно в песне, все же соединила их:

Три года ты мне снилась,
А встретилась вчера…

И в заметеленной житейскими хлопотами памяти моей порой всплывают отчетливые и печальные картины:

…Детство, «самовар» с рябенькой «полюбовкой», их лики, светящиеся любовью, нянино «Поклонись, детка», затрепанная книжица с едва различимой надписью «В.Тушнова Лирика» и вновь нянино – «сердцем дышали»…

«Сердцем дышали, сердцем дышали», – звенит в душе колокольчик недостижимого счастья…О, сколько их, так и не достигших обетованной радости, выплескивавших свою боль в стихах и песнях…

И слова совсем другого поэта ложатся на душу, когда я думаю о Тушновой и тихой силе ее великой любви:

Их голосам всегда сливаться в такт.
И душам их дано бродить в цветах,
И вечностью дышать в одно дыханье,
И встретиться со вздохом на устах
На узких переправах и мостах,
На хрупких перекрестках мирозданья…

Примечание. *В эссе, помимо стихотворений В.Тушновой, использованы строки из стихов А.Фатьянова и В.Высоцкого.*

Дорогая «пятерка»

Этого экзамена я боялась более всего. И вовсе не потому, что он был труднее других. Были экзамены и потяжелее. Но, как гласит студенческая мудрость: главное – не предмет, а психология преподавателя. Разгадаешь психологию человека – считай, все в ажуре. Но в том-то и дело, что разгадать нашего преподавателя по советской литературе было невозможно. Мстислав Иванович не подходил под определения. Чувствовалась в нем какая-то страшная боль, будто что-то раздирало его изнутри. Особенно когда он рассказывал про Фадеева и его самоубийство. Обычно спокойный, педагог наш мгновенно краснел, белые волосы развевались, и даже голос повышался на несколько тонов. Это уже потом мы узнали, что Мстислав Иванович был арестован, по 58-й статье отбывал срок в Семипалатинске и что такое ужас репрессий, знал не понаслышке. Лекции его были странными, словно обращенными внутрь себя, к какому-то невидимому собеседнику. Мысль прерывалась, обрастала воспоминаниями, словно тысяча нитей, запутанных, скрученных. Нити эти обрывались, но и образовывали связи. Большая часть дурашливого студенческого братства не вслушивалась в лекции и, тем не менее, подпадала под неясное обаяние лектора.

Однако, как ни крути, а экзамен сдавать надо. Вытянув билет, я приуныла. «Разгром» Фадеева, «Цемент» Гладкова, трилогия Федина. Как на подбор, одни из нелюбимых моих произведений. А молчать и просто что-то мычать нельзя – шла на красный диплом, этот экзамен – последний перед защитой диплома.

Вспомнив наскоро, что говорилось об этих романах в учебнике, я бесцветным голосом стала бормотать нечто, изображающее знания. Мстислав Иванович слушал безучастно, подперев голову и отрывистыми движениями перелистывал мою зачетку. По всему было видно, что он с удовольствием влепил бы мне «тройку», что было бы милосердно, ибо заслуживала я «неуда». Но… Набегали минуты, перелистывалась зачетка. Круглая отличница с первого курса. Влепить «трояк» – испортить диплом. Лицо Мстислава Ивановича выразило крайнюю степень разочарования и усталости:

– Достаточно, – отрезал он скрипучим голосом и стал выводить мне «пятерку». Это уже было выше моих сил, но и признаваться в собственном фиаско ни за что не хотелось.

– Следует заметить, – тихо отчеканила я, – что в этот период творили не менее выдающиеся мастера пера. Паустовский, Каверин, а одним из правдивых произведений о войне можно назвать «Спутники» Веры Пановой.

Рука с зачеткой на секунду замерла и взгляд, брошенный исподлобья, выразил заинтересованность. Этих имен не было в программе, я назвала их в отчаянии, просто потому, что любила.

– Вы читали Панову? – Голос Мстислава Ивановича был ровным, но во взгляде по-прежнему сквозила искренняя заинтересованность и даже уважение. Ручку с зачеткой он отложил.

– Да. «Спутники», по которым был снят прекрасный фильм «На всю оставшуюся жизнь», повесть «Ясный берег», «Кружилиху», «Сережу», конечно, – как ни в чем не бывало заявила я и принялась рассказывать о «Спутниках» – великолепном романе о буднях военно-санитарного поезда, о сложных судьбах ее главных героев.

К концу рассказа в моей зачетке было не просто «пять», я получила одобрительную улыбку Мстислава Ивановича, что было большой редкостью.

– Вы меня не разочаровали, – тихо сказал он, протягивая зачетку. – Приятно видеть думающих студентов. Приятно, что вы читали Панову. Удачи!

С той поры минуло почти 30 лет. «Пятерку» у Мстислава Ивановича до сих пор считаю самой дорогой и памятной. И не только потому, что мне удалось выкрутиться и найти «подход к разгадке» нашего преподавателя. А еще и потому, что имя, которое я так удачно назвала, действительно заслуживает внимания и благодарной памяти.

* * *

Итак, Вера Федоровна Панова. Героиня моего нынешнего эссе. Официально признанная советская писательница. Автор романов «Спутники», «Кружилиха», «Сентиментальный роман», «Евдокия», повестей «Ясный берег», «Рабочий поселок», многих рассказов, пьес, исторической эссеистики (последняя ее работа – историческое эссе «Жизнь Мохаммеда», посвященное пророку Мохаммеду), трижды лауреат Сталинской премии. Превосходный журналист с цепким, мужским взглядом на описываемое и чисто женской способностью запоминать и вбирать мелочи во всем их многообразии.

В Ростове-на-Дону, где 20 марта 1905 года родилась будущая писательница (кстати, она так и писала о себе в автобиографических эссе – «*говорила: хочу быть писательницей и буду!*»), на улице Пушкинской есть приметный дом. Сейчас в нем Музей изобразительных искусств. А в начале 20-х был Дом работников просвещения. В одной из комнат его собиралась РАПП – Ростовская ассоциация пролетарских писателей – литературная молодежь. Одной из активных участниц РАПП была юная Вера Панова – тоненькая девочка в красной косынке с удивленными и удивительными глазами. Казалось, она запоминает ими все: цвет и движение воздуха, угловатость и округлость вещей и слов, жесты, лица, фигуры. Такие лица бывают у очень приметливых и азартных художников, которым хочется все запечатлеть на полотне или на бумаге. У Верочки Пановой уже в те, юные годы была эта страсть: рисовать, живописать, только не красками и карандашом, а словами. Ее друзья знали, что она с трудом проходила мимо чистого листа бумаги, ее тянуло непременно набросать на нем новое, чем-то привлекшее ее внимание лицо, слово, фразу. Впрочем, памятью она обладала феноменальной: все словно фотографировалось в ней, чтобы потом в нужный момент вынырнуть и лечь на бумагу.

Получив задание, собрав и обдумав материал (а все это делалось как будто на бегу, на ходу), она садилась за свой стол в привычной, характерной для нее позе – поджав под себя одну ногу. Придвигала стопку заранее нарезанных длинных и узких листков, закуривала и ровным красивым почерком писала почти без помарок. Машинистки обожали ее рукописи – четкие, ясные, с тщательно и обдуманно расставленными знаками препинания. «Я – старая журналистская волчица», – любила говорить она о себе. Эту особенность она сохранила на всю жизнь. Даже тяжелейшие болезни, обрушившиеся на нее в последние годы, инфаркты и инсульт, после которого она оказалась прикованной к инвалидному креслу, не смогли погасить ни зоркости глаза, ни точности слуха, ни верности писательского чутья. Самой высшей похвалой в ее устах было слово «профессионал», шла ли речь о писателе или враче.

«Удивительное у нее лицо, – вспоминала поэтесса Инна Гофф – автор стихов к знаменитой песне «Русское поле». – *Глаза круглые, желтовато-карие, хищные. Смеялась она легко и очень добродушно, но взгляд был цепким, вбирающим в себя все до мельчайших деталей. Иногда в разговоре уходила куда-то вглубь себя, и тогда глаза были обращены не на собеседника, а как бы внутрь»*. И работа ее всегда (привычка, выработанная со времен юности) производила на стороннего наблюдателя впечатление артистической легкости, виртуозности. Во время работы Вера Федоровна будто и не прислушивалась к спорам. *«Но вдруг поднимет глаза, вынет из уголка рта неизменную папиросу и коротенькой репликой, как озорным щелчком, свалит всю многоярусную тираду выступающего или подбросит тему для нового спора».*

Она была очень иронична, насмешлива, но добра и очень памятлива на все то доброе, что дарила ей судьба.

А судьба, как и у многих в те годы, была очень и очень нелегкой. С первым мужем и отцом ее дочери Натальи – журналистом Арсением Старосельским – она рассталась, второй муж – журналист Борис Вахтин был репрессирован и расстрелян в 1938 году. Вере с пожилой матерью и тремя детьми – Натальей и двумя сыновьями,

Борисом и Юрием, пришлось очень долго мыкаться, выживать, зачастую голодать. После вызволения Полтавщины из оккупации, где вся семья жила в деревне, беженка с детьми и матерью оказалась в эвакуации на Северном Урале. Все свое детство, отрочество, юность и молодые годы она стирала, убирала, добывала и готовила пищу и всю сознательную жизнь придумывала, как расскажет об этом, как напишет книги, где будет все, с кем она росла и выросла и жила бок о бок. Но не оттого ли так драматичны ее книги, не оттого ли почти все они нашли свое воплощение на сцене или в кино?.. Все герои были пронесены через сердце, через судьбу, ее проза запоминалась как стихи, ибо фраза была не просто написана на бумаге, она была построена. Вслушайтесь, эти фразы звучат как музыка: *«Героиня наша идет, красавица наша идет… Митя! Митя! Вставай, деточка наша приехала. Юленька приехала…»* Так в «Спутниках» родители встречают свою дочь – хирургическую сестру, старую деву Юлию Дмитриевну. Или ставшие уже почти нарицательными фразы из бессмертного «Сережи»: *«Дядя Петя, вы дурак?» «Мы что, все умрем?» «Ушел хозяин сада в поющий розовый мир, куда и Сережа уйдет когда-нибудь»*. Или пронзительное по нежности откровение *«Не золотые кудри, не васильковые очи, – волосы прямые, русые, глаза серые, – ах ты, моя милая, ты моя хорошая, куда ж я раньше глядел, где я раньше был, никакой другой нет на свете, позови ты меня сейчас – за тыщи километров побежал бы на твой зов!»* (повесть «Ясный берег»). Мужская точность и выверенность каждого слова при такой женской их сути. Женского в ней было очень много. Даже в последние годы, когда от былой тоненькой Верочки в красной косынке не осталось и следа, когда фигура оплыла и отяжелела, она с нескрываемым удовольствием любила, когда при ней вспоминали ее былую хрупкость.

– Какая я была? – подзадоривала она старых знакомцев

– Тоненькая, как веточка! – отвечали ей хором.

– Как тростиночка, – вторили другие. И она удовлетворенно улыбалась.

– Как спичечка, – говорили третьи.

– Ну, это уж слишком! – иронизировала она.

Встречая ее на совещаниях и съездах писателей, многие отмечали нарядность и изысканность, с какими она была одета. Яркая помада, медный оттенок волос, в ушах крупные серьги. Ростовская молодость, юг были в ее крови, хотя почти всю жизнь она прожила в Ленинграде, в квартире на Марсовом поле, и любила этот город трепетной и глубокой любовью. И хотя в своих произведениях она по большей части отдавала предпочтение женщинам скромным, неброским, но с каким удовольствием выписывала своих любимых героинь – Фаину в «Спутниках» («Ах, витязь, то была Фаина»), Марьяну в «Ясном береге» и «Сереже», Зою большую в «Сентиментальном романе», одетую в стираное-перестиранное платье и грубые туфли и мечтающую о шелковых чулках, лакированных туфлях, замшевых перчатках и белье с кружевами. Писательница сама была – победоносная неистребимая женственность. Все человеческое, женское – любовь, разочарование, материнство, заботливость – все было пережито и выстрадано ею. Ибо надо быть *«живым и только, живым и только – и навсегда».* Такой она и оставалась. И люди, близко знавшие ее, говорили, что она была мастерицей готовить знаменитый ростовский борщ и печь пироги, но еще больше говорили об ее умении деликатно и в то же время не заискивая оказывать помощь другим.

Как-то в воспоминаниях о маршале Б.Шапошникове я прочла запоминающиеся строки: *«Он был последовательным поборником строгой дисциплины, но врагом окрика. Грубость вообще ему была органически чужда. Его нельзя назвать «отцом-командиром» в общепринятом смысле этих слов: он не похлопывал подчинённого по плечу, не спрашивал заботливо, пообедал ли тот. Он был глубоко убеждён, что солдат, тем более командир, должен и может сам вовремя поесть, другое дело — побеспокоиться об организации снабжения и обеспечения войск, чтобы продовольствие всегда имелось во всех частях, этого он никогда не забывал»*.

Как мне кажется, эти слова в полной мере можно отнести и к Вере Пановой. Она не походила на свои книги. В реальной жизни посторонние ее немного опасались, к ней нелегко было подступиться. И не потому, что она всегда выглядела крайне занятой, а потому, что очень редко улыбалась, почти не шутила, вообще была корректна, но сдержанна до холодности. Но те, кого она, процедив сквозь собственное душевное сито, впускала в свой мир, всегда отмечали ее добросердечие без подобострастия, царственность радушной хозяйки, предельное, настороженное внимание к собеседнику, но без заискивания перед ним. И предельную тактичность в оказании помощи. Делать добро, не афишируя. Чаще всего те, кому она помогала, понятия об этом не имели, а узнав, не осмеливались благодарить.

Так, например, одна из молодых писательниц вспоминала: *«Моя книга залежалась в издательстве из-за того, что ее объем был мал. И вдруг, без каких бы то ни было пояснений, книга внезапно вышла! Когда мне вручали авторские экземпляры, в редакции нашлась добрая душа и подарила мне «на память» три страницы отпечатанного на машинке текста. Это была рецензия Веры Пановой!»*

И до последних своих дней, уже почти обездвиженная, с плохо действующей правой рукой, она находила в себе силы окрылять, подбадривать, поддерживать: *«Душевно благодарю Вас за дорогой подарок – книгу рассказов. Прочла ее – точнее, мне вслух прочли, т.к. сама я не читаю (слабеет зрение), единым духом. Благодарю Вас за радость, которую испытала, читая…»* И далее детальный разбор произведений на пятнадцати страницах. И только почерк, косые неровные строчки выдают то физическое усилие, с которым писалось письмо, возможно, занявшее целый день.

Три черты в ее характере наиболее привлекали внимание: искусство слушать, ошеломляющая особенность живо реагировать на услышанное и увиденное и, главное – железный порядок во всем. Из собственной внутренней железной дисциплины невольно складывалось и стремление дисциплинировать всех, с кем соприкасалась. В общественных местах достаточно было одного ее молчаливого появления, как все подтягивались. Она всегда появлялась незадолго до начала любого мероприятия, никогда не опаздывая. Она никогда не жаловалась, рассказывая о себе, не делилась чувствами, не вникала в пересуды. Была чужда суетности, снобизма. И всегда работала. Праздность была для нее огромным грехом. И всех своих положительных героев Вера Панова наделяет, в первую очередь, стремлением к работе и умением работать азартно, так, чтобы труд был в радость.

«Жить надо радуясь, умирать надо без страха», – как-то написала она. Вера Федоровна Панова умерла 3 марта 1973 года и была похоронена на тихом кладбище в Комарово недалеко от могилы любимой ею Анны Андреевны Ахматовой.

Спустя 14 лет, в первое свое посещение Ленинграда, я стояла около скромной могилы Пановой и вспоминала последние строки из ее романа «Кружилиха»:

«Будет ли день, когда человек скажет: «Я всем доволен, премного благодарен, мне больше ничего не надо»? Никогда не будет такого дня. Всегда раскрыта земля для новых семян, и никогда не сняты леса для строителя. А кто произнес такие слова, тот мертв, от него нечего ждать живым».

А еще через 4 года в душной аудитории Института русского языка и литературы я сдавала экзамен по советской литературе. Нет, я не знала «Цемента» Ф.Гладкова и трилогии Федина. Но, возможно, дорогой наш Мстислав Иванович почувствовал во мне ту самую «не мертвую душу», от которой есть что ждать живым. Пятерка в тот день мне была поставлена не за знания, не за умение складно говорить, а за душу и память. «Пятерка» эта дорога мне до сих пор. Стараюсь быть достойной ее.

Примечание. *При написании эссе использованы материалы из воспоминаний о В.Ф.Пановой и ее собственные автобиографические эссе.*

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

Кошелек

Любви все возрасты покорны.
И мы, вооружась попкорном,
Идем в кино. Последний ряд,
Руки касанье, томный взгляд...
Что на экране – нам неважно.
Мне хорошо, хотя и страшно –
Ну, все-таки последний ряд,
Руки касанье, томный взгляд...
И мучают меня сомненья:
А нужно ли? Зачем? К чему?..
Тут рядом, на пустом сиденье,
Ты замечаешь кошелек.
И все внимание – ему,
И от меня ты так далек.
Твой глаз косит помимо воли
Туда, туда! Не в силах более
Сдержать хватательный инстинкт,
Рукою ты к нему приник
И – внутрь проник.
А там – о, Боже! –
Манаты, русские рубли,
И даже – евро!
Ты говоришь немного нервно:
«Вот повезло! Была права ты,
Что позвала меня в кино!
И я так рад,
Что взял билеты в этот ряд».
«Вернуть бы кошелек владельцу...» –
Несмело предлагаю я.
Но у тебя в глазах – метелица,
И веет холод на меня.
«Да где ж его найдешь? Поделимся?»...
И так чисты его глаза,
Что и стыдить его нельзя.
Я говорю ему: «Спасибо
И за попкорн, и за кино...»
Что дальше? Сохраню интригу.

Мне б хотелось

Много всяких, много разных,
Что лесть в уши лить горазды
И дарить нам целый мир,
Засоряя тем эфир.
И как мало тех, кто тихо
От тебя отгонит лихо,
Но про то будет молчать,
И не скажет ни словечка
О своих больших заслугах...
Вот такого человечка,
Вот такого бы вот друга
Мне б хотелось повстречать!

Ты где-то есть

Ты где-то там,
Я где-то здесь,
Но знаю:
Ты на свете есть.
Когда мы встретимся –
Бог весть...
Но вдруг придет
Однажды весть,
Что нет тебя на свете.
И это будет злая месть
За то, что ты был там,
Я – здесь,
И в этом – лишь моя вина...
И я пойму, что я – одна
Отныне на планете.

Опять про свое

Снова ложь, снова ложь, снова ложь!
Никуда от нее не уйдешь.
Кто о чем, а я про свое –
Надоело сплошное вранье!
Надоело сплошное жулье,
Что, как черное воронье,
Рвет на части сердце мое.
А беда моя в том, что я
Различаю все лики вранья.
Снова лживые эти финты –
Ну, не лги мне хотя бы ты!
Чистой правды хочет душа,
Без нее мне трудно дышать.
Но у правды все меньше вес,
И глумится над ней лживый бес.

Дождь

Город нем, город слеп,
Заштрихован дождем.
Лишь домов серых склепы
Возвышаются в нем...
Мы с тобою идем
Сквозь звенящие струи,
Сквозь дождя поцелуи.
Мы вдвоем,
И вокруг – ни души.
Только фары летящих машин
Раздвигают
Разреженный воздух,
Цвет их желто-мимозен...
Дождевое ненастье
Серой, пасмурной масти
Захватило нас в плен.
Но взамен
Подарило нам счастье...

ТАТЬЯНА РУСТАМЛИ

НАУЧИСЬ СЛЫШАТЬ ТИШИНУ!

Непрописные истины

То единственно ценное, чему я научилась в этом мире, – так это слышать Тишину. Всему остальному научила меня она.

Голос Тишины – Безмолвие.
Услышь его в молчании,
Пребывая в одиночестве
В океане своей души,
В огне своего сердца,
Пустив корни в Землю,
Дыша воздухом Вечности.

* * *

Покорность делает нас рабами, терпение – людьми, смирение – богами.

* * *

Бывают обстоятельства, из которых невозможно выйти победителем, но это вовсе не значит, что из них невозможно выйти непобеждённым.

* * *

На подмостках этого мира мы увлечённо и убедительно играем отведённые нам роли. Но когда опускается занавес, мы покидаем выстроенные для нас декорации и возвращаемся в настоящую жизнь, оставляя за кулисами свои изношенные сценические костюмы.

* * *

Истина всегда на самом видном месте, но начинать её поиски приходится с самых тёмных уголков души.

* * *

Жизнь – это погружение в глубины собственной души. Но люди предпочитают оставаться на берегу тела или плескаться на мелководье ума.

* * *

Тот, кто не способен жить по Любви, вынужден жить по законам кармы. Любовь не подчиняется никаким законам – законы подчиняются ей.

* * *

В этом мире ты можешь обрести либо бессмертие, либо всё остальное.

* * *

Наша беда не в том, что ложь мы принимаем за правду, а в том, что мы довольствуемся частью правды, и это нас вполне устраивает.

* * *

Только глупцы могут верить в то, что к Нему ведёт множество дорог. Есть всего одна-единственная дорога, и она проходит через сердце. Все остальные ведут на погост или к погребальному костру.

* * *

Унижение – не Божья кара, а Божье лекарство для исцеления от гордости.

* * *

Тот, кто замечает хорошее и не замечает плохое, – поистине счастливый глупец. Тот, кто замечает плохое и не замечает хорошее, – поистине несчастный глупец. Тот, кто замечает и хорошее, и плохое, – поистине приметливый глупец. Тот, кто за всем, что он замечает, видит единый Источник, – воистину всевидящий мудрец.

* * *

Существует три разновидности людей. Представители первой видят то, что они хотят увидеть. Представители второй видят то, что они могут увидеть. А представители третьей разновидности видят то, что не способны увидеть ни те, ни другие.

* * *

Твои безграничные возможности бога ограничены твоими способностями человека и потребностями зверя.

* * *

Для тебя всё может случиться или не случиться только сегодня. Завтра не наступает никогда.

* * *

Честность против коварства – это картонный меч против стального клинка.

* * *

Стены между Ним и тобой – в твоём собственном сознании, и выстроил их ты сам.

* * *

Человек! Ты в поисках Истины или справедливости? Силы или смирения? Выгоды или Вечности?

* * *

Я настолько совершенна, что могу позволить себе быть несовершенной.
Я настолько всесильна, что могу позволить себе быть слабой.
Я настолько божественна, что могу позволить себе быть простой смертной.

* * *

Я пребуду с Тобой в победе и в поражении.
Я пребуду с Тобой в славе и в унижении.
Я пребуду с Тобой в смерти и в бессмертии.
Я пребуду с Тобой в вечности и в мгновении.

* * *

О, мои прекрасные демоны! Мои верные спутники в ночи! Не пытайтесь стать моими ангелами. Ангелы у меня уже есть – они мои вечные спутники дня.

* * *

О, люди! Не Бог разделил вас на касты. Вы это сделали сами.

К какой из четырёх каст ты относишь себя, человек? К касте живущих в теле? К касте живущих в уме? К касте живущих в чувствах? Или к касте живущих в Духе?

Каков бы ни был твой ответ, знай: не каста выбирает тебя – ты выбираешь касту.

* * *

Люди! Вы непревзойдённые маги и величайшие алхимики! Вам удалось чистую субстанцию Любви расщепить на множество грязных человеческих чувств: ненависть, гнев, алчность, похоть, тщеславие, гордость. Когда вы научитесь делать обратное?

* * *

Человек! Если ты способен поднять себя к самым вершинам в своих мыслях и чувствах, значит, тебе по силам повторить это в своих действиях и поступках.

* * *

За отсутствием Любви люди придумали совесть. За отсутствием совести люди придумали долг. За отсутствием долга люди придумали закон. Так мир разделился на рабов и хозяев, на жертв и палачей, на умных и дураков, на своих и чужих, на врагов и друзей.

* * *

Зачерпнуть из Океана мудрости столько, сколько пожелает, может всякий, но вместить его в чашу слов способен только мудрец.

* * *

Я не врачую людей словами: не исцеляю от глупости, не наделяю мудростью. Я просто напоминаю им о том, что все они боги, и глупцы, и мудрецы.

* * *

Ты идёшь по дороге жизни, а твоя глупость бежит впереди тебя, вдохновлённая твоим тщеславием, подгоняемая твоей алчностью. Твоя мудрость же спит у обочины, убаюканная твоей гордостью, не разбуженная пока твоей болью, не встретившейся еще тебе на твоём пути. Всё впереди, человек!

* * *

Обстоятельства, в которых ты пребываешь в каждый момент своей жизни, – всегда наилучшие из всех возможных для тебя на этот самый момент.

Любые обстоятельства, в которых ты пребываешь, вольно или невольно создал ты сам.

Признание этих двух фактов позволит тебе взять ответственность за собственную жизнь и из жертвы обстоятельств превратиться в творца.

* * *

Божий дар – не сундук с сокровищами, не вложенное в тебя сокровенное слово, не сошедшая с небес благодать, не родник с живой водой, забивший в твоём сердце, не посаженное в тебе плодоносящее древо. Божий дар – это пронзившая тебя насквозь огненная стрела, умертвившая твоё тщеславное и горделивое эго и высвободившая твою силу творца.

* * *

Каждый верит в Него в меру той божественности, которой обладает. Каждый обладает той мерой божественности, которую Он в него вложил.

* * *

В конечном – бесконечное,
В смертном – бессмертное,
Во временном – вечное.
Это ты, человек!

* * *

Пока Любовь из чувства не перейдёт в действие, творящее чудеса, она так и останется инстинктом тела или состоянием сознания.

* * *

Человек! Не старайся быть лучше или хуже. Постарайся Быть!

* * *

Мы недолговечны, как звёзды,
Которые, подобно снежинкам,
Медленно падают в Вечность,
Чтобы исчезнуть в ней навсегда.

* * *

Мы забыли о том, что мы боги. И даже о том, что мы люди, нам постоянно приходится напоминать.

* * *

Бог наказывает нас властью и деньгами, а вознаграждает свободой от них.

* * *

Наступит миг –
И мир исчезнет навсегда,
А я пребуду.
Погаснут солнце и луна,
А я пребуду.
Растают звёзды без следа,
А я пребуду.

* * *

Человек! Вся твоя сила уходит на мечту. А на её воплощение остаётся только твоя слабость.

* * *

В попытке найти себя я потеряла Себя. В попытке найти Себя я обрела Его.

* * *

Из-за невозможности доступа к Нему мы придумываем бога, молимся ему и даже получаем от него ответы.

* * *

Чудеса случаются каждый миг. Но мы их не видим: наши очи закрыты, когда открыты наши глаза.

* * *

Тому, чему принадлежит твоё время, принадлежишь ты сам. То, чему принадлежит твоё сердце, принадлежит тебе.

* * *

Стань Человеком, и, может быть, тогда ты вспомнишь, что ты бог!

* * *

Всё человеческое в тебе заканчивается там, где заканчивается твой ум. А дальше начинается либо божественное, либо звериное.

* * *

Мы думаем, что мы умираем,
Что падаем в бездонную пропасть.
Но нет! – у нас вырастают крылья,
И мы взлетаем над нею.
И на самом дне её видим
Наш маленький человеческий мир.

* * *

Когда чаша жизни выпита до дна, в осадке остаётся либо печаль, либо мудрость, либо Любовь. Это то, что мы забираем с собою в Вечность.

* * *

Нельзя быть чуть-чуть живым.
Нельзя быть немножко бессмертным.
Нельзя быть почти богоподобным.

* * *

Дверь, ведущая к Нему, всегда открыта, но человек никогда не идёт простым путём.

* * *

Слово всегда имеет вкус, запах и цвет источника, из которого пришло.

* * *

Мир бросает нам вызов, но оружие выбираем мы. И этот выбор ничем не ограничен: мы вправе сражаться любым оружием, от благородства до подлости, и любым способны убивать и калечить. Но победить мир можно только Любовью.

* * *

Слово – дверь, ведущая в мир людей. Безмолвие – врата в мир Бога.

* * *

Не ищи другого Бога, кроме самого себя.
Не ищи другого пути к Нему, кроме Любви.
Не ищи другой истины, кроме той, что приходит изнутри.
Не ищи другой двери, кроме собственного сердца.

* * *

Все дороги ведут к Нему, даже те, которые уводят тебя от Него.

* * *

Человек! Не ищи виноватых в своих бедах и неудачах. Любые поиски, в конце концов, приведут тебя к тебе самому.

* * *

У Бога нет другого лика, кроме твоего. Но и тебе не осквернить его ни словом, ни поступком, как нельзя запачкаться, отразившись в грязной луже.

* * *

Кого страшней плодить: глупцов презренных иль злобных умников?
И ум, и глупость, без Любви – для мира в равной мере бесполезны.
Но всё ж для тех и для других найдётся в этом мире место,
Ведь мудрые и любящие, как известно, иному миру принадлежат.

* * *

Разбрелись по Земле слова – неразумные чада моих мыслей беспечных.
Разлетелись по вселенным слова – мудрые чада моих чувств священных.
Одни обречены вместе с миром сгинуть, другим дано его возродить.

* * *

За поступками ума и тела мы забываем о поступках души.

* * *

Мы швыряем друг в друга слова, переполненные гневом и злостью, а слова, истекающие любовью, тихо умирают под сердцем.

* * *

Храни свою душу от зависти и лжи, от гнева и злости, от обиды и мести. Но и не объявляй им войну – эти ненасытные хищники, порождённые нашими собственными страхами, тоже имеют право на жизнь в диких человеческих джунглях.

* * *

Даже в самой умной и светлой голове Любовь не живёт, предпочитая ей сердце.

* * *

Я не собираю сокровищ – я принесла их с собою.
Разве не для того, чтоб раздать их, я пришла в этот мир?

* * *

Как бессмертная птица Феникс, я возродилась из пепла,
Когда как прекрасную ведьму меня сожгли на костре.

* * *

Я шла босиком по утренней росе, прозрачные капли вспыхивали на солнце,
И тысячи маленьких радуг, словно бабочки, вылетали из-под моих ступней.

* * *

Самый главный урок на Земле – принять и полюбить свою боль, осознав, что она тебе не враг, а некогда отвергнутое тобой нелюбимое дитя, нуждающееся в заботе, нежности и понимании.

* * *

Следуя за умом, ты можешь получить только то, что он может тебе предложить.
Следуя за сердцем, ты никогда не знаешь, что ты можешь получить.
Следуя за чудом, ты можешь получить всё, что ты пожелаешь.

* * *

Самое страшное и тёмное время – это время перехода из того потерянного для тебя мира, откуда ты пришёл, в тот бездонный неведомый мир, куда ты уйдёшь навсегда. Обычно на это уходит вся человеческая жизнь.

* * *

Из тысячи оторванных лепестков не сделать одной живой розы.

* * *

Слепота внешняя может похитить только этот недолговечный мир. Слепота внутренняя крадёт у тебя Вечность.

* * *

Бабочка – душа цветка,
которому снится,
что он умеет летать.

* * *

В этом мире можно преодолеть всё, кроме самого преодоления, – оно будет с тобой всегда.

* * *

Гнев – яд, отравляющий прежде всего не того, на кого он направлен, а того, кто им наполнен.

* * *

Я никогда не спорю с Жизнью – я всегда говорю ей «да». «Нет» я говорю Смерти.

* * *

Человек! Ты приходишь в этот мир вовсе не для того, чтобы покорить его, а чтобы покориться ему.

Ты приходишь научиться:
у деревьев – терпению,
у птиц – полёту,
у рыб – безмолвию,
у зверей – смирению,
у земли – прощению,
у неба – бессмертию,
у облаков – свободе,
у звёзд – постоянству,
у солнца – щедрости,
у жизни – мудрости,
у смерти – любви,
у мира – благодарности за все дары, что от него получил.

* * *

Иногда нужно умереть, чтобы узнать, как к тебе на самом деле относятся.

* * *

Не слово исцеляет и калечит. И не тот, кто его произносит, не сила, которая ему принадлежит, а Сила, которой принадлежит он сам, но которая служит ему как инструмент созидания и как орудие уничтожения, проявляя себя через слово.

* * *

Я уже выросла из этого игрушечного мирка, но я сохраню его в своей памяти для моих ещё не родившихся внуков.

* * *

Сказано: «Весь мир – театр, а люди в нём – актёры».

А я говорю: «Но есть те, кто предпочёл оставаться зрителями, не принимая участия в игре».

* * *

– Сосуд принадлежит воде или вода сосуду?

– Оба принадлежат тому, кому служат. И друг без друга бесполезны.

* * *

Следовать установленным правилам и канонам – путь добросовестного ремесленника. Нарушать установленные правила и устанавливать свои собственные – путь зрелого мастера. Отказаться от всех правил ради вечного здесь и сейчас – Путь творца.

Первый считает: правила существуют для того, чтобы их соблюдать. Второй утверждает: правила существуют для того, чтобы их нарушать. А третий знает: правил не существует вовсе – мы их придумываем сами.

* * *

Путь к Свету, как и во Тьму, всегда окрашен печалью. В этой печали – вечная неразгаданность и вечная незавершённость, как в утренних и вечерних сумерках –таинственных зазорах между светом и тьмой.

* * *

Мир нуждается в Учителях, но не в проповедниках,
В Пророках, но не в прорицателях,
В Героях, но не в победителях,
В Святых, но не в священниках.

* * *

Из-за отсутствия Бога мир обходится верой в Него.

* * *

То, что мы думаем, и то, что мы чувствуем;то, что мы желаем, и то, что мы имеем, очень редко совпадают. Но то, что мы заслуживаем, и то, что мы получаем, совпадают всегда.

* * *

Из-за отсутствия Мудрости мы довольствуемся образованностью.
Из-за отсутствия Совести мы довольствуемся законом.
Из-за отсутствия Истины мы довольствуемся правдой.
Из-за отсутствия Любви мы довольствуемся браком.
Из-за отсутствия Бога мы довольствуемся религией.

* * *

Человек! Не привязывайся даже к самому себе – и с самим собой тебе придётся расстаться!

* * *

Умереть ради Любви – поступок длиною в смерть.
Жить во имя Любви – поступок длиною в жизнь.

* * *

Жизнь человеческая может быть и товаром, и платой. Те, кто выбирает смерть, сначала получают, а потом расплачиваются. Те, кто выбирает бессмертие, сначала расплачиваются, а потом получают.

* * *

Если у твоей мечты нет крыльев, не удивляйся тому, что ей не удаётся взлететь.

* * *

Мы разрываем в клочья сердца
И умираем от боли и одиночества
На многолюдном перекрёстке миров,
Забыв о собственном бессмертии.

* * *

Человек! Земная грязь так же священна, как свет далёких звёзд. Без неё не расцветёт Цветок Жизни в твоей душе.

* * *

В пустоте и простоте – источник жизни.
В сложности и наполненности – источник смерти.

* * *

Сказано: «Человек рождён для счастья».
А я говорю: «Для счастья, но не для удовольствия».

* * *

Есть люди-острова.
Есть люди-материки.
Есть люди-планеты.
Есть люди-галактики.
Есть люди-вселенные.
И все они умещаются на крохотном шарике Земли.
Но как же им трудно понять друг друга!

* * *

Человек! Скольких за свою жизнь на Земле ты успел сделать счастливыми? А скольких несчастными?

* * *

Я прилетела в этот мир, для того чтобы научиться ползать, но при этом не разучиться летать.

* * *

Человек приходит в этот мир, чтобы найти в нём либо свою смерть, либо своё бессмертие.

* * *

Наш мир – это перекрёсток трёх дорог: направо пойдёшь – истину найдёшь, налево пойдёшь – лучшую долю найдёшь, прямо пойдёшь – себя найдёшь.

Свернув направо или налево, ты можешь найти искомое, но потеряешь себя.

Иди прямо, человек! Если найдёшь себя, то отыщешь истину и обретёшь лучшую долю.

* * *

Совесть, Покаяние, Смирение, Прощение, Благодарность, Вера, Любовь – вот семь ступеней волшебной лестницы, ведущей на Небеса.

* * *

Мир таков, каким мы его видим. Те, кто смотрит на него глазами ума, а значит, разделения, видят его дьявольски жестоким и несправедливым. Те, кто смотрит на него оком души, а значит, единства, видят его божественно прекрасным.

* * *

Высшая алхимия человеческой жизни состоит в том, чтобы, переплавив все свои пороки в тигле собственного сердца, отлить из них золото Любви.

* * *

Есть слова, что исходят от ума, – я узнаю их по запаху смерти. Есть слова, порождённые телом, – я различаю их по запаху плоти. Есть слова, что рождаются в сердце, – я ощущаю их по жару в груди.

А есть слова, что приходят от Духа, они сами меня выбирают. Их Сила способна воскрешать мертвецов и разрушать города. Но я научилась вверять их бумаге.

* * *

Человек! Ты яростно сражаешься с миром, не ведая о том, что в этой жизни тебе уготованы только две достойные битвы – с самим собой и со смертью. В одной ты можешь одержать победу, в другой ты обречён на поражение. ВОЗМОЖНО ЭТО?!!

* * *

Предки моих предков приходили в этот мир боли и одиночества, чтобы когда-нибудь однажды вернуться потомками моих потомков в этот мир света и волшебства.

* * *

Ушедших слова и лица
Не в силах ко мне пробиться.
Я в них больше не верю –
Я закрываю им двери.
В окна они влетают –
И окна я закрываю.

Они подступают к сердцу –
Никуда мне от них не деться.
И чуть душу я приоткрою,
Как они становятся мною.

* * *

Человек! В какой момент ты перестал быть волшебной флейтой в Его руках, согласившись на роль выхлопной трубы?

* * *

Мир соткан из боли и слёз. Но разве не мы сами соткали это полотно, которое всегда оказывается нашим саваном?

* * *

Из сваренного яйца никогда не вылупится птенец.

* * *

Люди! Вы мёртвые программы, облачённые в лживые образы. Смерть стала для вас жизнью, а ложь – истиной.

* * *

В пустыне земного бытия такое множество мёртвых песчинок и такая малость живой воды!..

* * *

Если, совершив зло, ты не раскаиваешься в содеянном, значит, твоя душа серьёзно больна. А если нет даже чувства вины, то больна неизлечимо.

* * *

Я вечная река Жизни.
Как чисты Мои священные воды!
Они могут воскресить любого,
Кто едва соприкоснётся со Мной.

Я вечная река Смерти.
Как глубоки Мои тёмные воды!
Они способны поглотить любого,
Кто рискнёт погрузиться в Меня.

* * *

Человек! Признайся, что для тебя важнее: быть счастливым или выглядеть счастливым в глазах окружающих? Честный ответ многое объяснит.

* * *

Мы учимся жить, не умея быть.
Мы учимся брать, не умея отдавать.
Мы учимся иметь, не умея отпускать.
Мы учимся наполнять, не умея опустошать.
Мы учимся отвергать, не умея принимать.
Мы учимся сопротивляться, не умея смиряться.
Мы учимся судить, не умея прощать.
Мы учимся верить, не умея любить.

* * *

Птица Феникс не создана для того, чтобы нести яйца, а огонь, в котором она сгорает, не предназначен для приготовления омлета.

* * *

Человек! Научись быть счастливым в своём несчастье – и тогда много несчастных станут чувствовать себя счастливыми, даже не обретя счастья.

* * *

Человек! Твоя трагедия не в том, что ты конечен в вечном мире, а в том, что ты бессмертен в смертном теле.

* * *

Не пытайся ни добраться, ни дотянуться, ни дорасти умом до сердца – всё равно не получится!

* * *

Всё когда-нибудь заканчивается. Даже вечность. Чтобы уступить место другой вечности.

* * *

Человек! Ты единственное существо во Вселенной, которое способно подняться выше Богов или упасть ниже скотов. Взлететь на вершину Мирозданья или исчезнуть в безвестности, канув в бездну небытия. Стать немеркнущим Светом или быть навсегда поглощённым Тьмой.

* * *

– Я шла на голос сердца, как ты сказал, – и оказалась в настоящем аду.

– Нельзя изменить предназначенное свыше: тебе было этого не избежать. Но сердце привело тебя в самое безопасное место из тех, что там существуют. И ты всё ещё жива, в отличие от тех, кто следовал голосу рассудка.

* * *

Терпи, даже если не терпится,
Прощай, даже если не прощается,
Верь, даже если не верится,
Молись, даже если не молится,
Люби, даже если не любится,
Если хочешь оставаться Человеком.

* * *

Человек! Не относись к себе слишком серьёзно, иначе рискуешь стать либо жертвой, либо судьёй, либо палачом.

* * *

Не держись за свой мир, он может рухнуть в любую минуту – и ты окажешься погребённым под его обломками.

* * *

Истина в том, что вы боги – именно поэтому вам так трудно оставаться людьми.

* * *

Мы стучимся в закрытые двери человеческой учёности или человеческого невежества, упорно не замечая распахнутых дверей человеческого сердца.

* * *

Твои слова обо мне, твои мысли обо мне, твои чувства обо мне – это не я. Это ты сам.

* * *

Мы приходим к Нему не тогда, когда Он готов принять нас, а когда мы готовы принять Его.

* * *

– У меня слишком много Любви, чтобы отдавать её только тем, кого я люблю.

– Любви слишком много не бывает. В этом мире её всегда недостаточно.

– Недостаточно для чего?

– Для того, чтобы оставаться действительно живым среди живых мертвецов.

* * *

К Нему приходят не в царских одеждах, а в рубище нищего, не в славе, а в смирении, не в победах и достижениях, а в поражениях и потерях, не извилистой тропою ума, а прямой дорогой сердца.

* * *

Это не стена – это всего лишь туман.
Это не убийца – это просто тень.
Это не препятствие – это мост.
Это не пожар – это рассвет.
Это не смерть – это Переход.

* * *

Человек! Ты слишком быстро поверил в то, что ты ничто. Поверь так же быстро в то, что ты – Всё!

* * *

Человек! Ты боишься тьмы? Сам стань Светом!

* * *

Кто определяет твою судьбу – ты или твои пороки?

***

Если ты не будешь спрашивать себя каждое утро: чему мне предстоит радоваться сегодня, то тебе придётся решать, о чём ты станешь горевать.

* * *

Человек! На что ты тратишь время, отведённое тебе на Земле, – на жизнь или на выживание?

* * *

Жизнь – внутри. Снаружи – всего лишь её имитация.

* * *

Ты бесконечен, а ограничиваешь себя телом, планетой, вселенной.
Ты вечен, а ограничиваешь себя мгновеньями, годами, жизнями.
Ты – всё, что есть, а ограничиваешь себя именами, поступками, событиями.

* * *

Я могу объясняться на многих языках, но знаю только один – язык моей души.
Я говорю на языке ума со всеми, кто меня окружает, но могу говорить на языке души только с теми, кто её имеет.

* * *

Я загнала себя в тиски ума на бескрайних просторах своей души.
Так в знакомом лесу попадает в капкан свободный дикий олень.

* * *

Что смерть? Она не помеха.
Я отыщу тебя во вселенной своей души,
чтобы уже не расставаться с тобой никогда.

* * *

Мы шли по дороге. И нас было так много. Кто-то, устав, присел у обочины. Кто-то свернул в сторону на развилке. Кто-то сбавил скорость и понемногу отстал. Кто-то передумал и повернул назад. Кто-то просто растаял в тумане. А кого-то поглотила тьма. Моими спутниками остались только Солнце и Ветер. Они никогда меня не покинут и не предадут.

* * *

Человек! Поверь в красоту собственной души – и эта вера приведёт тебя к Нему!

* * *

Если тебе комфортно в пределах своего тела, то зачем искать что-то большее? В путь отправляются только те, кто его перерос.

* * *

Иногда, чтобы достичь своей цели, необходимо не что-то обрести, а от чего-то отречься.

* * *

Откуда приходит Любовь?
Оттуда, откуда и зависть,
Оттуда, откуда и злость,
Оттуда, откуда и подлость,
Оттуда, откуда и ложь,
Оттуда приходит Любовь.

* * *

И в мудрости, и в невежестве мы ограничены. Мы безграничны только в Любви.

* * *

Будь среди потерявших, но не среди потерянных,
будь среди отверженных, но не среди отвергнутых,
будь среди покинувших, но не среди покинутых,
будь среди забывших, но не среди забытых,
будь среди отринувших, но не среди отринутых,
будь среди мёртвых, но не среди умерших,
будь среди сыновей, но не среди пасынков,
для того, чтобы оставаться живым
среди тех, кто только притворяется живым.

* * *

Человек! Твоё процветание и успех зависят от того, сколько ты даёшь миру, а не от того, сколько ты у него забираешь.

* * *

Жизнь имеет смысл в присутствии Любви. В отсутствие Любви жизнь имеет повод, долг, необходимость, цель и ещё многое другое, но смысла не имеет.

* * *

Сказано: «Сколько людей, столько и мнений».

А я говорю: «Сколько умов, столько и заблуждений. Сердце никогда не заблуждается».

* * *

Ничего так не жаждут наши сердца, как перемен!
Ничего так не страшатся наши умы, как перемен!

* * *

Тот, кто сказал, что мы, покидая Вечность, приходим в этот мир разделения за недолгим и ненадёжным человеческим счастьем, либо величайший глупец, либо величайший искуситель.

* * *

Истина за пределами самого себя – это либо ложь, либо чужое знание.

* * *

Невозможно учиться на чужих ошибках, как невозможно насытиться, глядя на чужой жующий рот.

* * *

Мой мир разваливается на куски. Это жизнь откалывает от меня всё лишнее.

* * *

Твоё счастье построено на слове «иметь» или «быть»? Оно определяется действием или состоянием?

* * *

Существует четыре способа жить. Первый способ – тяжело находить, тяжело терять. Второй – легко находить, тяжело терять. Третий – тяжело находить, тяжело терять. Четвёртый – легко находить, легко терять. Но только один из них позволяет быть счастливым. Ты уже догадался, какой?

* * *

Мне пришлось испытать столько боли! Но какое же это счастье, что я испытала её распятой на кресте, а не в толпе распинателей!

* * *

Счастье – это не то, чего достигают, счастье – это то, чем становятся.

* * *

Умник, глупец, безумец – характеристики ума. Мудрец – тот, кто вышел за его пределы.

* * *

Не ищи проводника – ищи Путь.
Не ищи возлюбленного – ищи Любовь.
Не ищи попутчика – ищи Себя.
Не ищи учителя – ищи Бога.

* * *

Я сижу на базарной площади мира, наблюдая, как караваны человеческих жизней, сменяя друг друга, проходят мимо торговых рядов.

* * *

Знания, принадлежащие голове, так же тленны, как плоть, которой они принадлежат: то, что телу достаётся, с телом и остаётся.

* * *

Я припадаю к Источнику Бытия и пью из него то радость, то горе, то жизнь, то смерть.

* * *

– Почему самые важные на свете слова: «Бог», «человек», «воздух», «огонь», «хлеб», «мир» – мужского рода?

– Но ведь не менее важные слова: «Земля», «любовь», «душа», «вечность», «жизнь» – женского рода.

* * *

Моя история не стара, как мир, –
Моя история древнее всех миров.
Она вне жизни и вне смерти,
В ней нет ни истины, ни лжи.
Вечность и время – её порожденье.
Она без начала и без конца,
Была, есть и будет…

* * *

Три дерева, посаженные Его рукой, растут в саду Мирозданья: дерево жизни, дерево смерти и дерево бессмертия. Дерево смерти и дерево бессмертия стоят нетронутыми, а у дерева жизни отломаны все ветки и оборваны все плоды.

Люди страшатся смерти и бессмертия, но и то, и другое – их удел.

* * *

О, вы, те, к кому я прикована жизнью и смертью!
Наша скорбная связь продлится недолго!
В назначенный срок я вернусь к тем, с кем связана Вечностью

* * *

Чёрточка между двумя датами на могильной плите – путь от материнского чрева до чрева матери Земли.

* * *

Жизнь продолжается.
Даже под толщей снега,
Даже под слоем пепла,
Даже за последней чертою,
Даже за могильной плитою,
Даже за словом «смерть».

* * *

Чтобы выразить невыразимое,
Кому-то требуется толстая книга,
Огромное здание из слов-кирпичей;
Кому-то достаточно нескольких строк,
Стаи птиц, летящих через страницу;
Кому-то и слова вполне довольно,
Бабочкой хрупкой слетевшей с уст;
А кто-то способен своим молчаньем
Землю наполнить животворным Светом.

* * *

Миг смерти будет радостно приветствовать тот, кто праздновал каждый миг жизни.

* * *

Человек! Ты считаешь, что твои гнев, печаль и отчаяние всё же лучше, чем зависть, алчность и злость. Может быть… Но подумай, из чего тебе приходится выбирать!

* * *

Деградация чувств в браке: чувство любви –>чувство долга –> чувство утраты –> чувство вины.

* * *

Когда-нибудь я проснусь от жизни, от смерти, от бессмертья,
Стряхну с себя золотую пыльцу планет, кружащихся у моего изголовья,
И увижу, что я сладко спала в звёздной колыбели Вечности,
Окружённая ожившими персонажами из моих сказочных сновидений…

* * *

Мы – игрушки, разбросанные по планете, детской песочнице Вечности,
Наигравшейся с нами вдоволь за прогулку длиною в тысячелетья.

* * *

Ничто так не пачкает и не очищает душу, как слова: прослушанные, прочитанные, прописанные, произнесённые, продуманные, прочувствованные, проделанные, проверенные, прожитые.

* * *

Умники всегда остаются в дураках, а дураки получают в жёны царскую дочь и полцарства в придачу.

Почему? Да потому, что умник полагается на свой ум, а дурак – на Бога.

* * *

Нельзя напиться впрок.
Нельзя надышаться впрок.
Нельзя намолиться впрок.
Нельзя налюбиться впрок.
Нельзя нарадоваться впрок.
Нельзя напечалиться впрок.
Нельзя нажиться впрок.
Нельзя наумираться впрок.

Но можно напиться вдоволь.
Но можно надышаться вдоволь.
Но можно намолиться вдоволь.
Но можно налюбиться вдоволь.
Но можно нарадоваться вдоволь.
Но можно напечалиться вдоволь.
Но можно нажиться вдоволь.
Но можно наумираться вдоволь.

* * *

Сегодня в полночь я принесла в жертву этому жестокому и алчному миру все свои бесчисленные маски и защитные доспехи, предав их священному огню.

И вот с обнажённой душой и распахнутым сердцем я стою перед миром, облачённая лишь в Любовь.

* * *

Живя в этом мире, ты успеваешь загрязниться умом, но не душою. Вовремя подоспевшая смерть спасает её от липкой и зловонной человеческой грязи.

* * *

Человек! Будь зеркалом мира, но не тем, что оно отражает. И пусть, как в зеркале, сменяющиеся в тебе картины не задевают ни твоей поверхности, ни твоей глубины.

* * *

Человек! Деградация твоей души начинается тогда, когда твой ум начинает использовать её, а не тело для достижения своих целей.

* * *

Единственный живой источник Любви в этом мире – ты сам, человек! Позволь же миру припасть к твоим священным водам, омой и напои его своей Любовью. Разве не в этом твоё истинное предназначение?

* * *

Человек! Отдавай миру всё, что имеешь, не экономя на себе, – и бери у мира всё, что пожелаешь, не экономя на мире!

* * *

Человек! Если твоей иконой стал чёрный квадрат, то что стало с твоей душой?

* * *

Человек! Неужели весь твой жизненный опыт состоит лишь в приобретении способности приспосабливаться к миру, искусно притворяясь и вовремя меняя маски?

* * *

Человек! Если ты действительно следуешь за жизнью, то почему она всегда приводит тебя к смерти? Возможно, потому, что смерть умеет ловко выдавать себя за жизнь.

* * *

Я научилась молчать, чтобы перестать проповедовать и начать вещать. Проповедует ум. Вещает сердце. БРЕД!!!

* * *

Наши пороки – это наши скрытые добродетели, отвергнутые фрагменты нашей души, нуждающиеся в исцелении Любовью.

* * *

Только наши ошибки и промахи позволяют нам быть милосердными и прощающими, спасая от высокомерия и гордыни.

* * *

Если опыт – сын ошибок, то мудрость – их дочь.

* * *

Я иду по твоим следам. Но они обрываются не у твоей могилы, а на пороге моей души.

* * *

Мы песчинки Времени в пустыне Бытия. Но в этих песчинках сокрыта Вечность.

* * *

Ты был живым факелом, который многие годы освещал мой путь. Но вот тебя нет – а твой свет всё ещё светит.

* * *

Поглощённые заботами дня, мы волочим за собой своё мёртвое прошлое, не замечая великого таинства появления на свет живого, трепещущего мгновения здесь и сейчас, вмещающего в себя саму Вечность.

* * *

Вечность не вместится ни в какую ёмкость, кроме нашего сердца.

* * *

Твоё богатство – не внутри и не снаружи. Единственное твоё богатство – это ты сам, человек!

* * *

Я шла по дороге Жизни,
поросшей травой Забвения,
ведущей к реке Времени,
села на корабль Судьбы,
отчалила от берега Памяти
и поплыла в океан Вечности,
чтобы стать островом Надежды,
омываемым водами Любви.

* * *

Самая большая твоя победа и самый большой твой дар Земле – выросшее в твоём сердце дерево Любви.

Всегда прорастают те семена, которые ты посадил. А что посадил ты, человек?

* * *

Бороться со злом методами зла означает преумножать зло.

* * *

Люди! Ангелы не залетают в ваши души, потому что в них слишком тесно, чтобы расправить крылья, а в иных уже давно поселились демоны.

* * *

Крылья – не самая важная часть тела. Можно жить и без них. Но разве это жизнь для того, кто знает, что такое полёт?

* * *

Быть человеком – это твоё право, но не твоя обязанность. Ведь у тебя такое же право быть богом.

* * *

Даже ангелы не обладают свободой воли. И даже Бог не в силах у тебя её отнять.

* * *

Самое большое испытание в жизни – совмещать в себе Бога и человека и при этом всегда помнить, кто за кем стоит.

* * *

Человек! Это твоё Богом данное право не соглашаться на состояние души и тела ниже уровня совершенства.

* * *

Человек! Если ты научился любить и прощать без всяких условий и ограничений, то тебе больше нечему учиться у этого мира.

* * *

А твоей Веры и Любви хватает на то, чтобы молиться за тех, кто тебя обманул и предал? Нет? Тогда тебе есть над чем работать.

* * *

Если ты надеешься, что Бог встретит тебя за порогом смерти, то зря: Бог не среди мёртвых – Он среди живых.

* * *

Человек! Когда ты действительно поймёшь, что отличает тебя от животного, то ты перестанешь им быть.

* * *

Человек! Пока ты не обрёл Его совершенства, единственно прекрасное, что у тебя есть, – это твоё благословенное несовершенство. И оно нуждается не в критике и осуждении, а в приятии и любви.

* * *

Человек! Не причиняй боль даже твоим врагам. Это важно не для них – это важно для тебя.

* * *

Человек! Ты не в силах изменить своих детей, но они в силах изменить тебя.

* * *

Мы покидаем этот мир в двух случаях: когда этому миру уже нечего дать нам или когда нам уже нечего дать этому миру.

* * *

Как много в этом мире богобоязненных и как мало боголюбивых!
Как много рабов Божьих и как мало чад Божьих!
Как много осуждающих и как мало прощающих!
Как много вокруг тел и как мало душ!
Как много Тьмы и как мало Света!

* * *

В обстоятельствах, где невозможно сохранить человеческие качества, нужно попробовать проявить божественные, а не скотские.

* * *

Если ты следуешь за телом, то ты скот. Если тобой управляет ум, то ты человек. Если тебя ведёт душа, то ты Бог.

* * *

Какой награды ты ждёшь от жизни, когда сама жизнь и есть награда?

* * *

Сколько всего тебе ещё нужно приобрести, чтобы жить, как человек! От сколького тебе ещё придётся отказаться, чтобы жить, как Бог!

* * *

Человек! Ты прячешь от окружающих свои алчность, зависть и злость. А куда ты их прячешь? В сердце. Там они и живут.

* * *

Мы разучились быть богами, так и не научившись быть людьми. Поэтому нам ничего другого не остаётся, как оставаться либо звеньями биологической цепочки, либо единицами социальной системы.

* * *

Человек! Вся твоя жизнь уходит на то, чтобы отбиваться от нападок судьбы. И только за порогом смерти ты внезапно понимаешь, что тебя просто тормошили, не давая заснуть вечным сном.

* * *

Сердце – это мост между телом и душой, а ум – непреодолимое препятствие.

* * *

Человек! Выпусти наружу свою тщательно скрываемую тьму. Возможно, в этом мире она окажется светом: танцем или картиной, поэмой или песней, исповедью или молитвой.

* * *

В этом мире умов и тел мы стыдливо прячем свои души,
чтобы не выглядеть слишком уязвимыми,
слишком счастливыми,
слишком величественными,
слишком неземными…

* * *

Человек! Ты уже смирился с несовершенством мира? А с собственным несовершенством?

* * *

Есть мысли – утлые лодчонки. Есть мысли – гиганты-корабли.
Но ни тем, ни другим не доплыть до океана Вечности.
Мысли не охватить Бога – это работа сердца, а не ума.

***

Люди! Ваши тела стареют и разрушаются так стремительно и так неотвратимо, потому что они предназначены только для Счастья, Света и Любви. Для всего остального вы их предназначили сами.

***

Человек! Свой Свет ты расходуешь на достижение желаний ума и потребностей тела. А твоя душа так и остаётся во тьме.

* * *

Человек! В твоём распоряжении Вечность, а ты пользуешься только жалкими крохами быстротечных земных часов и лет.

* * *

Сегодня ночью я приоткрыла дверь моего сердца – и весь мир наполнился живым, пульсирующим Светом. Но люди крепко спали и ничего не заметили.

* * *

Люди! Вы так беспросветно счастливы в своей беспредельной слепоте, что не видите ни глазами, ни сердцем, что ваш день – тьма, а ваша жизнь – смерть.

* * *

Человек! Воспоминания и эмоции, запертые в теле, ты принимаешь за свою внутреннюю жизнь, сменяющиеся картины и звуки, принадлежащие миру, – за жизнь внешнюю, а смерть тела – за прекращение всякой жизни. Ты заблуждаешься и в первом, и во втором, и в третьем, хотя бы потому, что ты не тело.

* * *

Самая большая роскошь на Земле – жить здесь и сейчас. Это могут позволить себе только святые. Все остальные довольствуются разложившимся прошлым или не родившимся будущим.

* * *

Уже наступило время, когда приходится выбирать между смертью и бессмертьем. Не ошибись в своём выборе, человек!

* * *

Этот мир может дать тебе только то, что имеет. Но за это он возьмёт всё, что имеешь ты. А что ты, вообще, имеешь, кроме самой жизни? Да и тебе ли она принадлежит?

* * *

Труднее всего признать, что жизнь прожита зря. Ещё труднее – задать себе вопрос: а жизнь ли это?

* * *

Все твои решения принимает твой болтливый и расчётливый ум, а не сердце. Сердце не умеет лгать, выгадывать и просчитывать. Оно может только молча терпеть, болеть и любить.

* * *

Хлеб, молитва и любовь – вот всё, что тебе нужно, чтобы оставаться человеком. Чтобы стать Богом, достаточно одной Любви.

* * *

Образованность имеет такое же отношение к мудрости, как похоть – к любви.

* * *

Моя молитва – без слов и без жестов, без слёз и без просьб.
Моя молитва – это Свет, льющийся из сердца.

* * *

Сбываются только мечты и кошмары. Всё остальное идёт своим чередом.

* * *

– Пришло время прощаться. Я отправляюсь в Путь на поиски Первопричины.
– Истины?
– Нет.
– Мудрости?
– Нет.
– Силы?
– Нет.
– Любви?
– Нет.
–Тогда что же есть Первопричина?
– Я есть. Я есть Истина. Я есть Мудрость. Я есть Сила. Я есть Любовь.
– Так ты отправляешься на поиски самого себя? Разве нельзя это сделать, не покидая стен отчего дома?
– Иногда, чтобы отыскать Себя, нужно отправиться в дальний Путь.
– Но ты ведь вернёшься обратно?
– Это Путь без возврата.
– Наши дороги ещё могут пересечься. Давай не будем прощаться.
– Дороги, но не пути. Даже если мы встретимся вновь, это буду уже не я.

* * *

Есть только два способа пройти по дороге жизни: от себя самого к смерти и от смерти к Самому Себе. Все сопутствующие этому обстоятельства большого значения не имеют.

* * *

Есть те, что могут загрязнить даже взглядом.
Есть те, что способны исцелить даже словом.

* * *

Правда в этом мире – ложь.
Любовь в этом мире – похоть.
Сила в этом мире – жестокость.
Помощь в этом мире – расчёт.
Мудрость в этом мире – хитрость.
Свобода в этом мире – рабство.
Смирение в этом мире – гордость.
Слава в этом мире – позор.
Свет в этом мире – тьма.
Жизнь в этом мире – смерть.
Не попадись в ловушки этого мира, человек!

* * *

Я только делаю то, что умею – вручаю миру Его дары.
Я лишь послушное перо в Его руках, негромкое эхо Его слов.

* * *

Человек! Если твоё тело не стало храмом Бога, то оно в лучшем случае осталось машиной для переработки пищи, в худшем – сделалось жилищем Дьявола.

* * *

Во мне живут два голоса.
Один – громкий и властный.
Его слышат все.
Другой – тихий и робкий.
Его слышу только я.
Голос Света всегда тише голоса Тьмы.

* * *

Во мне живут две силы.
Одна – созидает и разрушает.
Другая – творит.
Одну – зовут моим именем.
У другой – множество имён.
Одну – знают все.
Другую – знаю лишь я.
Одна – управляет и борется.
Другая – созерцает и молится.

* * *

Прежде мой Дар принадлежал мне – ныне я принадлежу своему Дару.
Прежде я училась управлять моим Даром – ныне я учусь подчиняться ему.
Прежде нас разделял изменчивый мир – ныне нас связывает Вечность.

* * *

Вера и неверие не уравновешивают друг друга – они друг друга уничтожают.

* * *

Человек! Не сражайся с чужой тьмой! Попытайся признать и полюбить собственную!

* * *

Мы живём в мире, где мёртвые распинают живых, где слепые судят зрячих, где мудрецов принимают за безумцев, где о теле заботятся больше, чем о душе, где калечат и убивают именем Бога, где святость – удел избранных, где свет притворяется тьмой.

* * *

Если у человека нет ничего святого, то нет и самого человека.

* * *

Все пути ведут к Богу. Но, отправляясь на Его поиски, никогда не знаешь, куда приведёт тебя дорога.

* * *

Если ты научился отличать человека от Человека, то половина Пути к Богу тобой уже пройдена.

* * *

Человек! Как твоя жизнь может принадлежать тебе, если ты сам принадлежишь жизни?!

* * *

Здание успеха строится из кирпичей ошибок и неудач.

* * *

Своему недругу и завистнику я говорю: «Ну что мне делать, если даже моя лужа глубже твоего океана? И если твой колодец высох, это не повод плевать в чужой».

К сказанному мне нечего добавить.

* * *

Моя жизнь сложена не из мгновений,
Не из событий и даже не из откровений,
А из людей, встреченных и не встреченных,
Мною обласканных и покалеченных,
Зачитанных до дыр и даже незамеченных.

* * *

Ах, человек! Столько непоправимых ошибок в жизни, сколько ты совершил по вине своего ума, ты совершил разве что по причине своей глупости!

* * *

Внешний мир не предназначен для внутреннего использования. В больших дозах он даже смертелен.

* * *

– Какая смесь опаснее и страшнее: зависть и алчность или невежество и тщеславие?
– Пожалуй, всё-таки подлость и трусость.

* * *

Ты стёк по жизни слезою,
Оставив след на моей щеке
И шрам на моём сердце.

* * *

Паралич воли – болезнь тысяч. Паралич души – болезнь миллионов.

* * *

Существует шесть категорий людей.
Те, что рассуждают о жизни. Это философы.
Те, что созерцают жизнь. Это отшельники.
Те, что участвуют в жизни. Это властители.
Те, что присутствуют в жизни. Это обыватели.
Те, что творят жизнь. Это художники.
Те, что проживают жизнь. Это мудрецы.
Человек! Ты уже понял, кто ты?

* * *

Жизнь человека – путь от могилы телесной до могилы земной, ибо если тело – не храм Божий, то оно – склеп.

* * *

Изменить себя значительно проще, чем законы Вселенной. Но человек жизнь за жизнью пытается доказать обратное.

* * *

У жизни всегда счастливый конец: в положенный срок каждый возвращается Туда, откуда пришёл.

* * *

Люди наполнены либо страхом и гневом, либо любовью и благодарностью. Чем они наполнены, тем и являются.

Ты кто, человек?

* * *

Прежде чем отправиться на поиски Бога, спроси себя, готов ли ты к распятию.

* * *

Наш мир держится на Любви.
И не только наш.
И не только мир.

* * *

Мы мечтаем быть счастливыми и успешными,
Но становимся несчастными и ненужными.
Мы хотим оставаться молодыми и сильными,
Но превращаемся в дряхлых и беспомощных.
Мы отчаянно цепляемся за ускользающую жизнь,
Но оказываемся в холодных объятьях смерти.
Нашим мечтам не суждено сбыться.
Нашим желаниям не дано осуществиться.
Наш путь обрывается во тьме.
Что же мы делаем не так?

* * *

Мы все в этом мире побеждённые, особенно победители,
И те, что судеб вершители, и те, что мира покорители.

* * *

Иногда моя спокойная река превращается в бурлящий стремительный поток. А иногда мелеет и даже пересыхает. И тогда на дне её русла вырастают диковинные цветы, на аромат которых слетаются легкокрылые феи и эльфы. А когда прибывает вода, она наполняется оставленным ими волшебством – оно в каждом глотке, в каждой прозрачной капле.

* * *

Я в мире живу ином. В этом – я умираю:
Первый раз – бессмертной душой,
Второй раз – бренным телом.
Но ни одному из миров я не принадлежу.
Я – Исток, который их порождает.

* * *

В душе моей – два бездонных колодца.
Один – с водой небытия и забвенья,
Другой – с водой бессмертья и пробужденья.
Я пью то из первого, то из второго,
Но мне никак не утолить моей жажды.

* * *

Здесь, в мире иллюзий, мы сдаём экзамен на право Жить в мире Истины. Провалившие экзамен – в могилах, сдавшие – на Небесах.

* * *

Человек! Ты действительно создан для счастья. Ты, но не твоё тело и не твой ум.

* * *

Наши взгляды встретились.
Наши души соприкоснулись.
Мир вздрогнул и покачнулся,
И Земля ускорила своё вращенье.

* * *

Птица Феникс сидит на моём левом плече,
Птица Гамаюн восседает на правом.
А Жар-птица живёт в моём сердце.
Одна напоминает мне о смерти.
Другая вещает о жизни вечной.
А третья наполняет Светом Любви.

* * *

Не всем сила даётся, чтобы вершить великое дело.
Есть те, кому сила даётся, чтобы одолеть великое горе.

* * *

Мир держится на женщине. Мужчина является его составляющей.

* * *

Человек! Перестань быть венцом творения! Стань творцом!

* * *

Мужчина приходит в мир, чтобы разрушать, женщина – чтобы воскрешать,
Мужчина – чтобы нарушать, женщина – чтобы разрешать,
Мужчина – чтобы защищать, женщина – чтобы прощать,
Мужчина – чтобы дарить, женщина – чтобы благодарить,
И оба здесь – чтобы любить.

* * *

Люди делятся на образованных и невежественных. Однако образованность не избавляет от невежества. От невежества избавляет только мудрость. Поэтому вернее было бы сказать, что люди делятся на мудрых и всех остальных.

* * *

Главный показатель жизненного успеха – это количество радости, посылаемой в мир.

* * *

Существует четыре категории людей. К первой относятся те, которые радуются тому, что имеют. Ко второй – те, которые имеют то, чему радуются. К третьей – те, которые не имеют того, чему радуются. А к четвёртой – те, которые что-то имеют, но ничему не радуются.

К какой категории относишься ты, человек?

* * *

– О чём поёт Матерь Мира?

– О Любви. О чём же, как не о Любви, может петь мать своим детям? Даже если они глухи и не слышат её голос…

* * *

Груз ответственности и груз безответственности весят одинаково, но второй людям кажется легче.

* * *

Человек! Жизнь давно наградила тебя телом и душой, а ты продолжаешь клянчить у неё то, чем должен одаривать её сам.

* * *

Жизнь до краёв заполнена Любовью, а мы постоянно ищем подделку и суррогат.

* * *

Любовь – строительный материал Мирозданья. Всё создано из Любви, даже ненависть и страх. Так уж этим доверенным ему материалом распорядился человек.

* * *

Те чувства, которые мы заставили испытать других, придётся пережить нам самим. Это огорчает и радует одновременно.

* * *

Каждый из нас – штучное творение, конвейерными изделиями мы себя делаем сами.

* * *

Величина ума определяется его способностью вмещать в себя знания этого мира. Размеры души определяются её способностью вмещать в себя Вечность.

* * *

Позади меня – уходящие в небо песчаные барханы времени.
Впереди – непроницаемый туман звёздной пыли.
Разделительная полоса – моё сердце.
Шаг назад, шаг вперёд – и я исчезну в Бесконечности.

* * *

Можно быть трещиной между мирами, а можно – звёздным мостом.

* * *

Сказано: «Бог есть Любовь».
А я говорю: «Если ты наполнен Любовью, то ты – Бог».

* * *

Человек! В этой жизни ты ничем не рискуешь, потому что ничем не обладаешь. Даже твоя жизнь тебе не принадлежит.

* * *

Мои тайны не похоронены в земле.
Мои тайны не погребены в моей памяти.
Они глядят на меня ясными глазами звёзд.

* * *

У этой Тайны мои глаза, мой голос, моё имя.
Но всё равно она останется Тайной для всех.
Даже для меня.

* * *

Человек – единственный на Земле, кто может падать вверх.

* * *

Рабу достаточно немного свободы.
Рабу достаточно немного любви.
Рабу достаточно немного счастья.
Но нельзя быть немного свободным.
Но нельзя быть немного любимым.
Но нельзя быть немного счастливым
И нельзя быть немного рабом.

* * *

Нужно быть живым, чтобы увидеть, что вокруг все мертвецы.

* * *

Человек! Вся Вселенная не в силах вместить тебя, вся Тьма не в силах поглотить тебя, вся Бесконечность не в силах объять тебя. Если ты наполнен Светом Любви.

* * *

Люди! Вы ползаете по заданной траектории, а воображаете, что парите в небесах.

* * *

Человек! Ты тщишься разгадать вечные тайны Мирозданья, но при этом не знаешь устремлений собственной души.

* * *

Человек создан для счастья, но не счастье – для него.
Создай сам своё счастье, человек!

* * *

Вы – неизречённые слова, ненаписанные книги,
Вы – наброски, заготовки, незаконченные черновики,
Вы – упавшие с неба звёзды, по Земле разбросанные,
Вы – некогда бесстрашные Боги, забывшие дорогу Домой.

* * *

Мы прилетаем сюда на свет, но оказываемся во тьме. Мы уходим отсюда во Тьму, чтоб возвратиться в Свет.

* * *

Чтобы прийти к Нему после смерти, нужно встретиться с Ним при жизни.

* * *

Человек! Убивай людей благородством. Это единственный вид убийства, способный вернуть их к жизни.

* * *

Я не завоюю этот мир борьбой, я не покорю этот мир смирением.
Я наполню его Любовью и покину, оставив воителям и миротворцам.

* * *

Если слово твоё мертво, то и сам ты мёртв.

* * *

Человек! Как, будучи сыном Божьим, ты либо отрекаешься от Отца своего, либо называешь себя Его рабом?

* * *

Человек! Впусти Бога в свою жизнь, ведь в Свою Он тебя уже впустил.

* * *

Я не ищу слова – они меня сами находят.
Мои остаются со мной, чужие – к другим уходят.

* * *

На Пути к Самому Себе ты неизбежно встретишь четыре препятствия. Первое – тело, функционирующее по заданным программам. Второе – ум, обрабатывающий эти программы. Третье – разум, создающий эти программы. Четвёртое – Дух, свободный от всех программ.

Иногда то, что ты принимаешь за цель, может оказаться самым непреодолимым препятствием.

* * *

В море моих слёз плещется разбитая лодка твоей и моей судьбы.

* * *

Камни – осколки разбившихся звёзд. Они мечтают вырасти в скалы, чтоб дотянуться до неба.

* * *

Золочёные мумии осенних листьев, словно неупокоенные души, летают по городу в поисках пристанища. Милосердная зима погребёт их со всеми почестями.

* * *

Труд без вдохновения – мышечная работа.
Творчество без вдохновения – мыслительная работа.

* * *

Слова-живые младенцы,
Слова-священные знаки,
Слова-пылающие факелы,
Слова-разящие стрелы –
Такими сотворили их Боги.

Слова-напомаженные трупы,
Слова-мёртвые детали,
Слова-комья грязи,
Слова-отравленные пули –
Такими их сделали люди.

* * *

Неприкаянные тени слов, погребённых в гробницах книг, скитаются по Земле, прилипая к незрелым душам чёрной липкой коростой.

* * *

Мы замечаем, как месяцы и годы увечат и корёжат тела и лица, но мы не видим, как слова и поступки безобразят и калечат сердца и души.

* * *

Нас судят по чему угодно, но только не по душам! Судит ум, а душа ему недоступна.

* * *

Мы – сокровищницы непроизнесённых слов, спрятанных в тайниках наших сердец под зловонными кучами словесного сора, исторгнутого из наших умов.

* * *

С проложенной кем-то дороги всегда можно свернуть в собственное Неведомое.

* * *

Можно осуществить чужую мечту, но невозможно достичь чужой цели.

* * *

Человек! А ты способен отличить свою собственную мечту от мечты, навязанной тебе миром?

* * *

Мы, как слёзы Всевышнего, падаем с неба и уходим в землю.
Мы проплываем прозрачными облаками и плещемся бездонными океанами.

* * *

Человек! Бог всегда готов войти в твоё сердце. Но в нём слишком мало места для Его Любви и Величия.

* * *

Если Он не входил в твои планы при жизни, то почему ты думаешь, что войдёшь в Его планы после смерти?

* * *

Он вручил тебе Вечность, а ты променял её на презренные медяки этого мира…

* * *

Человек! В тебя может вместиться Вечность, а умещается только сор недолговечного земного мирка.

* * *

Мы живём под зубовный скрежет невысказанных слов и под сердечную боль сказанных.

* * *

Человек!
Ты согласен нести бремя чужой судьбы? А своей собственной?
Ты нуждаешься в любви или в справедливости? А ты нуждаешься?
Твоей любви хватит на мир или на мирок? А на себя самого?

* * *

Мы заживо хороним собственные мечты, а потом до самой смерти носим по ним траур, обвиняя во всём жестокую судьбу.

* * *

От зловещего союза безжалостной судьбы и злого рока могут родиться счастливый случай или блистательная удача, если этот союз осенён Любовью.

* * *

Хозяева этого мирка столь же призрачны и недолговечны, как сам мирок. У Вечности нет хозяев.

* * *

Я пришла в этот мир по злосчастному мосту Судьбы.
Я улечу из него на орлиных крыльях Свободы.

* * *

Фатум и Фортуна – перила скользкого моста между двумя мирами, висящего над Вечностью и раскачиваемого Ветром перемен. И имя тому мосту – Судьба человеческая.

* * *

Мы приходим в этот мир очищать его от скверны, но наполняем ею собственные души. Мы приходим в этот мир наполнить его Светом, но нас самих поглощает тьма. Мы приходим в этот мир всесильными Богами, но становимся в нём беспомощными улитками.

* * *

Человек!
Ты потерян для Бога или для мира?
Ты боишься потерять себя или то, что имеешь?
Чем ты исчисляешь свои потери: годами или вечностями? Телами или душами?

* * *

Человек! Ты Дух безначальный и бесконечный, а впихиваешь себя в биографию своего недолговечного тела.

* * *

Я могу тебе дать только то, что имею. Но и ты можешь взять у меня только то, что способен.

* * *

Я принесла в этот мир Слово, но мир его не принял, не понял, не вместил. Мир привык обходиться словами. А я привыкаю обходиться миром.

* * *

Мы придумываем себе имена, голоса и лица,
Чтобы в Вечности не исчезнуть, не раствориться,
А потом начинаем верить в собственные небылицы.

* * *

Научись не говорить, а вещать.
Научись не видеть, а созерцать.
Научись не делать, а творить.

* * *

Этот мир суров и беспощаден. Им правит сила
Этот мир чудесен и загадочен. Им правит любовь.
Оба утверждения справедливы. Просто одно принадлежит тому, кто видит мир глазами, а другое – тому, кто зрит его сердцем.

* * *

Сказано: «Время лечит».
А я говорю: «Оно лечит боль и память, но не способно вылечить от глупости и от любви».

* * *

Самое страшное, что сможет сделать с тобой мир, – это наплевать тебе в душу. Держи свою душу на замке, человек! Душа – для Бога, а не для мира.

* * *

В этом мире, как в цветке, нет другого смысла, кроме хрупкости, недолговечности и красоты.

* * *

Мир – это зеркало, в котором можно увидеть только собственное отражение.

* * *

Жизнь – это медленное умирание. Умирание семени, чтобы вырасти деревом бессмертия или недолговечным сорняком.

* * *

Ты веришь словам человека или его молчанию? Его глазам или языку? Уму или сердцу?

* * *

Каждый день может быть началом новой жизни. Или… концом старой. Но только первое – в твоей власти.

* * *

Как часто мы обмениваемся взглядами, словами, телами; как редко – мыслями, чувствами, молчаниями. И никогда – душами, жизнями, вечностями.

* * *

Человек! У тебя есть право и свобода выбора. Но есть ли способность выбирать?

* * *

На вопрос «быть или не быть?» нет ответа, потому что он обращён не к телу, а к душе.

* * *

Мы попали в удавку времени, мы застряли в петле времён,
В вечном круге смертей и рождений, череде мёртвых дат и имён.

* * *

Моё время вопросов закончилось.
Закончилось моё время ответов.
Не во времени я живу, а в Вечности.
Только время задаёт вопросы.
Только время даёт ответы.

* * *

Посеешь веру – пожнёшь судьбу.
Посеешь Любовь – пожнёшь Вечность.

* * *

Из раны на сердце выросли цветы зла, а могло вырасти древо бессмертия.

* * *

Бывают стихи – пережитые состояния тела, ума, сердца, спрятанные в грубую оболочку слов. А бывают стихи – тайный шифр души, алхимией переплавленный в золото слов.

* * *

Слова – это поступки ума и души. Если слово – поступок души, то оно становится Словом.

* * *

Я выпускница этого мира, а мой аттестат – моя звёздная память – бессрочный пропуск в иные миры.

* * *

Мы теряем себя в этом мире по словам, по следам, по слезам, по чувствам, по мгновеньям, по жизням. Но однажды мы приходим сюда, чтоб собрать себя по частицам, по крупицам, по атомам и покинуть навсегда это место расставаний, разлук, утрат и потерь.

* * *

Я вдыхаю и выдыхаю этот призрачный мир.
Он проходит сквозь меня, оседая сажей тьмы.
А я остаюсь на нём звёздными блёстками Света.

* * *

Моя душа не досталась миру.
Он получил только тело и ум.
Что ж, они его порождение,
А значит – его добыча.

* * *

Человек!
Ты дверь в Вечность. Но сколько же вокруг запертых дверей!
Ты свеча в Его руке. Но сколько же вокруг погасших свечей!
Ты страница Книги Бытия. Но сколько же вокруг пустых страниц!
Ты Свет Истины. Но сколько же вокруг теней!
Ты алмаз в узоре Мирозданья. Но сколько же вокругподделок!
Ты Живое Слово. Но сколько же вокруг мертвецов!

* * *

Мы придумываем звёздам имена,
Словно они наша собственность.
А звёзды наблюдают за нами сверху,
Как родители за малыми детьми,
Играющими в земной песочнице.

* * *

Умение жить – это способность вовремя включать голову и отключать сердце, и наоборот.

* * *

Человек! Ты несчастен, потому что, выбирая между обыденностью и приключением, ты всегда выбираешь первое, а выбирая между свободой и благополучием, – второе. Твой всегдашний выбор – в пользу головы. Но ведь счастье – это состояние сердца, а не ума.

* * *

Человек! Ты единственное существо на планете, которое способно летать, не имея крыльев.

* * *

Твоё тело перестало быть храмом.
Оно сделалось вместилищем пищи.
Оно стало хранилищем слов.
Но ведь ты не плоть, обременённая словами,
Ты – Слово, облачённое в плоть.

* * *

Земля – подмостки нашего человеческого театра, а небо – занавес, отделяющий нас от Самих Себя.

* * *

Человек! Всё, что ты сейчас имеешь, ты когда-то выпросил у Бога. Выпросил это время, эту планету, это отечество, это тело, эту семью. Остальное ты добавил сам.

* * *

Наши достоинства делают нас ангелами, недостатки – людьми, а способность любить не за первые и вопреки вторым – богами.

* * *

Человек! Твои достоинства определяются не степенью нужности людям. Даже если ты никому из них не нужен, ты нужен самому себе, ты нужен Земле, ты нужен Вселенной, ты нужен твоему Создателю.

* * *

Наша земная вечность так скоротечна и недолговечна, что мы не успеваем осознать её малость и ограниченность и собственную беспредельность и бесконечность.

* * *

Как много за свою жизнь мы успеваем сказать себе и другим пустого и ненужного! А о Самом Главном нам так и не удаётся хотя бы помолчать.

* * *

Человек! Ты тратишь всю свою жизнь на преодоление тех препятствий, которые существуют только в твоей голове.

* * *

Человек! Если тебе хватает силы и терпения, чтобы дойти до конца своей жизни, то тебе должно хватить и того, и другого, чтобы дойти до её бесконечности.

* * *

Как часто протянутую нам сверху руку помощи мы принимаем за препятствие на пути к намеченной цели, а спасение нашей бессмертной души ценою бренного тела – за Божью кару!

* * *

Самое ценное содержимое твоего сосуда не в голове, а в сердце. Голову нам наполняет мир, сердце – Всевышний.

* * *

Человек! В твоём распоряжении два ключа: первый – от рая, второй – от ада. Один ключ – сердце, другой – язык.

* * *

Прошлое всегда кажется лучше, чем оно было, а настоящее – хуже, чем оно есть. Издали видна только общая картина, а настоящее состоит из деталей.

* * *

Прежде я ныряла в книгу, как в океан, но некоторые оказывались мелкими речушками или пустыми водоёмами, и я больно ударялась о каменистое дно. Теперь я научилась чувствовать глубину, стоя на берегу и не погружаясь в воду, чтобы не запачкаться и не утонуть в трясине чьих-то словесных нечистот.

Иногда маленькое двустишье может оказаться бездонным колодцем, а объёмный фолиант – мёртвым морем.

* * *

Мы держим собственных Пегасов на привязи своих обыденных человеческих чувств, кормим их отбросами этого мира и при этом хотим, чтобы за вдохновением они уносили нас в заоблачные миры Света и Красоты.

* * *

Я хотела попасть в его знойное лето
Из моей заснеженной, холодной зимы.
Но оно оказалось слишком жарким
Для моего окоченевшего сердца,
Слишком шумным для моего одинокого ума,
Слишком ярким для моей утомлённой души
И слишком предсказуемым для моей Тайны.

* * *

Счастье недостижимо, если оно – цель. Но любая цель достижима, если оно – средство.

* * *

Единственный способ обрести мудрость – это учиться на своих ошибках. Умный никогда не ошибается, поэтому мудрость ему не грозит. А у дурака есть шанс.

* * *

Устают только от ума. Глупость и мудрость не утомляют.

* * *

Подавляющее большинство довольствуются Землёй. Но отдельным индивидам для жизни необходимо звёздное небо.

* * *

Профессионализм – свойство ума. Талант – качество сердца. Иногда, встретившись в одном теле, им удаётся поладить, и тогда тело становится Мастером.

* * *

Все наши чувства – дети Любви. Правда, от разных отцов.

* * *

Чтобы воплотилась одна мечта, тысячи должны умереть.
Чтобы зажглась одна звезда, тысячи должны сгореть.

* * *

Огонь вражды, который ты разжёг в своём сердце, тебе когда-нибудь придётся тушить собственными слезами.

* * *

Каждый идёт к своему костру сквозь ночь и бесконечное одиночество, чтобы согреть своё замёрзшее сердце, но сгорает в нём дотла. Те немногие, кому удаётся возродиться из пепла, разжигают новые костры.

* * *

Нам предназначены от Создателя два равноценных дара. Первый дар – рождение, второй – смерть. Но оценить их мы можем только после получения.

* * *

Сказано: «Надежда умирает последней».
А я говорю: «Любовь не умирает никогда. Люди справляют поминки по собственным иллюзиям, которые они принимают за Любовь».

* * *

Я не лягу в землю, чтоб прорасти травою,
Я возвращусь на небо, чтоб загореться звездою.
На Земле останется только мой прощальный взгляд,
Путеводной нитью протянется, но я не вернусь назад.

* * *

Люди! Вам ли бояться конца света, когда вы рождаетесь, живёте и умираете во тьме?!

* * *

Смерть останавливает, забирает, лишает, разлучает, карает. Но она же избавляет, освобождает, спасает, милует, вознаграждает.

* * *

Никакая глубина ума не сравнится с глубиной человеческой глупости.

* * *

Скольких бед нам удалось бы избежать, если б мы научились не отталкивать своё и не цепляться за чужое.

* * *

Он наделил тебя властью превращать тьму в Свет. Властью делать обратное ты наделил себя сам.

* * *

Мудрость покупается дорогой ценой. За глупость приходится платить ту же цену. Но мы выбираем её, потому что нам кажется, что она стоит дешевле.

* * *

Жизнь – это возможность обрести силу или слабость, выбрать смерть или бессмертие, заплатить телом за душу или душой за тело.

* * *

Хочешь получать больше, чем заслуживаешь, – отдавай больше, чем имеешь. А то, что ты заслуживаешь, ты уже имеешь.

* * *

Человек! Почему тебе легче поверить в Жизнь после смерти, чем в Жизнь до жизни?

* * *

Вокруг меня лица, изображающие то, чего нет, чтобы скрыть то, что есть. Это как вывеска с надписью «Храм» над дверью публичного дома.

* * *

Он наградил нас величием. Ничтожество мы приобрели сами. Человек – единственное существо на планете, обладающее способностью скрывать собственное величие за своим ничтожеством.

* * *

Люди состязаются размерами тьмы, которую несут в мир. Победители получают славу, почёт и богатство. Побеждённыеостаются со своей тьмой. А у того, кто не участвовал в состязании, всегда остаётся шанс достичь Света.

* * *

То, как ты говоришь и действуешь, характеризует тебя как человека.
То, как ты молчишь, характеризует тебя как бога.

* * *

Человек! Ты настоящий – за пределами твоих мыслей и слов. Но ты там никогда не был.

* * *

Жизненный путь может так и не стать дорогой судьбы.

* * *

Человек! Неизречённое тобой слово принадлежит тебе, изречённое – Вечности.

* * *

Ты слышишь либо голос ума, либо молчание сердца. А иногда – и то, и другое. И вот тогда приходится выбирать…

* * *

Каждой мыслью, словом, поступком ты делаешь выбор в пользу смерти или бессмертия.

* * *

В той прошлой жизни осталось всё самое лучшее, что я принесла с собой в этот мир, и что мне не удалось притащить в настоящее.

* * *

Нам даёт силы только любовь к тому, что мы делаем, и к тем, кто нас окружает. Всё остальное – силы отнимает.

* * *

Человек! К тебе возвращается не только то, что ты некогда отправил в мир, но и то, что когда-то отправили в мир все твои предки.

* * *

Сказано: «Два самых важных дня в твоей жизни – день, когда ты появился на свет, и день, когда понял, зачем».

А я говорю: «Есть ещё третий день, когда ты сделал то, для чего появился на свет».

* * *

Человек! Если ты не способен оставить после себя Слово, то оставь хотя бы тишину.

* * *

Мне хотелось погрузиться в глубину человеческой тайны, но люди так мелки, что я всегда касаюсь ногами дна, как бы далеко ни заплыла.

* * *

Моя божественность – в моей незавершённости и в моём несовершенстве. В моей завершённости и в моём совершенстве – моя глупая человеческая гордыня.

* * *

Люди! Вы не пробовали убивать друг друга благородством и милосердием?

* * *

Каждый погружается в жизнь на ту глубину, на которую позволяют его ум и сердце. Поэтому большинство благополучно плавают на поверхности и… не тонут.

* * *

Если понятия хорошего и плохого всё ещё управляют твоей жизнью, то ты пока не выбрался из пелёнок этого мира.

* * *

Если всегда будешь делать только то, что надо, то так и не успеешь сделать то, что хочешь.

* * *

Бог – не для веры, а для Любви.
Мир не для борьбы, а для Жизни.
Ты – не для мира, а для Вечности.

* * *

Листья падают под музыку дождя.
Ветер дирижирует оркестром.
Торжественная осень правит бал.

* * *

Ты веришь в закон или в справедливость? В справедливость или в истину? В истину или в Любовь?

* * *

Битва света и тьмы – это на самом деле борьба между глупостью и невежеством. Свет не сражается – он просто светит.

* * *

Вход в этот мир только один, а выходов – великое множество. И если за целую жизнь ты их не нашёл и не опробовал, то лишил себя выбора. В момент смерти решать твою дальнейшую участь будешь не ты.

* * *

Самая тяжёлая ноша – чувство долга.
Самое неподъёмное бремя – совесть.
Самый тяжкий груз – ответственность.
Если в твоей жизни нет места для Любви.

* * *

Сказано: «Ученик – это не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь».

А я говорю: «А Учитель – не переполненный знаниями сосуд, а горящий факел, сжигающий себя ради других».

* * *

Вся лучшая половина человечества делится на ЖЕНЩИН, Женщин, женщин, баб и остальных. Вся худшая половина человечества делится на Учителей, мужчин и прочих.

* * *

Человек! Ты считаешь, что прожил свою жизнь не зря? Тогда ответь на три простых вопроса. Что такое жизнь? Что такое смерть? Что такое человек?

* * *

Завоевать оба мира пока не удавалось никому. Всегда приходится выбирать. Но даже сделанный выбор и приложенные усилия вовсе не гарантируют успеха.

* * *

Человек! Что движет тобой: любовь к жизни или страх перед миром? Поиски истины или жажда наживы? Вера в себя или недоверие к другим? Порыв или расчёт?

* * *

Только мы сами решаем, когда заканчивается наша жизнь: до или после смерти. Или вообще не заканчивается.

* * *

Человек! Мера твоей божественности определяется не количеством твоих добродетелей, а степенью твоей осознанности.

* * *

Степень твоего совершенства определяется той мерой совершенства, которой ты наделяешь других, поскольку в других мы замечаем только то, что есть в нас самих.

* * *

Человек! Ты за всё платишь своей жизнью. В равной мере – за ум и за глупость, за промахи и за достижения, за обретения и за потери, за победы и за поражения. Время – это та единственная валюта, которой ты способен расплатиться. До тех пор, пока она у тебя не закончится.

* * *

Человек! Ты ограничен только своим воображением.
Твоё воображение ограничено только твоей памятью.
Твоя память ограничена только твоим прошлым.
Живи здесь и сейчас – и обретёшь безграничность.

* * *

Правда всегда кому-то принадлежит. Истина же не имеет хозяина.

* * *

Ничто так не истощает тело и не иссушает душу, как поиски правды и справедливости. Ничто так не испепеляет сердце и не изнашивает тело, как поиски радости и счастья. Ничто так не опустошает ум и не разрушает тело, как поиски успеха и процветания. Ничто так не возвышает человека, как поиски Истины. Не лишай себя этих поисков, человек! Отыскав Истину, ты либо обретёшь всё остальное, либо утратишь нужду во всём остальном.

* * *

Существует всего лишь три способа пребывания в этом мире: пребывание в Боге, пребывание в поисках Бога и пребывание в невежестве.

* * *

Человек! Этот мир дан тебе только для одной-единственной цели – отыскать в нём Бога или… найти Ему замену, довольствуясь подходящей иллюзией.

* * *

Большое искусство – прожить в этом мире, не запачкавшись об него. Ещё большее искусство – не запачкать мир собой. И самое большое искусство – очистить этот мир своим присутствием.

* * *

Если ты родился ястребом, но тебе достались воробьиные крылья, забудь о небе. И даже ястребиные когти и клюв тебе не помогут.

* * *

Сколько людей, столько и вечностей. Но люди привыкли довольствоваться одной-единственной, а то и вовсе обходиться без неё.

* * *

Зачем человеку Истина, если можно прожить без неё?
Зачем человеку Святость, если можно прожить без неё?
Зачем человеку Совесть, если можно прожить без неё?
Зачем человеку Любовь, если можно прожить без неё?
Зачем человеку Вечность, если можно прожить без неё?
Вот люди и живут без Истины, без Святости, без Совести, без Любви, без Вечности…

* * *

Наш мир – кладбище душ:
Мёртвые телом – в земле,
Мёртвые духом – на поверхности.

* * *

Нашему телу всегда достаётся то, что отвергла наша душа.

* * *

Сколько мыслей, посеянных в тебе, проросли колосьями?
А сколько из тех колосьев стали Хлебом Жизни?
И сколько голодных ты накормил этим Хлебом и спас от смерти?

* * *

У Бога нет других рук, кроме твоих. Помни об этом, когда творишь ими злые дела.

* * *

Каждый из нас отчаянно дерётся за своё место под солнцем в этом крохотном мирке, отказавшись от собственной вечности.

* * *

Этот мир так скуп на жизнь и так щедр на смерть! Он дан на откуп тем, кто, нуждаясь в спасительной иллюзии, сам желает быть обманутым его лживыми дарами.

* * *

Вечности моих мыслей стали океанами моих слов. Только самые отважные погружаются на глубину. Но сколько ещё тайн сокрыто на дне… И есть ли дно у Вечности?

Плескайтесь у берега и собирайте пустые ракушки, выброшенные на берег. Это всё, что доступно вашему воображению. Так проще для ваших душ. Так безопаснее для ваших умов.

* * *

Каждому достаётся свой обрезок Жизни, свой объедок Судьбы, свой обломок Истины, свой обрывок Вечности, свой осколок Мирозданья, свой огрызок ума, свой обмылок сердца, свой обрубок души, свой отголосок Бога. Но нам никак не сложить из них общей Картины Бытия.

* * *

Нельзя быть в Боге по колено.
И по уши нельзя быть в Боге.
И даже по сердце нельзя.
В Боге можно только утонуть и раствориться.

* * *

Мир вдруг заиграл всеми красками в хмурый дождливый день.
Что-то случилось в мире?
Нет. Во мне.

* * *

Люди знают, зачем нужна пища. Они знают, зачем нужна вода. Жилище и одежда. Золото. Религия и наука. Искусство. Добро и зло. Друзья и враги. И, конечно, любовь. И даже солнце. Но они не знают, зачем нужна Истина. Она не вписывается в их картину мира.

* * *

Почему вокруг так много мертвецов? Потому что Настоящая Жизнь происходит внутри, а не снаружи.

* * *

Всё Вечное – внутри. Снаружи – только временное.

* * *

Я никогда не начиналась и нигде не закончусь. У Меня нет предела, нет дна. Меня никто не создал и никто не уничтожит. Вечность – только одно из Моих имён. Меня нет, и Я есть. Я – Великая Пустота, которая меня породила.

* * *

Человек! Ты не можешь отыскать смысл жизни, потому что не смог пока отыскать смысл собственного существования.

* * *

Самое большое наше заблуждение состоит в том, что мы продолжаемся в детях, в посаженных деревьях и в построенных домах.

Мы продолжаемся в Вечности, если мы там что-то родили, посадили, построили.

* * *

Важно не что мы делаем, а в чём мы делаем – в мудрости или в невежестве. Именно от этого зависит результат.

* * *

Люди!
Ваши птицы не летают.
Ваши пчёлы не жужжат.
Ваши деревья не шумят.
Ваши цветы не пахнут.
Ваши облака не плывут.
Ваши звёзды не мерцают.
Ваше солнце не светит.
Ваша земля не вращается.
Ваши океаны не плещутся.
Ваши слова не звучат.
Ваши души не поют и не стонут.
Вам только кажется, что вы живы.

* * *

Есть люди-слова, а есть – отзвуки слов.
И очень редко – Слова.
Но иногда сквозь их гул произносится СЛОВО.
От звучанья его замирает Земля и меняет своё вращенье.
Она уже никогда не будет прежней.

* * *

Человек! Если ты не убедился в этом при жизни, то смерть – твой последний шанс доказать самому себе, что ты и твоё тело – не одно и то же.

* * *

Тело родилось, училось, женилось, рожало, любило, работало, смеялось, грустило, мечтало, молилось, болело, лечилось и умерло. Отслужило свой срок. А где всё это время был ты?

* * *

Человек! То, что ты называешь проблемами и неприятностями, – не помеха жизни. Это и есть сама жизнь. Все помехи ищи не в жизни, а в себе.

* * *

Если свою смерть ты называешь жизнью,
Если своего идола ты называешь Богом,
Если своё тело ты называешь человеком,
То Тебя пока просто нет –
Есть то, что ты называешь жизнью,
Есть то, что ты называешь Богом,
Есть то, что ты называешь человеком.

* * *

Даже если исчезнет всё, и мир погрузится во тьму, Мой Свет начнёт всё сначала.

* * *

Я дарую тебе не звёзды, не миры, не вселенные, не мирозданья. Я вручаю тебе то, что их сотворило и на чём держится сама Вечность – СЛОВО. Каждый ли способен принять этот Дар?

* * *

В мой дом из шумного мира влетают, вползают, вбегают, входят, вламываются, вваливаются, протискиваются слова. Стремительно, смущённо, неуверенно, нехотя, прихрамывая, пританцовывая, напористо, беззастенчиво, весело, тайком, уныло, услужливо, бережно, с любовью, со страхом, с завистью, с негодованием, с благодарностью, с равнодушием, с изумлением… По-разному. По-всякому. По-человечьи.

Но СЛОВО проникает ко мне только изнутри. И Путь его мне неведом.

* * *

Сказано: «Человеку для счастья нужно так немного».

А я говорю: «Не для счастья, а для маленького человеческого благополучия. А для счастья – и Вечности мало».

* * *

Слово от СЛОВА отличается не величиной, не глубиной, не смыслом, не наполненностью, а источником. Первое приходит от ума, второе – от Духа.

* * *

Моё прошлое и моё будущее огорожены со всех сторонне непроходимыми барханами времени. Моё здесь и сейчас – безгранично, беспредельно, бездонно. Я владею им всецело и безраздельно.

* * *

Почему верить в Бога – это благочестие и святость, а слышать Бога – безумие или шарлатанство?

* * *

Говорящие с Ним всегда кажутся безумцами тем, кто Его не слышит. Но чтобы Его услышать, нужно действительно сойти с пути ума и войти в храм сердца.

* * *

В поисках Истины я когда-то отправилась в глубь себя и уже не вернулась обратно. Для этого внешнего мира я потеряна навсегда.

* * *

Не бойся боли, человек! Возможно, это самое достойное из того, что ты испытал в жизни.

* * *

Чувство счастья не принадлежит этому миру. Если оно покинуло тебя, значит, ты потерял связь с Источником Жизни. Это самое худшее из того, чем ты мог наказать сам себя.

* * *

Смерть – это возвращение в Вечность. А Вечности страшатся только одноразовые люди, рассчитанные на одну жизнь.

* * *

Человек! Счастье всегда слепо, глухо и глупо. Вместе с ним получаешь и его свойства. Оно доступно всем. До Благодати же нужно дорасти душой и дотянуться сердцем.

* * *

Мир способен наградить нас только тем, что потом сам же непременно отберёт.

* * *

Подавляющее большинство людей выходят из игры под названием «жизнь» такими же, как они вошли в неё. Дряхлеет тело, наполняется память, слабеет ум, устаёт сердце. Меняются биология и психика. Сущность остаётся прежней.

* * *

Ум всегда в разладе с сердцем. Не пытайся их примирить. Научи ум подчиняться сердцу, а сердце – подчинять себе ум.

* * *

Человек! Твоё бессмертие – это Дар, который стал для тебя проклятьем с тех пор, как ты перестал управлять им, позволив ему управлять тобой.

* * *

Нет ничего, кроме жизни. Она может принять любую форму, даже форму смерти.

* * *

Человек! В твоей жизни так много места занимают люди, чувства и предметы. А для тебя самого остаётся в ней место? Или ты растворяешься во всём остальном?

* * *

Когда ничего в твоей жизни изменить уже нельзя, оставь всё, как есть, и начни с нуля. Такую возможность судьба даёт нам каждое мгновенье.

* * *

Человек! Единственная нехватка, которую ты никогда не замечаешь, поглощённый поисками всего прочего, – это нехватка Бога.

* * *

Человек! Каждый раз, когда ты делаешь выбор между добром и злом, ты на самом деле выбираешь между жизнью и смертью. Просто результат твоего выбора тебе не сразу бывает заметен.

* * *

Тишина всегда говорит с тобой твоим собственным голосом, но он звучит внутри, и услышать его можно только сердцем. Увы! Человеческие сердца стали глухи и слепы. Это просто мышечные насосы, перекачивающие кровь…

Человек! Сделай невозможное – услышь Голос Тишины!